А. П. Мельниковъ.

Къ трехсотлѣтію Смутнаго времени.

Нижній-Новгородъ и Нижегородскій край.

I.
...торическій очеркъ
...жняго-Новгорода.

II.
Этнографическій о...
Нижегородскаго ...

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во вторую часть настоящей брошюры вошелъ этнографическій очеркъ Нижегородскаго края. Очеркъ этотъ представляетъ собой, во-первыхъ, плодъ моихъ многолѣтнихъ личныхъ наблюденій, главнымъ образомъ, по быту заволжскихъ старообрядцевъ, во-вторыхъ, составленъ по разнымъ источникамъ, указаннымъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Очеркъ этотъ, заново переработанный, значительно расширенный и пополненный новыми свѣдѣніями, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, и отдѣльные отрывки изъ моихъ статей, помѣщенныхъ ранѣе въ разныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, какъ, напр.: „Дѣйствія Нижег. Учен. Архив. комиссіи“ (1891—92 г.), издававшійся подъ редакціей Н. Н. Рейхслета въ Одессѣ журналъ „По Морю и Сушѣ“ (1893—94 г.), „Нижегород. Губ. Вѣдом.“ (1893—94 г.), „Памятныя книжки Нижегород. губ.“ (па 1895 и 96 г.). Всѣ эти изданія, какъ большинство провинціальныхъ, не имѣли достаточно широкаго распространенія; такъ, напр., „Дѣйствія Архивной комиссіи“ дальше тѣснаго кружка членовъ самой комиссіи почти не шли; „Губернскія Вѣдомости“, разумѣется, распространялись только мѣстно, да и то въ количествѣ не болѣе 400 экземпляровъ; „Памятныя книжки“, благодаря слишкомъ казенному отношенію къ дѣлу издававшаго ихъ въ ту пору Губернскаго Правленія, почти совсѣмъ не имѣли распространенія; такъ, „Памятная книжка“ на 1896 годъ, изданная нарочно къ открытію въ

Н.-Новгородѣ Всероссійской выставки, пролежала все время въ неоткрывшемся всю выставку павильонѣ, а затѣмъ цѣликомъ была снесена въ подвалъ губернской типографіи. Благодаря такимъ обстоятельствамъ, помѣщаемые въ этихъ изданіяхъ мои очерки оставались совершенно никому неизвѣстными. Я и глядѣлъ на нихъ какъ на матеріалъ, которымъ имѣлъ въ виду рано или поздно воспользоваться, но случилось такъ, что, какъ пришлось мнѣ, къ прискорбію, слишкомъ поздно узнать, воспользоваться ими успѣли раньше меня, соблазнившись, очевидно, тѣмъ, что работы мои остались никому неизвѣстными. Однимъ изъ такихъ, не брезгующихъ воспользоваться при случаѣ тѣмъ, что плохо лежитъ, оказался нѣкто г. А. С. Архангеловъ, который въ своей брошюрѣ, изданной въ 1899 году П. П. Сойкинымъ подъ заглавіемъ „Среди раскольниковъ и сектантовъ Поволжья", безцеремонно перепечаталъ *) цѣлые абзацы, а въ одномъ мѣстѣ и цѣлыхъ двѣ слишкомъ страницы изъ моихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ журналѣ „По Морю и Сушѣ" и „Памятной книжкѣ" на 1896 г.**). Перепечатывая цѣликомъ изъ моихъ трудовъ, г. А. С. Архангеловъ ни словомъ не обмолвился о заимствованіи, совершивъ такимъ образомъ плагіатъ. Не подозрѣвая совершенной у меня кражи, я допустилъ по просьбѣ Губернскаго Правленія безъ всякой оговорки кой-что перепечатать и въ „Памятной книжкѣ" на 1900 годъ, не воображая, что на этотъ разъ уже самъ ни за что ни про что рисковалъ быть заподозрѣваемъ въ плагіатѣ, но этого мало: составивъ этнографическій очеркъ для настоящаго изданія, я включилъ въ него нѣкоторыя мѣста изъ прежнихъ моихъ работъ,— мѣста, показавшіяся мнѣ недурными въ литературномъ отношеніи. Только на-дняхъ, въ концѣ декабря

---

*) На страницахъ 84, 85, 90, 144, 146 и отъ 147 до 149.

**) Журналъ „По Морю и Сушѣ", № 30, 1893 года, «Памятныя книжки», стр. 94, 95 и начиная съ 98 до 101.

прошлаго 1910 года, когда очеркъ мой уже былъ напечатанъ въ настоящемъ изданіи, мнѣ впервые случайно попалась брошюра Архангелова, при чемъ пришлось обнаружить, что нѣкоторыя изъ присвоенныхъ г. А. С. Архангеловымъ мѣстъ, принадлежащихъ моему перу, попали на страницы настоящаго очерка*), гдѣ цѣлыми абзацами, гдѣ по нѣскольку строкъ. Не считая умѣстнымъ вдаваться здѣсь въ подробности, сравнивая выкраденныя г. Архангеловымъ мѣста съ моими подлинниками, передамъ лишь какъ курьезъ, что, совершая плагіатъ, перепечатывая мои строки, г. А. С. Архангеловъ въ двухъ мѣстахъ повторилъ и опечатки этихъ строкъ; такъ, перекрадывая строки, гдѣ идетъ описаніе богослужебнаго наряда скитскихъ уставщицъ, онъ повторяетъ напечатанное съ ошибкой въ „Памятной книжкѣ“ на 1896 годъ: „а въ *лѣвую* руку беретъ лѣстовку“, тогда какъ слѣдовало бы сказать въ *правую*. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ идетъ описаніе лѣстовки, опять повторяетъ опечатку „Памятн. кн.“ въ 1896 г.: „прикрѣплены къ концамъ (основы) *три* треугольника“, тогда какъ слѣдовало бы сказать *„четыре“*.

Если покопаться въ брошюрѣ г. Архангелова, вѣроятно, нашлось бы и еще не мало плагіатовъ. Нѣкоторыя мѣста что-то сильно напоминаютъ, напримѣръ, неизданную до сего времени**), долгое время находившуюся въ Казанской духовной академіи и оттуда неизвѣстно куда исчезнувшую, рукопись П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго): „Отчетъ о современномъ состояніи раскола въ 1854 году“, на который, впрочемъ, тотъ же Архангеловъ мѣстами ссылается, но я говорю о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ никакихъ ссылокъ.

---

*) Страницы 137, 138, 148, 149 и 150.

**) Эта рѣдкая рукопись, которая, какъ недавно обнаружилось, хранится теперь въ Виленской Публичной библіотекѣ, нынѣшній годъ первый разъ появляется въ печати въ сборникѣ, посвященномъ памяти П. И. Мельникова, изд. Ниж. Уч. Арх. комиссіи.

Это маленькое предисловіе, по весьма понятнымъ причинамъ, я считаю необходимымъ предпослать настоящему изданію, такъ какъ, благодаря стеченію неожиданныхъ обстоятельствъ, безъ этого разъясненія я самъ каждую минуту рисковалъ бы попасть въ плагіаторы за свои же ранѣе выкраденныя у меня строки.

Я не имѣю понятія, кто такой и что изъ себя изображаетъ А. С. Архангеловъ,—по фамиліи, несомнѣнно, изъ духовнаго званія, а по тону брошюры его и, главное, освѣщенію нѣкоторыхъ фактовъ можно думать, что онъ къ тому же и лицо духовное. Не хочется вѣрить, но если такъ, тѣмъ постыднѣе для него.

А. П. Мельниковъ.

1911 годъ, 3 января.
Н.-Новгородъ.

Историческій очеркъ Нижняго-Новгорода.

ГЛАВА I.

Съ древнѣйшихъ временъ до паденія Нижегородскаго княжества.

Древній торговый путь изъ варягъ въ греки по Волхову, Ильменю, Ловати, затѣмъ волокомъ до Днѣпра и Днѣпромъ въ Черное море — путь болѣе древній, чѣмъ обыкновенно принято думать. Еще во времена Геродота, за четыреста лѣтъ до Р. Х., путь предпріимчивыхъ грековъ изъ Гелона въ Геры и далѣе Борисѳеномъ въ Понтъ Эвксинскій, былъ въ сущности тотъ же путь, который служилъ впослѣдствіи столь же предпріимчивымъ ильменскимъ славянамъ и норманнамъ. Упоминаемый Геродотомъ городъ Гелонъ, называемый имъ греческой колоніей и находившійся по его же сказанію въ землѣ вудиновъ, жившихъ къ сѣверо-западу отъ царскихъ скиѳовъ (т.-е. въ теперешнемъ Привислинскомъ и Прибалтійскомъ краѣ), стоялъ у какого-то многоводнаго озера. Изъ того, что повѣствуетъ Геродотъ о вудинахъ и ихъ странѣ, нетрудно узнать въ нихъ нашихъ предковъ-славянъ, именно тѣхъ славянъ, которые позднѣе, по словамъ перволѣтописца, «нарекошеся своимъ именемъ русь, рѣки ради Руссы, и создаша градъ и нарекоша его Новъ-Градъ». Этотъ «Новъ-Градъ» близъ многоводнаго озера (Ильменя) не назвался ли *новымъ градомъ* потому, что основанъ былъ на мѣстѣ или поблизости какого-то *стараго града!* Что же это былъ за старый градъ? У скандинавскихъ писателей мы находимъ упоминаніе о городѣ Гольмгардѣ, стоявшемъ тоже у многоводнаго озера, судя по описанію приблизительно на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Новгородъ, а по сравненію это описаніе съ извѣстіемъ Геродота—на томъ мѣстѣ или поблизости того мѣста, гдѣ стоялъ Гелонъ, на торговомъ пути, впослѣдствіи пути славянъ изъ варягъ въ греки. Торговая предпріимчивость древ-

нихъ грековъ едва ли увлекала ихъ далѣе на сѣверъ, какъ кажется, имъ совсѣмъ неизвѣстный, но ильменскіе славяне и норманны изстари вели уже дѣятельныя торговыя сношенія съ Великой Біарміей, находившейся на верховьяхъ Камы и Печоры. Біармійцы, въ свою очередь, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Востокомъ, и ихъ путь на Востокъ былъ по Камѣ и Вулгарѣ (Волгѣ) до моря Хвалисскаго. По условіямъ древняго торговаго судоходства важную роль играли встрѣчные пункты, гдѣ суда, шедшія съ двухъ противоположныхъ концовъ воднаго пути, должны были неизбѣжно встрѣчаться. На такихъ пунктахъ происходилъ обмѣнъ товара, и суда, которымъ не зачѣмъ было продолжать дальнѣйшій долгій и не безопасный по тѣмъ временамъ путь, возвращались обратно въ свои края. На такихъ пунктахъ возникали обширные торги, возникали, наконецъ, богатые города. Такимъ встрѣчнымъ пунктомъ для торговыхъ судовъ біармійцевъ съ судами восточными приходилось мѣсто на рѣкѣ Вулгарѣ, невдалекѣ отъ устья Камы. Ежегодно въ рединѣ лѣта сюда стекалось множество торговыхъ людей, и на этомъ «великомъ сходбищѣ» возникъ скоро городъ вулгарей—торговыхъ судоходцевъ, городъ «Вулгары», а по арабскому произношенію «Булгары». Мало-по-малу и вся торговая дѣятельность, а съ нею и культурный центръ біармійцевъ, перетянулся сюда къ устью Камы съ ея верховьевъ. Съ IX вѣка мы уже встрѣчаемъ извѣстія о богатомъ царствѣ Булгаръ. Еще задолго до того началось упорное стремленіе ильменскихъ славянъ къ этому великому торжищу. Путь для нихъ лежалъ верхней Волгой, лѣсныя побережья которой заселены были финскими племенами древнѣйшихъ исконныхъ обитателей теперешней средней и сѣверной Россіи. Венды (у Геродота—энеты), къ которымъ принадлежало и племя вудиновъ, во времена незапамятныя пришедшіе съ Востока, уже застали здѣсь финновъ по сосѣдству со скиѳами. Венды назвали ихъ чудью, т.-е. именемъ, которое по объясненію Гильфердинга [1]) значило подвижной, быстрый, то же, что скиѳъ, — кочевникъ, кибитникъ, бродячій. Оттѣсненная вендами къ сѣверу, чудь разселилась по побережьямъ Балтійскаго моря, Финскаго и Ботническаго заливовъ, и отсюда до Камы, Печоры, по Волгѣ, Пріуралью и въ предѣлахъ западной Сибири, такъ что надо считать шесть главныхъ группъ древнихъ чудскихъ племенъ: чудь приботниче-

---

[1]) Гильфердингъ. «Древнѣйшій періодъ исторія славянъ».

Общій видъ Нижняго-Новгорода съ Оки. Съ фотографіи *М. П. Дмитріева.*

ская, чудь заволоцкая, чудь поволжская, каміасы, къ которымъ принадлежали и біармійцы, потомковъ которыхъ мы видимъ въ лицѣ зырянъ; чудь пріуральская, чудь сибирская. Къ чуди поволжской принадлежали весь, меря, остатки которой, кажется, надо видѣть въ черемисахъ, хотя, впрочемъ, Несторъ упоминаетъ о нихъ отдѣльно отъ мери; мордва, до сихъ поръ сохранившая черты своей національности, да племена мещеры и муромы, такъ же, какъ частью и мордва сидѣвшихъ невдалекѣ отъ Волги по берегамъ Оки. Съ этими-то чудскими племенами и пришлось имѣть дѣло славянамъ, пролагавшимъ себѣ путь сначала къ великой Булгаріи, а затѣмъ позднѣе и далѣе на Востокъ. Долгое время торговля славянъ съ булгарами велась не иначе, какъ при посредствѣ чуди поволжской и именно Веси, способомъ такъ называемаго «нѣмого торга». Не довольствуясь такимъ посредничествомъ, ильменскіе славяне стремились войти въ прямыя сношенія съ великимъ торговымъ городомъ, а для этого нужно было овладѣть побережьемъ верхней Волги. Памятниками этого движенія должно считать нѣкоторые древніе города приволжскаго края, образовавшіеся изъ такъ называемыхъ *торжковъ,* какъ, напримѣръ, Угличъ, Молога. Одинъ изъ такихъ городовъ на рѣкѣ Тверцѣ удержалъ и до настоящаго времени названіе Торжка, — названіе, обратившееся изъ нарицательнаго въ собственное имя. Однако завладѣніе верхняго Поволжья было дѣломъ по преимуществу не новгородцевъ, подготовившихъ лишь почву къ тому, а славянъ, выходцевъ съ юга.

Въ теченіе трехъ столѣтій, начиная съ IX в., происходило постепенное мирное колонизаторское движеніе славянъ по теченію верхней Волги, среди земель, съ незапамятныхъ временъ заселенныхъ чудскими племенами. Къ концу XI столѣтія вся верхняя Волга, почти до устья Оки, принадлежала уже русскимъ. Здѣсь дальнѣйшее поступательное движеніе славянъ должно было остановиться у предѣловъ Великой Булгаріи. Сильное тогда царство волжскихъ болгаръ, съ которымъ предстояла борьба славянамъ, занимало громадное пространство отъ устья Суры внизъ по Волгѣ и по низовьямъ Камы. О народѣ болгарскомъ до насъ дошли довольно отрывочныя извѣстія; болѣе опредѣленныя извѣстія о нихъ начинаются не ранѣе X в., со времени принятія болгарами магометанства. Ахмедъ-Ибнъ-Фоцланъ, посланный въ Булгарію въ качествѣ миссіонера багдадскимъ халифомъ, составилъ первое подробное описаніе какъ народа бол-

гарскаго, такъ и страны, имъ обитаемой, страны далекаго сѣвера, мрака и стужи. Фоцланъ много говоритъ о нравахъ болгаръ, ихъ странныхъ обычаяхъ, образѣ жизни и т. п. Сколько можно судить изъ его извѣстія, а также двухъ его современниковъ Ибнъ-Дасты и Массуди [1]) и частью на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ русскихъ лѣтописей, болгары имѣли довольно благоустроенные города. Въ столицѣ Болгаріи въ Великомъ городѣ происходилъ ежегодно обширный ярмарочный торгъ, на который съѣзжались гости дальняго Востока и новгородскіе купцы,— словомъ, болгарскій народъ представлялъ изъ себя совсѣмъ не то, что меря и весь, съ которыми до того имѣли дѣло на Волгѣ славяне. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ русскихъ лѣтописей видно, что и сами славяне не всегда рѣшались тягаться съ болгарами и нерѣдко принуждены бывали признавать ихъ совершенство передъ собой; такъ, напримѣръ, подъ 985 годомъ лѣтописецъ, говоря о походѣ Владиміра на болгаръ, разсказываетъ слѣдующій эпизодъ: послѣ побѣды, одержанной Владиміромъ, Добрыня, осмотрѣвши плѣнныхъ, говоритъ великому князю: «сглядохъ колодникъ и суть вси въ сапозехъ; симъ дани намъ не платити, пойдевѣ искать лапотниковъ и сътвори миръ Владиміръ съ болгары». Смѣтливый Добрыня понялъ, что русскимъ лапотникамъ не подъ силу держать въ подчиненіи людей, которые ходятъ въ сапогахъ, а слѣдовательно, находятся на болѣе высшей ступени, если не культурнаго развитія, то, по крайней мѣрѣ, матеріальнаго благосостоянія. Въ то время, когда славяне еще были язычниками, болгары уже исповѣдывали Единаго Бога; мусульманство ими было принято слишкомъ за полстолѣтія до принятія христіанства русскими, но, какъ нѣкоторые полагаютъ, еще и ранѣе между ними было много исповѣдывавшихъ Моисеевъ законъ и даже будто бы встрѣчались христіане.

Украйнымъ русскимъ городомъ на Волгѣ въ то время былъ Городецъ-Радиловъ, нынѣ село Городецъ, Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Между окраинами русскихъ владѣній на Волгѣ и Великой Булгаріей, вся площадь, занимаемая теперь

---

[1]) Кромѣ Фоцлана, Дасты и Массуди, о народѣ болгарскомъ мы встрѣчаемъ извѣстія у слѣдующихъ восточныхъ писателей: у Ибнъ-Хуакаля, Эль-Бахи, Исхари; затѣмъ отъ XI в. до XIII в.—у Эль-Бекара, Эдриссп, Андолуси, Джавалики, Якута, Кавзини и др. Всѣ эти авторы переведены на европейскіе языки, нѣкоторые изъ нихъ переведены на русскій Эрдманомъ, Хвольсономъ и др.

нагорной частью Нижегородской губерніи, въ глубокой древности была покрыта почти сплошными дремучими лѣсами; отъ этихъ лѣсовъ теперь давно и помину нѣтъ, только лишь одни названія нѣкоторыхъ мѣстностей указываютъ о когда-то бывшихъ здѣсь дебряхъ, такъ, напримѣръ, еще въ началѣ прошлаго столѣтія вся южная половина Нижегородскаго и сѣверная Горбатовскаго уѣздовъ назывались Березопольемъ; часть Горбатовскаго у., прилегающая къ Окѣ, въ древности называлась Мещерскою порослью и пр. Въ этихъ лѣсахъ ютилось полудикое племя мордовское. Мордва, сохранившая еще и до сихъ поръ мѣстами свои національныя черты, въ настоящее время представляетъ изъ себя самое многочисленное племя финскаго корня изъ обитающихъ въ Поволжьѣ; изъ новѣйшихъ филологическихъ изысканій [1]) можно заключить, что племя это принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ обитателей территоріи теперешней Россійской имперіи, жившихъ здѣсь еще задолго до Р. Х. [2]); однако объ этомъ нѣсколько загадочномъ племени мы не встрѣчаемъ опредѣленныхъ извѣстій вплоть до начала XII вѣка, когда о немъ начинаютъ упоминать русскія лѣтописи. Одно изъ первыхъ лѣтописныхъ извѣстій о мордвѣ мы находимъ подъ 1103 годомъ, гдѣ упоминается о первомъ столкновеніи славянъ съ этимъ племенемъ, разсказывается о походѣ муромскаго князя Ярослава Святославича: «бися Ярославъ съ мордвою мѣсяца марта 4-й день»; походъ этотъ былъ неудаченъ для муромскаго князя, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ лѣтописецъ прибавляетъ: «и побѣжденъ бысть Ярославъ». Мордва становится болѣе извѣстной русскимъ съ конца XII в., когда начинаются походы суздальскихъ и рязанскихъ дружинъ въ Болгарію. Первымъ рѣшительнымъ движеніемъ русскихъ на болгаръ нужно считать походъ Мстислава, сына Андрея Боголюбскаго, въ 1171 году. Походъ этотъ былъ не совсѣмъ удаченъ: по случаю зимняго времени люди вязли въ глубокомъ снѣгу и шли неохотно, тѣмъ не менѣе, Мстиславъ взялъ одно мордовское укрѣпленіе, разорилъ нѣсколько селеній и, пройдя до устья Камы, по совѣту своего воеводы Бориса Жидомировича, отступилъ обратно къ Окѣ. Это отступленіе, впрочемъ, было похоже на бѣгство, — за русскими гнались до шести тысячъ

[1]) См. «Мордва», историко-этнографическій очеркъ И. Н. Смирнова. «Извѣст. Общ. Арх., Ист. и Этнографіи», 1892 г.

[2]) Какъ и вообще вся чудь, см. «Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ». А. Гильфердинга.

болгаръ. Съ этихъ поръ начинаются почти непрерывные походы русскихъ въ Болгарію; изъ этихъ походовъ особенно памятны въ исторіи походъ Всеволода III Суздальскаго въ 1184 г. [1]) и походъ 1186 года.

Въ 1219 году болгары, соединившись съ мордвою, произвели нападенія на русскія земли. Вторгшись въ предѣлы теперешней Вологодской губерніи, разгромивъ чудь заволоцкую и взявши городъ Глядень (нынѣ Великій Устюгъ [2]), они двинулись на берега Унжы и здѣсь начали строить укрѣпленія. Это обстоятельство вызвало новый походъ русскихъ на болгарскую землю; въ слѣдующемъ 1220 году собралось сильное войско подъ начальствомъ Святослава Всеволодовича, родного брата князя суздальскаго Георгія, къ нему присоединились дружины переяславскія, ростовскія, муромскія и устюжскія. Святославъ пошелъ мордовскими и болгарскими владѣніями до города Ошлюя [3]). Болгары, не ожидавшіе такого грознаго нападенія, повсюду при появленіи русскихъ обращались въ бѣгство. Ошлюй былъ выжженъ, и Святославъ съ большой добычей воротился обратно, разгромивъ по пути все побережье Волги. Этимъ походомъ былъ нанесенъ первый тяжелый ударъ болгарскому могуществу. Мордовскія земли по берегамъ Волги и Оки навсегда были присоединены къ русскимъ владѣніямъ. Границы Суздальскаго княжества подошли вплоть къ болгарскимъ владѣніямъ. Къ этому же приблизительно времени относится и основаніе Нижняго-Новгорода.

Построеніе городовъ было излюбленнымъ дѣломъ суздальскихъ князей. Упроченіе независимости своего молодого княжества являлось въ то же время завѣтной мечтой младшей линіи Ярославова потомства, а между тѣмъ древній Кіевъ, всецѣло попрежнему полный обаянія своей славы перваго изъ городовъ русскихъ, какъ глава и хозяинъ русской земли, не давалъ покоя суздальскимъ князьямъ. Необходимо было имъ имѣть въ

---

[1]) Доходилъ до города Бюляра, остатки котораго замѣтны и теперь около притока Волги Черемшана (см. «Воскресенск. лѣт.»).

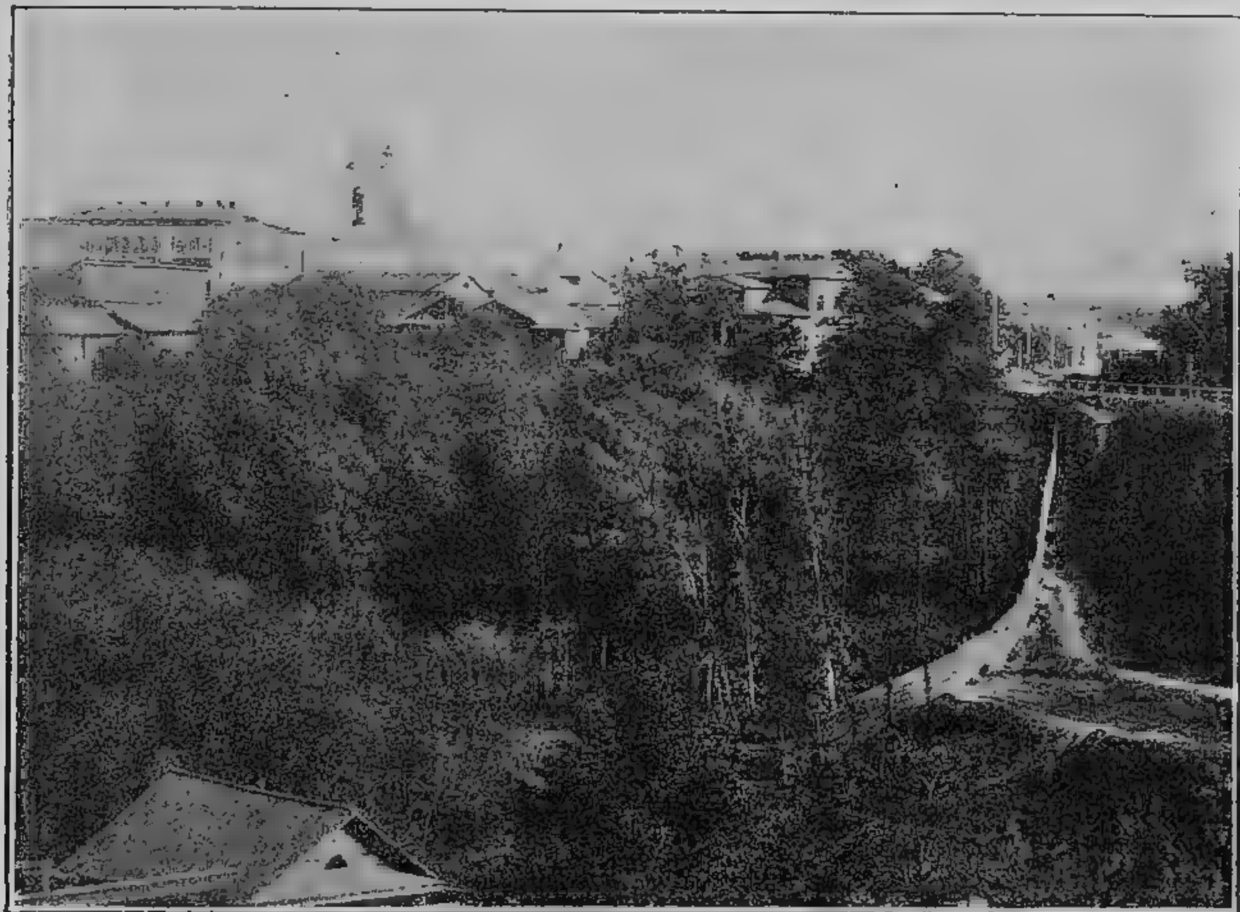
[2]) Городъ Глядень былъ расположенъ на высокомъ холмѣ верстахъ въ 5 отъ теперешняго В.-Устюга при самомъ впаденіи р. Юга въ Сѣверную Двину (см. «Велико-Устюжская Лѣтопись», А. А. Титова).

[3]) Ошелъ, Ошлы, правильнѣе Ошлюй или Ошлей, происходитъ отъ двухъ словъ: Ошъ—городъ и Лей или Люй—рѣка, т.-е. приречный городъ. Остатки Ошлюя и до сихъ поръ замѣтны близъ впаденія рѣчки Кирельки въ Волгу, верстъ 7 ниже устья Камы, на правомъ берегу.

рукахъ столь же полный древней славой свой городъ. Такимъ городомъ на сѣверѣ былъ Новгородъ Великій, но Новгородъ находился въ рукахъ тѣхъ же южныхъ князей старшей линіи. Не даромъ Всеволодъ III, заботившійся объ упроченіи независимости своего великаго княжества, вопреки обычному праву, обойдя старшаго сына Константина, человѣка слабой воли, склоннаго больше пещись о своемъ личномъ спокойствіи, нежели о дѣлахъ государственныхъ, завѣщалъ великокняжескій столъ второму своему сыну Георгію, хотя тоже не отличавшемуся особенной твердостью воли, но все-таки болѣе энергичному, чѣмъ братъ. Изъ-за этого, однако, произошли распри, Константинъ вступился за свои права и послѣ довольно упорной борьбы, наконецъ, добился своего. «Поможе Богъ Костянтину» говоритъ лѣтописецъ. Въ 1219 году Константинъ умеръ, и великокняжескій престолъ уже по законному праву перешелъ Георгію. Для того, чтобы попытаться завладѣть Новгородомъ, у Георгія, однако, не хватило духу. «Но Суздалю нуженъ былъ Новгородъ,— того хотѣли князья, того требовало общественное мнѣніе,—пишетъ П. И. Мельниковъ въ одной изъ своихъ историческихъ замѣтокъ,—и Юрій (т.-е. Георгій) рѣшился сдѣлать свой Новгородъ». Такое соображеніе о причинѣ основанія Н.-Новгорода высказываетъ П. И. Мельниковъ, но были и другія не менѣе серьезныя причины къ основанію этого города. Необходимъ былъ крѣпкій оплотъ въ начавшемся наступленіи суздальцевъ съ рязанцами на болгаръ, необходимо было овладѣть устьемъ Оки и укрѣпить его постоянной крѣпкой засадой. Если же вышеизложенное соображеніе о причинѣ основанія Нижняго, какъ новаго Новгорода низовской земли, П. И. Мельниковъ, повидимому, основываетъ на названіи, данномъ Георгіемъ своему новому городу, то тотъ же П. И. позднѣе на IV Археологическомъ Съѣздѣ въ Казани въ 1874 г. относительно названія города «новымъ» высказываетъ другое соображеніе, допуская и даже почти утверждая, что на мѣстѣ основаннаго Георгіемъ новаго города былъ уже какой-то старый городъ. Соображеніе такого рода болѣе чѣмъ основательно, такъ какъ едва ли можно допустить, что на такомъ мѣстѣ, какъ устье Оки, не было всегда и гораздо ранѣе основанія Нижняго значительнаго поселка и даже именно города,—вопросъ только въ томъ, чей это былъ городъ: русскій ли, врѣзавшійся въ чужія владѣнія въ видѣ отдѣльной колоніи среди мордовскихъ или болгарскихъ земель, подобно тому какъ врѣзался

позднѣй въ предѣлы Казанскаго царства, напримѣръ, построенный Грознымъ на чужой еще тогда землѣ городъ Свіяжскъ, или это былъ городъ болгарскій или же, наконецъ, какъ существуетъ легенда, это было укрѣпленное мордовское становище, что, пожалуй, всего вѣроятнѣй.

А. С. Гацискій въ своей «Нижегородкѣ» и Н. И. Храмцовскій въ своей книгѣ «Краткій очеркъ исторіи и описаніе Н.-Новгорода» приводятъ слѣдующее сказаніе[1] о завоеваніи устья

На Почайнѣ.

Оки (приводимъ его въ редакціи Гацискаго): «Мордвинъ Абрамъ или Ибрагимъ, вышедшій изъ-за рѣки Кудьмы, поселился при впаденіи Оки въ Волгу на Дятловыхъ горахъ, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ. У Абрама было 14 сыновей и 3 дочери, для которыхъ онъ строилъ 17 домовъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ въ Нижнемъ Архіерейскій домъ. Поселеніе это было названо Абрамовымъ или Ибрагимовымъ городищемъ, а самъ Абрамъ поставленъ былъ всѣми мордовскими племенами ихъ предводи-

[1]) Сказаніе это впервые было найдено П. И. Мельниковымъ въ одномъ изъ старинныхъ хронографовъ.

телемъ. Когда Абрамъ заслышалъ о движенiи ратей суздальскихъ, муромскихъ и рязанскихъ, то принялся укрѣплять свой городъ, въ которомъ всѣхъ жителей уже было до 500 человѣкъ, и обнесъ его тыномъ, валами и рвами. Укрѣпленiе это обхватывало, съ сѣвера на югъ, все пространство отъ въѣзда на гору съ Волги — «Коровьяго взвоза», выходившаго па нынѣшнюю волжескую набережную, противъ нынѣшней М.-Печерки, вплоть до спуска на нынѣшнюю Лыкову дамбу; съ востока на западъ отъ рѣчки Ковалихи до рѣчки Почайны. Въ этомъ укрѣпленiи Абрамъ устроилъ въ двухъ мѣстахъ ворота: съ южной стороны вала широкiя съ дубовыми створами, которыя завалилъ землею, другiя, потайныя, на сѣверъ. Суздальскiя дружины явились подъ предводительствомъ князя Мстислава къ Абрамову городку въ количествѣ 14.000 ратниковъ. Не желая напрасно проливать крови, Мстиславъ вступилъ въ переговоры съ Абрамомъ, предлагая ему удалиться и признать надъ мордовскими племенами власть князя суздальскаго. Абрамъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ не прирожденный владыка мордовскаго народа, то и не имѣетъ права принять на себя никакихъ условiй безъ согласiя всего народа, и просилъ дать ему времени четыре года для сношенiй со всѣми мордовскими племенами. Мстиславъ согласился, измѣнивъ только срокъ четерехлѣтнiй на четерехдневный. Абрамъ успѣлъ воспользоваться и этимъ короткимъ временемъ: черезъ свои тайныя ворота немедленно разослалъ гонцовъ въ ближайшiя мордовскiя сельбища, требуя скорѣйшей помощи. Прежде истеченiя пазначеннаго Мстиславомъ срока отворилъ южныя ворота, и мордва ударила на рать великокняжескую».

Далѣе легенда разсказываетъ о томъ, что городище Абрамово все-таки было взято Мстиславомъ и послѣ кровопролитной сѣчи на берегахъ Оки мордва была разбита на голову и прогнана за Оку къ городу Боголюбову. Такимъ образомъ по легендѣ завоевателемъ устья Оки является не Святославъ Всеволодовичъ, а Мстиславъ Андреевичъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, дѣйствительно, какъ уже сказано, ходившiй походомъ на болгаръ и попутно имѣвшiй столкновенiе съ мордвой въ 1171 году, что было ровно за пятьдесятъ лѣтъ до похода Святослава. Не считалось ли это укрѣпленное мордовское городище съ тѣхъ поръ уже русскимъ городомъ, тѣмъ самымъ городомъ, возможность существованiя котораго допускаетъ П. И. Мельниковъ? Во всякомъ случаѣ, какъ бы то ни было, но какъ Кiевъ, который, по

Мордовское сельбище на Дятловыхъ горахъ у устья Оки, гдѣ теперь стоитъ Нижній-Новгородъ. Карт. *Г. Мальцева.*

справедливому замѣчанію А. С. Гацискаго [1]), «составляя узелъ для всего днѣпровскаго семейства рѣкъ, долженъ былъ возникнуть самъ собой по однимъ естественнымъ причинамъ, какъ складочное мѣсто для днѣпровскаго сѣвера», такъ точно и Нижній-Новгородъ, подобно Кіеву, стоявшему на пути изъ варягъ въ греки, находясь на серединѣ другого великаго торговаго пути, въ такомъ пунктѣ, какъ устье Оки, рано или поздно долженъ былъ возникнуть самъ собою, какъ необходимое слѣдствіе самаго географическаго положенія мѣстности. Если П. И. Мельниковъ дѣлаетъ предположеніе, что задолго до основанія теперешняго Нижняго, у устья Оки находился не болгарскій и не мордовскій, а русскій городъ «Нижній», то, во всякомъ случаѣ, такая гипотеза о существованіи русскаго города на мѣстѣ или поблизости теперешняго Нижняго, повторяемъ, не лишена вѣроятія, такъ какъ Волга и Ока, по выраженію того же Гацискаго, «съ незапамятныхъ временъ служили поприщемъ для славянской предпріимчивости», и исторія застаетъ славяно-руссовъ уже плотно усѣвшихся на верховьяхъ Волги и образовавшихъ такъ называемую Ростовскую область.

Существуетъ преданіе, что вскорѣ послѣ завоеванія устья Оки, великій князь суздальскій Георгій Всеволодовичъ, осматривая свои новыя владѣнія, былъ восхищенъ красотою Дятловыхъ горъ, напомнившихъ ему Кіевскія высоты; это будто бы и побудило его основать здѣсь городъ. Годъ основанія Нижняго-Новгорода съ точностью не извѣстенъ, списки нижегородскаго лѣтописца, какъ и вообще извѣстія лѣтописей, въ этомъ отношеніи разногласятъ: одни указываютъ 1212 годъ, другіе — 1221 и, наконецъ, третьи — 1222 [2]), который и принято почему-то считать истиннымъ годомъ основанія Нижняго, хотя нѣкоторые полагаютъ болѣе достовѣрнымъ годъ 1221, такъ какъ большинство лѣтописей—Никоновская, Тверская, Воскресенская—указываютъ именно этотъ годъ.

Послѣ похода Святослава, болгары, испытавшіе силу русскаго оружія, не смѣли уже подыматься противъ своихъ новыхъ сосѣдей. Едва умоливъ великаго князя суздальскаго не продолжать дальнѣйшаго разгрома ихъ владѣній, цѣной дорогого окупа

---

[1]) А. С. Гацискій. «Нижегородка», изд. 1876 г.

[2]) Кстати замѣтимъ—годъ одного изъ появленій недавней рѣдкой гостьи нашихъ небесъ—кометы *Галлея*.

они пріобрѣли у него миръ. Но, не обнаруживая открытой вражды, болгары начали дѣйствовать противъ Суздальскаго княжества черезъ посредство мордвы, то и дѣло возбуждая ее къ возстанію. Разрозненныя племена этихъ лѣсныхъ обитателей вскорѣ соединились въ тѣсный союзъ подъ предводительствомъ одного изъ князей своихъ Пургаса. Около двадцати лѣтъ длилась упорная борьба русскихъ съ мордвою, и только въ 1292 году мордва была окончательно усмирена. Въ то время, когда еще происходила упорная борьба суздальскихъ князей съ покоренной мордвой, по русской землѣ пронеслась роковая вѣсть о какихъ-то невѣдомыхъ пришельцахъ съ востока, которые, все истребляя на пути, грознымъ бичомъ Божьимъ проносились по южнымъ предѣламъ теперешнихъ русскихъ владѣній. Это были татары; они произвели страшное опустошеніе въ земляхъ половецкихъ и послѣ кровопролитной, слишкомъ хорошо извѣстной своимъ печальнымъ исходомъ, битвы на р. Калкѣ, отозванные своимъ грознымъ владыкой Чингисханомъ, воротились въ глубь Бухаріи. Это было въ 1224 году. Черезъ 13 лѣтъ, въ 1237 году, татары, какъ извѣстно, снова появились въ русскихъ предѣлахъ. Подъ предводительствомъ Батыя двинулись они на болгаръ; столица Болгарскаго царства городъ Великій былъ обращенъ въ груду развалинъ и почти всѣ его жители истреблены. Множество болгаръ бросились въ русскія владѣнія искать защиты и пріюта у князя суздальскаго. Георгій далъ имъ земли для поселеній и многихъ размѣстилъ по городамъ приволжскимъ [1]). Послѣ пораженія болгаръ Батыевы полчища внезапно появились подъ Рязанью; Рязань, Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ были выжжены до тла. Разгромивъ Рязанскую область, Коломну и Москву, 2 февраля 1238 года татары явились подъ Владиміромъ. Разрушивъ его до основанія, они направились къ Городцу-Радилову и Галичу, отсюда къ Ростову и Ярославлю. Четырнадцать городовъ и множество селеній были окончательно уничтожены. Тогда 4-го марта закипѣла столь неудачно кончившаяся для русскихъ битва на р. Сити, гдѣ сосредоточены были русскія силы подъ начальствомъ самого великаго князя Георгія Всеволодовича. Въ этой битвѣ суждено было погибнуть основателю Нижняго-Новгорода, обезглавленный трупъ котораго былъ найденъ на полѣ битвы лишь по прошествіи нѣсколькихъ дней среди груды другихъ тѣлъ.

---

[1]) Соловьевъ, часть II, стр. 171.

Послѣ смерти Георгія престолъ суздальскій достался брату его Ярославу, а Нижній, какъ пригородъ, другому брату Святославу. Сдѣлавшись черезъ 8 лѣтъ великимъ княземъ владимірскимъ, Святославъ отдалъ Нижній, вмѣстѣ съ Суздалемъ и Городцомъ, своему племяннику, сыну Ярослава, Андрею, который княжилъ 28 лѣтъ, но жилъ не въ Нижнемъ, а въ Городцѣ. Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Юрій. Послѣ смерти Юрія въ 1279 году княжество Суздальско-Нижегородское снова раздѣлилось на два удѣла: Суздаль достался сыну Андрея Михаилу, а Нижній и Городецъ — Андрею, сыну Александра Ярославича (Невскаго). Андрей тоже не жилъ въ Нижнемъ, избравъ себѣ столицею Городецъ; Нижній предоставилъ онъ управленію своихъ бояръ. Послѣ смерти Андрея бояре вздумали было удержать за собою власть правителей, вслѣдствіе чего вспыхнулъ мятежъ, бояре были избиты, а Нижній сталъ управляться народнымъ вѣчемъ. Такой порядокъ вещей продолжался, однако, недолго: великій князь суздальскій въ 1304 году, принявъ въ управленіе Нижній, казнилъ вѣчниковъ. Михаилъ управлялъ Нижнимъ 5 лѣтъ; послѣ смерти его въ 1309 году Нижній, въ качествѣ пригорода, достался великому князю владимірскому Георгію Даниловичу, сыну Даніила Александровича, а Суздаль перешелъ двоюродному брату его Василію, у котораго было два сына — Александръ и Константинъ. По кончинѣ Георгія Даниловича Нижній снова отдѣлился отъ Владиміра и достался старшему сыну Василія Александру. Александръ княжилъ только два года (1328—1330), послѣ чего Нижній перешелъ племяннику Георгія Даниловича — Симеону Ивановичу, сыну Ивана Калиты. Въ 1340 году, послѣ смерти отца своего, Симеонъ занялъ московскій столъ, а Нижній, въ силу ханскаго ярлыка, присоединился къ удѣлу Константина, второго сына Василія, владѣвшаго послѣ отца Суздалемъ.

Симеонъ Московскій, не даромъ прозванный Гордымъ, продолжая политику своего отца, какъ извѣстно, старался ограничивать самостоятельныхъ удѣльныхъ князей, обращая ихъ въ своихъ подручниковъ.

Не желая подчиняться своему троюродному племяннику, великому князю московскому, и въ то же время сознавая невозможность открытой борьбы съ сильной уже въ то время Москвой, Константинъ Васильевичъ удалился изъ Суздаля на устье Оки въ Нижній-Новгородъ, куда и перенесъ свою столицу. Съ

этого времени въ исторіи Нижняго-Новгорода начинается новая эра отдѣльнаго самостоятельнаго княжества Нижегородскаго. Константинъ началъ заселять мордовскія земли русскими, онъ приглашалъ на эти земли всѣхъ, кому было угодно; охотниковъ оказалось не мало, сошлось много выходцевъ не только изъ разныхъ концовъ Суздальскаго княжества, приходили и изъ другихъ мѣстъ, издалека спѣша на новыя земли подъ руку Константинову, добрая слава о которомъ гремѣла по землѣ русской. Застучали топоры русскихъ лѣсосѣковъ въ непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ

Древній каѳедральный соборъ Боголѣпнаго Спаса, усыпальница в. к. нижегородскихъ (по старинному рисунку).

мордовскихъ по берегамъ Волги, Оки и Кудьмы; встрепенулась испуганная мордва, но, не смѣя поднять оружія въ защиту своихъ владѣній, всюду боязливо пряталась при появленіи русскихъ, уходя за р. Пьяну въ самую глубь лѣсовъ. Такимъ образомъ положено было начало заселенія русскими Нижегородскаго края. Широко раскинулись земли Нижегородскаго княжества по Поволжью, отъ Юрьевца до устья Суры; отсюда рубежъ владѣній Константиновыхъ шелъ по теченію Суры до впаденія въ нее рр. Киши и Алгаша, далѣе граница проходила по теченію р. Пьяны до р. Вада, далѣе земли Нижегородскаго княжества примыкали къ землямъ княжествъ Муромскаго и Стародубскаго, затѣмъ границей

служили рр. Ока, Клязьма, дальше Нижегородскія земли подходили къ владѣніямъ Московскаго княжества. Кромѣ Нижняго и Суздаля, въ составъ Нижегородскаго княжества входили города Бережецъ на Клязьмѣ, Юрьевецъ, Шуя [1]). Нижегородское княжество занимало весь теперешній уѣздъ Нижегородскій, почти весь Балахнинскій, часть Арзамасскаго, почти весь Горбатовскій, часть княгининскаго, почти весь Васильскій и Макарьевскій уѣзды, Нижегородской губ., Шуйскій, Суздальскій, часть Вязниковскаго, Владимірской губ., и Юрьевецкій, Костромской. Мирно протекло недолгое княженіе Константина, который, по словамъ лѣтописца, «княжилъ честно и грозно бороня свою вотчину отъ татаръ и отъ сильныхъ князей» [2]). Онъ умеръ въ 1355 году, прахъ его погребенъ былъ въ храмѣ Боголѣпнаго Спаса, за годъ до того имъ же построенномъ. Гробница Константина Васильевича и до сего времени находится между гробницами другихъ великихъ князей нижегородскихъ въ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ въ подвальномъ этажѣ, а въ самомъ храмѣ стоитъ древняя икона Нерукотвореннаго Спаса, съ которой, по преданію, онъ пришелъ изъ Суздаля.

У Константина было четыре сына: Андрей, Дмитрій-Ѳома, Борисъ и Дмитрій, по прозванію Ноготь [3]). Андрей, получившій послѣ смерти отца отъ Чинисбека ярлыкъ на Нижегородское княжество, по примѣру отца, оставаясь въ Нижнемъ, отдалъ Суздаль брату Дмитрію-Ѳомѣ, а Городецъ — Борису; обдѣленный почему-то, Дмитрій Ноготь жилъ въ Суздалѣ; такимъ образомъ Нижегородское княжество раздѣлилось на три удѣла. Андрей Константиновичъ продолжалъ дѣло своего отца; занимаясь внутреннимъ устройствомъ княжества, онъ продолжалъ заселять русскими мордовскія земли. Для защиты отъ притязаній Москвы онъ старался поддерживать добрыя отношенія съ ордынскими ханами, ежегодно отправляясь въ Золотую Орду съ большими дарами. Андрей, очевидно, былъ довольно ловкій дипломатъ. Доказательствомъ необыкновенной ловкости его могутъ служить слѣдующія обстоятельства. Послѣ буйнаго набѣга новгородскихъ ушкуйни-

---

[1]) См. Храмцовскій, часть I, глава III, стр. 16.

[2]) Тамъ же.

[3]) Кстати замѣтимъ: отъ него произошла старинная дворянская фамилія Ногтевыхъ. У Соловьева мы находимъ другое прозвище четвертаго сына Константина Васильевича «Одноокъ», что указываетъ на его физическій недостатокъ.

ковъ въ 1360 г., погромившихъ побережья Волги, когда грозный ханъ Золотой Орды требовалъ удовлетворенія отъ русскихъ князей за разореніе болгарскихъ земель, Андрей не только сумѣлъ утишить опасный для всѣхъ русскихъ гнѣвъ Хидаря, но даже снискалъ его особенное къ себѣ благоволеніе. Въ знакъ этого благоволенія Андрей получилъ ярлыкъ на Владиміръ, но какъ дальновидный политикъ, зная, что изъ-за Владиміра неизбѣжно должны возникнуть распри съ Москвой, открытая ссора съ которой была

Каѳедральный соборъ въ нынѣшнемъ видѣ и древній Архангельскій соборъ (на первомъ планѣ).

для него не выгодна, онъ отказался отъ этой чести въ пользу своего брата Дмитрія-Ѳомы, когда же у Ѳомы дѣйствительно вскорѣ возникли раздоры съ Москвой, хитрый Андрей сумѣлъ остаться въ сторонѣ, не ссорясь съ братомъ и не возбуждая противъ себя негодованія московскаго правительства. Во время княженія Андрея Нижегородское княжество сильно укрѣпилось и почти могло соперничать своимъ вліяніемъ съ Москвою. Нижній при немъ служилъ убѣжищемъ всѣхъ притѣсняемыхъ Москвою мелкихъ владѣтельныхъ князей, въ немъ искалъ пріюта и защиты

князь галицкій, бѣжавшій изъ своего удѣла, въ немъ скрывался князь стародубскій, выгнанный изъ своего удѣла великимъ княземъ московскимъ. Во всемъ подражая московскому двору, Андрей окружалъ себя пышной свитой, держалъ при себѣ и безуѣздныхъ князей; заботясь о блескѣ своей столицы, онъ старался украшать ее разными сооруженіями; такъ, въ 1359 году имъ построено было новое каменное зданіе церкви Архистратига Михаила (нынѣ Архангельскій соборъ). Андрей Константиновичъ княжилъ 10 лѣтъ, послѣдніе годы его жизни были омрачены тяжелыми бѣдствіями, постигшими Нижній-Новгородъ, о которыхъ съ видимымъ ужасомъ передаетъ нижегородскій лѣтописецъ. Моровое повѣтріе, охватившее всю русскую землю, коснулось и Нижегородскаго княжества, народъ умиралъ въ огромномъ количествѣ; едва зараза начала ослабѣвать, какъ Нижній постигла новая невзгода, настала страшная засуха: травы высыхали и обращались въ пыль, земля трескалась и отъ необычнаго зноя загорѣлись лѣса, солнца не было видно въ густыхъ тучахъ дыма, воздухъ наполнялся удушливымъ смрадомъ, на людей напалъ страхъ. Смертельная зараза снова усилилась, въ Нижнемъ умирало ежедневно 100 человѣкъ. «Бысть знаменія на небеси, — пишетъ лѣтописецъ, — облака были овогда кровавы, овогда черны и мгла стояла три мѣсяца и людемъ тогда бысть тягостно и скорбно и рыба въ рѣкахъ мерла». Въ эту-то тяжелую годину и скончался благочестивый и христолюбивый, по выраженію лѣтописца, великій князь нижегородскій и суздальскій Андрей Константиновичъ въ 1365 г. [1]).

Со смертью Андрея Нижегородское княжество мало-по-малу начинаетъ приходить въ упадокъ, чему способствуютъ постоянныя распри братьевъ (сыновей Константина) изъ-за обладанія Нижегородскимъ столомъ; кромѣ того, наступаетъ время, тяжелое для всей русской земли,—время Мамаева нашествія. Нижній подвергается неоднократному разоренію. Всѣми этими обстоятельствами умѣетъ ловко воспользоваться Москва, подъ власть которой, наконецъ, попадаетъ обезсиленное Нижегородское княжество. Послѣ смерти Андрея Константиновича, по праву старшинства, долженъ былъ вступить на престолъ Дмитрій-Ѳома, но съ

---

[1]) По списку Арх. Ком. въ 1368 году. По другимъ спискамъ лѣтописца указаны другіе года: 6873, т.-е. 1365 г. (Казан., Макарьев.), у Новикова («Др. Рос. Вивл.») обозначенъ годъ 6878, т.-е. 1370 годъ.

помощью Орды, вопреки всякихъ правъ, престоломъ овладѣваетъ Борисъ Городецкій. Зная, что Дмитрій вступится за свои права, тотчасъ же по водвореніи въ Нижнемъ Борисъ занялся укрѣпленіемъ города, велѣлъ копать рвы подъ каменныя стѣны, но еще не были окончены и земляныя работы, какъ у Нижняго появились дружины Дмитрія подъ начальствомъ его двухъ сыновей Симеона и Василія (Кирдяпъ). Борисъ заперся и не пустилъ племянниковъ, которые отступили на этотъ разъ безъ боя, но не прошло мѣсяца, какъ явился

Древній Благовѣщенскій монастырь, основанный св. Алексѣемъ митрополитомъ въ Н.-Новгородѣ, (по рисунку *Быстрицкаго*).

самъ Дмитрій въ сопровожденіи своей матери, княгини Елены, и суздальскаго епископа Алексія. Борисъ не пустилъ ни матери ни брата, а принялъ только епископа. Однако ни долгія увѣщанія престарѣлаго Алексія, ни ханскій ярлыкъ, который къ этому времени успѣлъ выхлопотать себѣ Дмитрій,—ничто не могло склонить Бориса уступить Нижній. Между тѣмъ ханскій ярлыкъ не только утверждалъ права Дмитрія на Нижній, но и возвращалъ незадолго до того утраченныя имъ права на Владиміръ. Не желая ссориться съ Москвой, на помощь которой онъ разсчитывалъ, Дмитрій отъ Владиміра отказался. Московское

правительство, однако, долго медлило приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ въ защиту его законныхъ правъ, медлило, быть-можетъ, опасаясь ссоры съ Литвой: Борисъ былъ женатъ на дочери литовскаго князя Ольгерда. Съ другой стороны, было не въ интересахъ Москвы, намѣревавшейся подчинить себѣ Нижній, оставлять въ немъ Бориса, болѣе энергичнаго и болѣе чѣмъ Дмитрій сильнаго по связямъ. Сдѣлана была еще попытка склонить городецкаго князя на уступку законнымъ правамъ Дмитрія мирнымъ путемъ: митрополитъ московскій Алексій, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ въ дѣлахъ государственныхъ, отправилъ въ Нижній для увѣщанія Бориса инока Троицкой лавры Сергія Радонежскаго съ тайнымъ повелѣніемъ въ случаѣ безуспѣшности увѣщаній примѣнить страшную по тогдашнимъ временамъ мѣру: именемъ московскаго митрополита Сергій долженъ былъ закрыть всѣ церкви нижегородскія, прекратить богослуженіе и совершеніе требъ. Убѣжденія Сергія оказались тщетными, они не подѣйствовали на Бориса, не смутила его и духовная кара. Тогда великій князь московскій далъ Дмитрію Константиновичу въ помощь его суздальской дружинѣ свои войска. Только когда вѣсть о походѣ Дмитрія во главѣ московскихъ войскъ достигла Нижняго, твердость Бориса поколебалась, онъ вышелъ навстрѣчу брату, прося у него пощады и мира. Такимъ образомъ Дмитрій Константиновичъ съ помощью Москвы овладѣлъ, наконецъ, своей наслѣдственной вотчиной; Борису онъ отдалъ Городецъ, а Суздаль — своему сыну Василью.

Отношенія Нижняго-Новгорода къ Москвѣ измѣнились. Съ паденія могущества Золотой Орды Нижній потерялъ въ ней свою единственную опору. Нижегородскіе князья, незадолго до того еще соперничавшіе съ Москвой, теперь принуждены были искать съ ней дружбы; для закрѣпленія болѣе прочнаго союза съ Москвой Дмитрій Нижегородскій устроилъ бракъ своей дочери съ молодымъ Дмитріемъ Московскимъ [1]). Насколько княженіе Константина и Андрея отличалось мирнымъ характеромъ, настолько княженіе Дмитрія и его преемниковъ было полно вся-

[1]) Въ числѣ приданаго за своей дочерью Дмитрій Константиновичъ далъ богатый поясъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями. Тотъ самый поясъ, который, впослѣдствіи доставшійся сыну Юрія Дмитріевича (внуку Донского) Василію Косому, послужилъ поводомъ къ войнѣ послѣ того, какъ мать Василія Васильевича Московскаго, Софья Витовтовна, сорвала его съ Косого во время свадебнаго пира своего сына.

каго рода волненій и невзгодъ. На второй же годъ княженія Дмитрія Нижній подвергся нападенію новгородскихъ ушкуйниковъ. Въ то время подъ Нижнимъ, у устья Оки, на луговой сторонѣ, происходилъ ежегодно обширный ярмарочный торгъ. Ушкуйники разграбили ярмарочныя лавки и перебили много русскихъ и иноземныхъ купцовъ. Почти тотчасъ же, вслѣдъ за набѣгомъ ушкуйниковъ, въ предѣлы Нижегородскаго княжества вторгся, сидѣвшій въ то время на ханствѣ Болгарскомъ, Булатъ-Темиръ, впрочемъ, Дмитрію съ помощью братьевъ удалось на

Часовня на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, совершалъ трапезу св. Алексѣй митрополитъ, будучи въ Нижнемъ проѣздомъ изъ Орды (по рисунку *Быстрицкаго*).

этотъ разъ съ честью отразить непріятеля: Булатъ-Темиръ еле спасся бѣгствомъ.

Въ то время Орда дѣлилась между двумя ханами: Абдуломъ, довѣреннымъ лицомъ котораго былъ темникъ его грозный Мамай, и Озисомъ, незадолго до того заступившимъ свергнутаго Амурата; въ сосѣдней съ Нижегородскимъ княжествомъ Болгаріи сидѣлъ Асанъ, только что самовольно послѣ казненнаго Булатъ-Темира [1]), безъ вѣдома орды, завладѣвшій Болгаріей. Мордовскими землями владѣлъ князь Тогай.

[1]) Булатъ-Темиръ былъ казненъ въ Ордѣ за побѣгъ послѣ проиграннаго сраженія съ Дмитріемъ Нижегородскимъ.

Черезъ три года послѣ нашествія Темира, съ разрѣшенія Орды, Дмитрій выступилъ въ походъ противъ болгаръ, ему помогали на этотъ разъ Борисъ Городецкій и Василій Суздальскій, съ нимъ отправился также ханскій посолъ Ходжи-Ходжа для свержeнія князя Асана. Походъ этотъ обошелся безъ пролитія крови. Асанъ, испугавшись многочисленнаго войска, вышелъ къ Дмитрію съ челобитіемъ и дарами. На мѣсто Асана по волѣ ханской былъ посаженъ Салтанъ. Между тѣмъ долго отвлеченная внутренними неурядицами, медленно терявшая свое могущество Орда, встревоженная усиленіемъ объединяющейся около московскаго престола Руси, рѣшилась употребить послѣднія усилія, чтобъ помѣшать дальнѣйшему развитію возрастающей силы покоренныхъ сосѣдей. Въ 1373 году, пытаясь проникнуть въ предѣлы Московскаго княжества, татары Мамаевой Орды опустошили Рязанское княжество. Это былъ первый послѣ долгаго спокойствія значительный набѣгъ татарскій на русскую землю. Надъ русской землей снова надвигались грозныя тучи, приближались тяжелыя времена кровопролитій, воплей и стоновъ, приближались времена Мамаева нашествія. Въ воздухѣ носилось что-то зловѣщее, являлись небесныя знаменія: надъ Нижнимъ разразилась страшная буря, дождемъ размыло горный берегъ Оки у Гремучаго ручья и обваломъ засыпало часть города; однажды ночью на Спасской колокольнѣ самъ собою зазвонилъ колоколъ. Предлогомъ къ новому столкновенію съ Ордой послужило слѣдующее обстоятельство. Въ 1374 году через предѣлы Нижегородскаго княжества слѣдовалъ Мамаевъ посолъ Сарайко, съ огромной свитой, похожей на цѣлое войско. Сарайко, проходя русскими владѣніями, нагло оскорблялъ народъ. Узнавъ объ этомъ, нижегородцы невдалекѣ отъ города напали на него, перебили множество людей изъ его свиты, а остальныхъ вмѣстѣ съ самимъ посломъ привели въ Нижній. Слишкомъ разсчитывая на свою силу и поддержку Москвы, Дмитрій мало обратилъ на это вниманія и даже, въ угоду разъяренной толпѣ, заключилъ плѣнниковъ въ тюрьму. Вскорѣ послѣ того сынъ Дмитрія Василій Суздальскій, находясь во время отсутствія отца въ Нижнемъ, приказалъ убить Сарайку, но тотъ, какъ-то провѣдавъ о грозившей ему опасности, успѣлъ вырваться изъ тюрьмы и, освободивъ изъ заключенія своихъ людей, зажегъ архіерейскій дворъ; на пожаръ сбѣжался народъ, произошла отчаянная схватка, во время которой Сарайко былъ убитъ. Вскорѣ послѣ того, полчища татаръ появились на границѣ Нижегород-

скаго княжества; войска, высланныя Дмитріемъ навстрѣчу непріятеля, были разбиты у береговъ Пьяны; татары приближались къ Нижнему, испуганные нижегородцы бѣжали за Волгу. Однако нѣтъ положительныхъ указаній, пострадалъ ли на этотъ разъ Нижній. Рѣшившись отомстить за погромъ своихъ владѣній, выпросивъ у московскаго великаго князя подкрѣпленія, Дмитрій двинулся на слѣдующій годъ подъ Казань, гдѣ снова сидѣлъ, одновременно съ Салтаномъ, незадолго до того свергнутый Асанъ. Казанцы употребляли всѣ усилія для защиты своего города, но должны были уступить отчаянной отвагѣ осаждавшихъ. Тщетно они прибѣгали къ разнаго рода хитростямъ; такъ, напримѣръ, желая навести страхъ на непріятельскія войска, они производили внутри города какой-то оглушительный шумъ; надѣясь испугать лошадей и произвести замѣшательство въ непріятельской конницѣ, выѣзжали изъ города на невиданныхъ до того русскими чудовищахъ — верблюдахъ. На сторонѣ русскихъ была на этотъ разъ полная побѣда; львиная доля дорогого откупа, взятаго съ Казани въ 5.000 рублей, досталась, впрочемъ, Москвѣ. Москва же, а не Нижній поставила въ Казани своихъ таможниковъ для сбора податей. Нельзя было не предвидѣть новаго вторженія татаръ: убійство Сарайки еще не было отомщено въ достаточной мѣрѣ, и дѣйствительно вскорѣ разнесся слухъ, что на землю низовскую идетъ главный подручникъ Мамая — Арапша. Великій князь нижегородскій снова соединился со своимъ зятемъ. Дмитрій Московскій въ Нижній явился самъ, во главѣ огромнаго ополченія, но слухи о приближеніи Арапши вскорѣ замолкли и черезъ нѣсколько времени, оставивши въ Нижнемъ свои войска, онъ снова вернулся въ Москву. Между тѣмъ до Нижняго опять стали доходить тревожныя вѣсти о появленіи татаръ уже у самой границы русскихъ владѣній, въ Засурьѣ; русскія дружины выступили изъ Нижняго къ берегамъ Пьяны и остановились у Пьянскаго перевоза; прождавши здѣсь дня два, увѣренные окрестной мордвой, что Арапша еще далеко, что татары, появившіеся по побережьямъ Суры, не что иное, какъ отдѣльныя ничтожныя шайки грабителей, считая себя въ безопасности, русскіе ратники предались бражничеству, сняли съ себя доспѣхи и побросали оружіе, многіе разбрелись по окрестнымъ селеніямъ; между тѣмъ Арапша былъ близко и только дожидался удобнаго момента напасть врасплохъ. 2 августа у самой Пьяны появились несмѣтныя полчища татаръ; русскіе, измѣннически введен-

ные въ обманъ мордвой, были внезапно окружены со всѣхъ сторонъ, только немногіе успѣли спастись бѣгствомъ, остальные погибли. При Пьянскомъ пораженіи погибли, между прочими, братъ великаго князя нижегородскаго Дмитрій Ноготь и племянникъ Иванъ Дмитріевичъ, по прозванью Брюхатый. Арапша двинулся къ Нижнему, нижегородцы бѣжали, опустѣвшій городъ былъ преданъ разоренію. Это случилось въ 1377 году. Вскорѣ Арапша снова явился въ предѣлахъ Нижегородскаго княжества и опустошилъ Засурье. Одновременно съ этимъ взбунтовалась окрестная мордва, которая грозила Нижнему новымъ погромомъ. Рѣшившись отомстить мордвѣ и проучить ихъ за предательство на Пьянѣ, зимой того же года, подъ начальствомъ Бориса Городецкаго и сыновей Дмитрія, Симеона и Василья, при помощи московскаго воеводы Свиблы, нижегородцы проникли въ глубь лѣсовъ запьянскихъ и всю землю мордовскую, по выраженію лѣтописца, «пусту сотвори». Множество плѣнныхъ было приведено въ Нижній, ихъ травили собаками и, во время стоявшихъ тогда сильныхъ морозовъ, раздѣтыми гоняли по льду.

Бѣдствіе Нижняго-Новгорода еще не кончилось. Въ Ордѣ все еще не могли забыть убійства Сарайки; въ слѣдующемъ году татары снова напали на Нижній, это произошло во время отсутствія великаго князя, который въ то время находился у брата своего въ Городцѣ. Нижній, едва начинавшій оправляться послѣ нашествія Арапши, былъ на этотъ разъ совершенно беззащитенъ. Кто не успѣлъ бѣжать за Волгу,—погибъ, женщины и дѣти уведены въ плѣнъ. Лѣтописецъ нижегородскій такъ повѣствуетъ объ этомъ событіи: «лѣто 6880 году: пріидоша къ Нижнему Ново Граду татаре, князя же тогда не бѣ во городѣ. Граждане же оставиша городъ, побѣжаша за Волгу рѣку. Князь же Дмитрій Константиновичъ посла къ татарамъ, и повелѣ дать окупъ за градъ. Они же взяша окупъ, а городъ пожгоша и отошедъ воеваша уѣздъ весь и много сотвори зла». Нижегородское княжество представляло изъ себя печальную картину полнаго опустошенія. Послѣ двухъ нашествій Арапши и мордовскихъ безпорядковъ уцѣлѣло отъ разоренія только одно Березополье, теперь и оно было разорено. Испуганный всѣми этими событіями и, вѣроятно, плохо надѣясь на искренность дружественныхъ отношеній Москвы, Дмитрій Нижегородскій, подъ конецъ своей жизни, началъ заискивать расположенія ордынскихъ хановъ. Такъ, напр., вѣроятно, не желая возбуждать противъ себя снова

гнѣва Орды, онъ не участвовалъ лично въ знаменитой Куликовской битвѣ, а только, какъ кажется, посылалъ втихомолку свои войска; во время же нашествія Тахтамыша, онъ уже открыто дѣйствовалъ противъ Москвы: онъ послалъ въ помощь татарамъ своихъ сыновей, которые даже помогли имъ овладѣть Москвой, посредствомъ обмана. Благодаря такому образу дѣйствій, Дмитрію удалось продлить самостоятельность Нижегородскаго княжества до конца своей жизни.

Незадолго до смерти своей, Дмитрій Константиновичъ началъ сооруженіе каменныхъ крѣпостныхъ стѣнъ вокругъ города,

Дмитровская башня до ея реставраціи.

но ограничился построеніемъ одной башни, которая и до сего времени называется по его имени Дмитровской и представляетъ собою одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ нижегородской старины, кромѣ того, имъ же была выстроена церковь Николая Чудотворца, что на Нижнемъ базарѣ и церковь Дмитрія Солунскаго, нынѣ Благовѣщенскій соборъ.

Послѣ смерти Дмитрія, Борису Городецкому удалось овладѣть Нижнимъ вторично и опять не надолго: онъ снова былъ удаленъ изъ Нижняго и опять при помощи Москвы. Московское правительство, несмотря на предательство Василья во время нашествія Тахтамыша, приняло его сторону. Однако Борисъ

рѣшился во что бы то ни стало овладѣть Нижнимъ. Послѣ смерти Дмитрія Московскаго, въ качествѣ старшаго въ родѣ князей суздальскихъ, онъ отправился въ Орду добиваться Нижегородскаго княжества; около года сопровождалъ онъ Тахтамыша въ его походѣ противъ Тамерлана и, наконецъ, получилъ ярлыкъ на Нижній. Однако и на этотъ разъ ему не посчастливилось: едва онъ успѣлъ утвердить свою власть въ Нижнемъ, какъ до него дошелъ слухъ, что Василій Дмитріевичъ Московскій, ѣздившій въ Орду, получилъ тамъ отъ новаго хана ярлыкъ на княжество Нижегородское и уже идетъ къ Нижнему. Вѣсть эта застала Бориса врасплохъ въ то время, когда онъ, не предвидя опасности, безпечно предавался разнымъ забавамъ, охотился и пировалъ. Это было на четвертомъ году его княженія. Борисъ созвалъ бояръ. Въ сильной тревогѣ онъ обратился къ нимъ со слезами: «Бояре, други моя, вспомните крестное цѣлованіе свое, вспомните, какъ клялися мнѣ». Первый заговорилъ въ отвѣтъ старѣйшій и самый приближенный къ нему бояринъ Василій Румянецъ: «Не печалься, господинѣ княже, мы тебѣ вѣрны и готовы головы за тебя сложить и пролить кровь нашу»[1]). Такъ говорилъ Румянецъ престарѣлому князю, а между тѣмъ, заранѣе купленный Васильемъ, велъ уже давно переговоры съ Москвой, намѣреваясь предать его. Черезъ нѣсколько дней у стѣнъ нижегородскихъ остановилось посольство Василья Московскаго, въ сопровожденіи ордынскаго царевича Улана. Борисъ заперся и не хотѣлъ впускать пословъ, но Румянецъ опять началъ успокаивать, увѣряя, что намѣренія посольства самыя дружественныя: «Посолъ ханскій и бояре московскіе пришли подкрѣпить миръ и любовь утвердить вѣчную, а ты хочешь поднять брань; пусти ихъ въ городъ, что тебѣ могутъ сдѣлать, когда мы всѣ съ тобой?» Склонившись на увѣщанія довѣреннѣйшаго изъ бояръ своихъ, Борисъ приказалъ отпереть ворота. Въ великокняжескомъ дворцѣ дожидался онъ посольства, но послы не явились; вдругъ раздался набатъ съ Преображенской колокольни. Борисъ смутился. Слышался шумъ говорливой толпы стекавшагося на площади народа. Предчувствуя что-то недоброе, онъ обратился къ боярамъ: «Бояре, дружина моя, вспомните крестное цѣлованіе, не выдавайте врагамъ меня». Бояре молча стояли, потупя головы, — выступилъ Румянецъ: «Не надѣйся

---

[1]) Соловьевъ, часть I, стр. 4.

на насъ,—произнесъ онъ за всѣхъ,—мы теперь уже не твои и не за тебя, а на тебя»[1]). Несчастный старикъ въ отчаяніи звалъ на помощь; нѣкоторые изъ старыхъ преданныхъ бояръ схватились за оружіе; во дворцѣ происходило смятеніе въ то время, когда на площади, подъ звуки колокола, народъ присягалъ московскому князю. Это случилось въ 1392 году. Борисъ былъ свергнутъ. Черезъ нѣсколько времени прибылъ въ Нижній Василій Дмитріевичъ Московскій, — и Борисъ, послѣдній изъ князей нижегородскихъ, достигшій глубокой старости въ тщетныхъ попыткахъ овладѣть Нижнимъ, — въ собственномъ дворцѣ своемъ былъ закованъ и отвезенъ въ заточеніе въ Суздаль. Въ Нижнемъ посаженъ намѣстникъ московскаго великаго князя—князь Всеволожъ. Такъ пало Нижегородское княжество.

ГЛАВА II.

Отъ паденія Нижегородскаго княжества до покоренія Казани.

Недолговѣчное сравнительное могущество великаго княжества Нижегородскаго, когда Нижній былъ столицей Сѣверной Руси—Суздальской земли и даже домогался первенства передъ Москвой, поддерживалось Ордой и съ паденіемъ могущества Золотой Орды пало, но еще долго продолжалась борьба съ Москвой потомковъ великихъ князей нижегородскихъ, пытавшихся возвратить бывшему княжеству ихъ предковъ утраченную самобытность.

Борисъ Константиновичъ кончилъ жизнь свою въ заточеніи въ 1394 году[2]). Вскорѣ послѣ его кончины сыновья Дмитрія—Василій и Симеонъ, жившіе, какъ кажется, въ Суздалѣ на свободѣ, бѣжали въ Орду, въ надеждѣ добиться возвращенія своихъ утраченныхъ правъ, но попытки ихъ оказались тщетными. Золотая Орда не осмѣливалась итти противъ воли московскаго князя.

---

[1]) Соловьевъ, часть IV, стр. 2.

[2]) Борисъ, какъ надо полагать, первоначально былъ схороненъ въ Суздальскомъ монастырѣ; впослѣдствіи его прахъ покоился въ Городцѣ въ Архангельскомъ соборѣ, неизвѣстно кѣмъ и когда сюда перенесенный, въ 1672 г., по словамъ «Ниж. Лѣт.», царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ перенести его въ Нижегород. Спасо-Преображенскій соборъ.

Тогда Симеонъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи Казани и въ 1399 году, въ сопровожденіи казанскаго царевича Эйтяка, подступилъ къ Нижнему. Нижегородскіе воеводы заперлись въ городѣ, началась осада; три дня отстрѣливались нижегородцы и, наконецъ, вступили въ переговоры съ Симеономъ. Симеонъ требовалъ впустить его въ городъ, ручаясь за приведенныхъ имъ казанцевъ, что они никакого зла не сдѣлаютъ горожанамъ; онъ ихъ заставилъ поклясться, самъ цѣловалъ на томъ крестъ, а татары пили роту, по обычаю своей вѣры. Городъ сдался, но казанцы вскорѣ нарушили свою клятву: начали буйствовать, грабить и убивать жителей [1]). Василій ничего съ ними не могъ подѣлать и только говорилъ: «не азъ сотворивый се, но татарове» [2]). Грабежъ продолжался три недѣли [3]), пока не дошли о томъ вѣсти до Москвы и великій князь двинулся на выручку Нижняго. Услышавъ о движеніи великаго князя, татары обратились въ бѣгство, вмѣстѣ съ ними скрылся и Симеонъ. Въ отмщеніе за нижегородскій погромъ, Василій Московскій послалъ большую рать въ Болгарію. Казань была предана полному опустошенію, взяты Булгары и Жукотинъ.

Симеонъ, однако, не терялъ надежды снова водвориться въ Нижнемъ,—онъ скрывался въ татарскихъ земляхъ и замышлялъ новый походъ. Узнавши о его замыслахъ, великій князь велѣлъ схватить жену и дѣтей Симеона, которыя скрывались въ мордовскомъ городкѣ Цыбырцѣ. Когда до Симеона дошла вѣсть объ участи его семейства, онъ смирился и явился въ Москву съ повинной; великій князь взялъ съ него клятву не домогаться болѣе Суздальско-Нижегородскаго княжества и отправилъ его въ Вятку. Здѣсь, утомленный бурными превратностями жизни, Симеонъ вскорѣ скончался — въ 1402 году, а въ слѣдующемъ году умеръ и другой сынъ Дмитрія Константиновича—Василій, который, какъ можно полагать изъ нѣкоторыхъ извѣстій, жилъ въ Городцѣ и именовался городецкимъ княземъ. Вскорѣ послѣ смерти обоихъ братьевъ, великій князь московскій за смиреніе и покорность отдалъ Нижній одному изъ сыновей Василья — Ивану, съ титуломъ князя, но почти безъ власти. Во время княженія Іоанна,

---

1) «Октября 25 дня татары клятву и роту свою преступиша, и городъ взяша и нижегородцевъ всѣхъ погибоша» («Ниж. Лѣтоп.»).

2) Соловьевъ, часть IV, стр. 2; Храмцовскій, часть I, глава IV.

3) У Соловьева и Храмцовскаго, 2 недѣли по «Ниж. Лѣтоп.». «И быша во радѣ три недѣли» (Арх.).

Нижній подвергся нашествію Эдигея въ 1480 году. Татары разграбили и сожгли городъ, жителей избили и многихъ увели въ плѣнъ на сворахъ, какъ собакъ.

Василій и Симеонъ Дмитріевичи были родоначальниками двухъ фамилій — Шуйскихъ и Горбатовыхъ. Въ шестомъ поколѣніи потомокъ Василья сидѣлъ на московскомъ престолѣ подъ именемъ Василія Шуйскаго, а изъ рода Горбатовыхъ въ шестомъ поколѣніи была Евдокія Александровна, жена Никиты Романовича, бабка родоначальника новой донынѣ царствующей династіи Романовыхъ. Гробницы и того и другого находятся въ нижегородскомъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ, хотя, впрочемъ, никакихъ свѣдѣній о переносѣ тѣла Симеона изъ Вятки въ Нижній нигдѣ не встрѣчается.

Передъ непобѣдимою силою Москвы склонили свои покорныя головы сыновья и внуки Дмитрія Константиновича, но не таковы были гордые потомки честолюбиваго Бориса: сынъ его Даніилъ питалъ непримиримую вражду къ Василію Московскому за униженіе отца, свергнутаго имъ съ нижегородскаго престола. Даніилъ, подобно своимъ двоюроднымъ братьямъ, бѣжалъ въ Орду. Обстоятельства для него складывались благопріятно. Въ Ордѣ въ то время водворился Зелени-Султанъ, другъ Витовта Литовскаго, близкаго родственника Даніила по матери и смертельнаго врага московскаго великаго князя. Съ помощью Витовта, Даніилу удалось получить отъ хана ярлыкъ на Нижегородское княжество. Въ 1410 году, заручившись ханской грамотой, Даніилъ призвалъ къ себѣ на помощь жукотинскаго князя Толыча и вмѣстѣ съ нимъ двинулся къ Нижнему. Около села Лыскова ихъ встрѣтило сильное войско московское, произошла отчаянная битва на Оленьей горѣ, счастье улыбнулось Даніилу: великокняжескія дружины были разбиты на голову. Даніилъ вступилъ въ Нижній, но честолюбію его не было границъ: не удовлетворившись однимъ Нижнимъ-Новгородомъ, онъ замыслилъ овладѣть и Владиміромъ; намѣреніе было безумно, но счастье оказалось на его сторонѣ и на этотъ разъ. Онъ послалъ къ Владиміру, подъ начальствомъ своего боярина Карамыша, 1500 жукотинцевъ и 1500 русскихъ; войска подкрались къ Владиміру незамѣтно клязьминскимъ лѣсомъ и напали на него врасплохъ въ самый полдень, когда въ городѣ, по древнему русскому обычаю, всѣ спали. Владиміръ былъ взятъ и разграбленъ, почти всѣ жители избиты; всего разграбленнаго добра татары не могли захватить, а по-

тому складывали его въ копны и жгли, деньги дѣлили мѣрками, наконецъ, зажгли городъ; лѣтописецъ говоритъ, что пожаръ былъ такъ великъ, что растоплялись колокола. Успѣхи Даніила не на шутку встревожили великаго князя московскаго: въ 1412 году съ богатыми дарами отправился онъ въ Орду, гдѣ уже вмѣсто Зелени-Султана сидѣлъ Киримъ-Бядрей; новый ханъ принялъ его сторону, и Даніилу пришлось оставить Нижній. О дальнѣйшей судьбѣ князей суздальско-нижегородскихъ извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ жили въ Москвѣ, какъ, напримѣръ, Иванъ Ивановичъ, внукъ Борисовъ, въ 1416 году пріѣхали и другіе: Иванъ Васильевичъ — внукъ Дмитрія Константиновича, Иванъ сынъ Бориса, по прозванью Тугой-Лукъ; наконецъ, черезъ годъ явился и самый непокорный изъ нихъ Даніилъ, который, впрочемъ, не ужился здѣсь и вскорѣ снова бѣжалъ въ Орду вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ. Послѣ смерти Ивана Васильевича ему наслѣдовалъ сынъ его Александръ, но этотъ даже жилъ не въ Нижнемъ, а въ Москвѣ. Онъ былъ женатъ на дочери великаго князя московскаго — Василисѣ, которая послѣ его смерти вышла замужъ за сына Даніила Борисовича, Александра, по прозвищу Взметня, который тоже носилъ титулъ князя нижегородскаго. Въ сороковыхъ годахъ XV столѣтія Даніилу Борисовичу, видно, опять удалось какъ-то овладѣть Нижнимъ, по крайней мѣрѣ, къ этимъ годамъ относятся нѣкоторыя дарственныя грамоты, выданныя имъ, гдѣ онъ именуетъ себя великимъ княземъ нижегородскимъ; есть предположеніе, что въ это время Даніилъ даже чеканилъ въ Нижнемъ монеты со своимъ изображеніемъ.

Между тѣмъ послѣ смерти Василія Дмитріевича въ Московскомъ княжествѣ начинаются усобицы; между потомками Донского поднимается распря изъ-за обладанія Москвой. Юрій Дмитріевичъ, основываясь на древнемъ обычномъ правѣ, какъ старшій въ родѣ, оспаривалъ великокняжескій столъ у своего племянника Василія Васильевича (Темнаго); этотъ послѣдній, изгнанный изъ Москвы, спасаясь отъ преслѣдованія дяди, искалъ пріюта въ Нижнемъ-Новгородѣ; здѣсь, въ разлукѣ со своей семьей, онъ провелъ около двухъ мѣсяцевъ, вплоть до смерти своего гонителя. Время пребыванія въ Нижнемъ Василія Темнаго ознаменовалось основаніемъ на Волгѣ, въ урочищѣ Желтыя Воды, верстъ 100 ниже Нижняго, обители преподобнаго Макарія.

«Первоначальная исторія сѣверо-восточной Россіи тѣсно связана съ исторіей древнѣйшихъ сѣверо-восточныхъ обителей,— пишетъ А. А. Титовъ въ своей брошюрѣ «Троицкій Желтоводскій монастырь у стараго Макарія».—Кто появлялся впервые на дикихъ мхахъ и въ лѣсахъ и, привлекая къ себѣ отовсюду жителей, содѣйствовалъ заселенію необитаемыхъ мѣстъ? Преподобные пустынники. Кто съ крестомъ и молитвою появлялся среди дикихъ инородцевъ и, озаряя ихъ свѣтомъ Христовой истины, своею нравственною мощью покорялъ ихъ русскому государству? Пре-

Церковь Женъ Мироносицъ въ Н.-Новгородѣ, близъ которой родился св. Макарій Желтоводскій.

подобные пустынники. Кто положилъ первыя основы гражданственности, соединялъ въ средоточія племени и обучалъ ихъ первоначальнымъ способамъ общежитія? Преподобные пустынники». Къ числу такихъ великихъ подвижниковъ духовнаго просвѣщенія принадлежалъ и св. Макарій Желтоводскій. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ одномъ изъ самыхъ живописныхъ его уголковъ, на краю Почаинскаго оврага, гдѣ теперь расположенъ толкучій рынокъ, близъ такъ называемой Лыковой дамбы, вся утопая въ зелени окружающихся садовъ, стоитъ одна старинная церковь, извѣстная у нижегородцевъ подъ именемъ Мироносиц-

кой. Эта церковь, хотя и сильно искаженная позднѣйшими передѣлками, одна изъ древнѣйшихъ въ городѣ и была въ старину соборомъ съ главнымъ придѣломъ во имя Знаменія, о чемъ свидѣтельствуютъ старинные синодики, хранящіеся въ этой церкви; въ старину она была деревянная, но въ XVI столѣтіи перестроена въ каменную. Теперь вся она бѣлая старинной архитектуры съ пятью голубыми въ золотыхъ звѣздахъ куполами весело выглядываетъ изъ-за вѣковыхъ липъ и вязовъ, которыми поросъ до самаго дна глубокій Почаинскій оврагъ; глядитъ она на обвѣтленныя стѣны и башни нижегородскаго кремля, что увѣнчали собой противоположный откосъ. Вся эта часть города по ту сторону Почаинскаго оврага въ древности звалась Пушкарской слободой, а то мѣсто, гдѣ стоитъ церковь, еще раньше называлось Щепотнымъ дворомъ. Здѣсь, на Щепотномъ дворѣ, близъ Мироносицкой церкви, когда-то находился небольшой прудъ, а около этого давно уже засыпаннаго пруда еще не очень давно указывали мѣсто, гдѣ находился домъ, въ которомъ, по преданію, родился св. Макарій, основатель Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря на Волгѣ. Преподобный Макарій былъ сынъ посадскаго; имени, даннаго ему при крещеніи, неизвѣстно, Макаріемъ онъ назвался уже въ иночествѣ.

Съ самаго ранняго дѣтства онъ усердно посѣщалъ сосѣднюю Знаменскую церковь, пѣлъ на клиросѣ и прислуживалъ за обѣдней, любилъ онъ также посѣщать и недавно основанный невдалекѣ отъ города, на живописномъ склонѣ нагорнаго берега Волги, Печерскій монастырь. Въ этотъ-то монастырь, какъ повѣствуетъ его житіе, онъ, будучи двѣнадцати лѣтъ отроду, пришелъ однажды въ нищенскомъ рубищѣ и просилъ настоятеля принять его въ число иноковъ. Настоятелемъ Печерскаго монастыря былъ въ то время еще его основатель, преподобный Діонисій. Удивленный недѣтскою рѣшимостью и умомъ мальчика, послѣ долгихъ увѣщаній и бесѣды съ нимъ онъ, наконецъ, рѣшился его принять. Здѣсь юный подвижникъ удивлялъ всю братію строгостью своей жизни. 1374 года Діонисій, назначенный епископомъ въ Суздаль, долженъ былъ покинуть свой монастырь; тогда удалился и св. Макарій, убѣгая, какъ говорится въ его житіи, славы мірской, такъ какъ молва о его подвижничествѣ гремѣла по всей окрестности. Долго бродилъ онъ по берегамъ Волги, ища уединенія, пока, наконецъ, не остановился верстахъ во ста отъ Нижняго близъ озера Желтыя Воды,

Печерскій монастырь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

невдалекѣ отъ впаденія въ Волгу рѣки Керженца, тогда протекавшаго по совершенно безлюднымъ глухимъ дремучимъ лѣсамъ Заволжья. Здѣсь ископавъ себѣ пещеру, св. Макарій думалъ найти полное уединеніе, но недолго прожилъ Макарій въ безвѣстности. За Волгой прямо напротивъ Желтыхъ Водъ, верстахъ въ пяти отъ берега, находилось въ ту пору уже большое богатое торговое село Лысково. Лысковцы скоро провѣдали о поселившемся невдалекѣ подвижникѣ, стали приходить къ нему. Многіе пожелали остаться съ нимъ и, подобно ему, ископали себѣ пещеры. Такимъ образомъ около Макарія собралась цѣлая братія; тогда онъ рѣшился основать монастырь во имя Живоначальной Троицы.

Въ теченіе пяти лѣтъ новый монастырь сдѣлался до того значительнымъ, что, окруженный цѣлымъ поселеніемъ и привлекая къ себѣ цѣлыя толпы богомольцевъ, сталъ безпокоить своимъ близкимъ сосѣдствомъ только что возникшее тогда Казанское царство. И вотъ въ 1439 году, во время своего вторженія въ русскія владѣнія, Улу-Махметъ не оставилъ безъ вниманія новой обители, находившейся почти на границѣ его владѣній, и велѣлъ разрушить ее до основанія. Немногіе изъ братіи, оставшіеся въ живыхъ послѣ разгрома, вмѣстѣ съ престарѣлымъ Макаріемъ были отведены плѣнниками въ Казань. Что это разореніе не было простымъ разгуломъ разыгравшихся дикихъ страстей кровожадныхъ азіатовъ, доказывается тѣмъ, что, отпуская вскорѣ плѣнниковъ, Улу-Махметъ взялъ съ Макарія клятву не возобновлять монастыря на прежнемъ мѣстѣ. Макарій сдержалъ обѣщаніе. Вернувшись на Желтыя Воды лишь затѣмъ, чтобы похоронить павшихъ иноковъ, онъ простился со своей прежней обителью и ушелъ съ иноками на Унжу, гдѣ и основалъ новую обитель. Его житіе подробно описываетъ странствіе иноковъ по лѣснымъ дебрямъ Заволжья. Много испытаній, много трудностей и опасностей пережили странники, прежде чѣмъ достигли береговъ Унжи. Иноки не разъ падали духомъ, роптали, но святой старецъ настоятель ободрялъ ихъ. Такъ съ пѣніемъ священныхъ гимновъ прошли они сотни верстъ глухими лѣсами. Прошло почти двѣсти лѣтъ. На мѣстѣ разоренной обители уже шумѣли вѣковыя деревья, но обители суждено было снова возникнуть. «Жилъ въ Тетюшскомъ монастырѣ на Волгѣ,—гласитъ одно преданіе,—нѣкій инокъ убогій, украшенный нищетою духовной, муромскій уроженецъ, именемъ

Ханъ Улу-Махметъ отпускаетъ изъ казанскаго плѣна преп. Макарія Желтоводскаго.

Авраамій. Одѣянный небеснымъ свѣтомъ, явился ему однажды въ чудесномъ видѣніи преподобный Макарій и, проливая слезы, молилъ его итти на мѣсто разоренной обители и возстановить ее на мѣстѣ святѣ. Авраамій смиренно повиновался; на Желтыхъ Водахъ онъ построилъ себѣ келью. Повелѣніемъ Макарія же ходилъ онъ на Унжу и принесъ оттуда древнюю икону св. Макарія». По другому преданію, возобновленіе Желтоводскаго монастыря приписывается князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому, къ Пуреховской волости котораго принадлежали и Желтыя Воды. По монастырскимъ актамъ, время возобновленія монастыря относится къ 1624 году. Обитель снова быстро разрослась, годъ отъ году богатѣя отъ щедрыхъ пожертвованій и вкладовъ. Въ одномъ сказаніи говорится даже о серебряныхъ колоколахъ, звонъ которыхъ, какъ пѣнье ангеловъ, разносился далеко по Волгѣ. Послѣ того какъ въ 1524 году, какъ увидимъ ниже, великій князь Василій III запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить въ Казань на Арскую ярмарку, около «Макарія» самъ собой образовался пунктъ мѣновой торговли, вскорѣ разросшійся въ огромное торжище — Макарьевскую ярмарку. Съ этого времени монастырь особенно сталъ обогащаться: ярмарка находилась на принадлежавшей ему землѣ. Въ 1641 году именнымъ указомъ царскимъ ярмарка была уже утверждена офиціально. Монастырю дана грамота о правѣ на сборъ пошлинъ и о владѣніи волжскимъ перевозомъ. Это была тоже важная доходная статья, особенно когда ярмарка разрослась до того, что ей стало тѣсно у монастыря и часть ея перешла на другой берегъ. Монастырь богатѣлъ. Вокругъ него воздвигались крѣпкія стѣны (на пожертвованіе Анны Ильинишны Морозовой), строились огромные корпуса братскихъ келлій съ кладовыми, подвалами для храненія оставляемаго купцами не распроданнаго товара. Церкви украшались, и все сверкало великолѣпіемъ. Почти каждый годъ монастырь получалъ какую-нибудь новую привилегію. Монастырю принадлежало въ XVII столѣтіи до 3.177 душъ крестьянъ. Въ 1670 году монастырь былъ разоренъ шайками Стеньки Разина. Такого бѣдствія не постигало обители со временъ Улу-Махмета. Однако монастырь вскорѣ оправился и снова попрежнему богатѣлъ. Со временъ Петра Великаго начинается «оскудѣніе». Петръ отнялъ отъ монастыря право сбора пошлинъ съ торговцевъ. Это былъ тяжелый ударъ, но все-таки, пока ярмарка находилась у стѣнъ монастыря, онъ могъ поддерживать прежнюю

славу свою одного изъ богатѣйшихъ монастырей въ Россіи. Въ 1817 году ярмарка была переведена въ Нижній. Съ этихъ поръ монастырь сталъ приходить въ упадокъ и, наконецъ, былъ закрытъ, однако вскорѣ онъ снова возстановленъ уже женской обителью, но и до сихъ поръ въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ еще носитъ слѣды запустѣнія. Великолѣпный памятникъ зодчества XVII в. огромный Троицкій соборъ до сихъ поръ стоитъ обветшалымъ съ провалившимся среднимъ куполомъ, съ потрескавшимися стѣнами, на которыхъ и до сихъ поръ цѣлы остатки чудныхъ старинныхъ фресокъ. Только недавно Синодъ рѣшилъ на свои средства возстановить этотъ рѣдкій образчикъ

Общій видъ Макарьевскаго монастыря съ Волги.

древняго церковнаго строительства и въ Нижнемъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіепископа, образована особая комиссія для реставраціи его.

Пользуясь московскими смутами, особенно усилившимися во время начавшейся новой распри между Василіемъ Темнымъ, Дмитріемъ Шемякой и Василіемъ Косымъ, потомки великихъ князей нижегородскихъ дѣлали еще разъ попытку возвратить утраченныя права. Василій и Ѳедоръ Юрьевичи, внуки Василія Дмитріевича, бѣжали изъ Москвы. Василій искалъ помощи у новгородцевъ и получилъ въ управленіе Ямъ, а Ѳедоръ вскорѣ заключилъ договоръ съ Шемякою, по которому послѣдній обязывался, какъ только удастся ему отнять великокняженіе у Василія Темнаго, дать въ удѣлъ ему, Ѳедору, съ братомъ Нижній, Городецъ и Суздаль съ придачею Вятки; по тому же договору

великое княжество Суздальско-Нижегородское пріобрѣтало права полной независимости отъ Москвы и, между прочимъ, что было важно тогда, князю нижегородскому предоставлялось право свободнаго, безъ вѣдома Москвы, сношенія съ Ордой. Такимъ образомъ въ 1446 году, почти одновременно съ водвореніемъ Шемяки въ Москвѣ, Нижегородское великое княжество снова возстановляется, но на весьма короткій срокъ. Тотчасъ же по возвращеніи въ Москву Василія Темнаго, оно опять и уже на этотъ разъ окончательно утрачиваетъ свою независимость. Впрочемъ, одинъ изъ сыновей Василія Юрьевича, Іоаннъ, владѣвшій послѣ того Нижнимъ, именовался не только великимъ княземъ, но и самодержавнымъ государемъ, въ сущности же былъ безвластнымъ присяжникомъ Москвы. Послѣднимъ владѣтелемъ Нижняго нужно считать младшаго сына Василія Юрьевича, Василія, по прозванію Гребенки-Шуйскаго, который также носилъ титулъ великаго князя нижегородскаго, онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ въ царствованіе Ивана III, съ которымъ, до полученія въ удѣлъ Нижняго-Новгорода, долго враждовалъ и даже два раза сражался, предводительствуя новгородцами. Между тѣмъ татары продолжали отъ времени до времени безпокоить окраины русскихъ владѣній; такъ, въ 1425 году они напали на рязанскія земли, при чемъ, однако, были разбиты; въ 1428 году произвели набѣгъ на Галицкую область, при чемъ взяли Кострому, Плесъ и Лухъ; въ 1437 году, послѣ похода русскихъ на болгаръ, татары снова произвели опустошительный набѣгъ на границы рязанскихъ владѣній. Татарскіе набѣги начали принимать довольно серьезный характеръ послѣ того, какъ изгнанный изъ Золотой Орды ханъ Улу-Махметъ водворился въ предѣлахъ Болгаріи и на мѣстѣ разоренной въ 1399 году русскими старой Казани основалъ новую, сдѣлавшуюся вскорѣ столицею довольно сильнаго царства Казанскаго. Съ этого времени и въ исторіи Нижняго-Новгорода начинается новая эпоха: Нижній мало-помалу пріобрѣтаетъ новое важное значеніе, — значеніе главнаго сторожевого пункта, защищающаго уже не отдѣльное Суздальское княжество, а всю русскую землю. Во время начавшейся вскорѣ борьбы съ Казанью, Нижній дѣлается мѣстомъ сборища русскихъ войскъ. Первый походъ Улу-Махмета въ 1437 году не коснулся Нижегородской области, татары обошли нижегородскія земли степью и напали на Бѣлевъ, но второй походъ на Рязань и Москву 1439 года памятенъ въ исторіи нижегородскаго

края, какъ уже выше сказано, разореніемъ незадолго до того основаннаго Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря. Черезъ 5 лѣтъ послѣ того казанскіе татары опять дѣлали нападеніе на Рязань и опять обходили степью нижегородскія земли, но въ

Внутренность Троицкаго собора Макарьевскаго монастыря съ остатками древнихъ фресокъ.

1445 году, мстя русскимъ за убіеніе подъ Рязанью своего подручника, султана Мустафы, Улу-Махметъ прямо направился къ Нижнему, въ которомъ на этотъ разъ почти не было войска; воеводы нижегородскіе — князь Ѳедоръ Долголядовъ и Юрій Драница—заперлись въ меньшомъ городкѣ, т.-е. въ цитадели, по-

строенной Дмитріемъ Константиновичемъ; Улу-Махметъ меньшой городъ не могъ взять и засѣлъ въ старой крѣпости, отсюда зимой онъ отправился на Муромъ, гдѣ, впрочемъ, былъ разбитъ московскими войсками; на слѣдующую же весну Улу-Махметъ окончательно укрѣпился въ Нижнемъ, намѣреваясь сдѣлать его своей столицей. Отсюда послалъ онъ двухъ сыновей своихъ Мамутяка и Ягуба воевать русскія земли. Великій князь московскій выступалъ къ Суздалю имъ навстрѣчу, здѣсь къ нему явились нижегородскіе воеводы и извѣстили, что, будучи не въ силахъ долѣе выдерживать осады, они подожгли старыя укрѣпленія и покинули Нижній, что войско Улу-Махмета уже близко; великій князь приготовился встрѣтить непріятеля, онъ заговѣлся и послѣ заутрени 7 іюля выступилъ въ поле. Около Евѳимьева монастыря [1]) произошла битва, которая, несмотря на малочисленность московскаго войска, сначала окончилась благопріятно для русскихъ, но отраженныя войска Улу-Махмета внезапно напали снова на русскихъ, татары на этотъ разъ осилили, они захватили въ плѣнъ самого великаго князя, сняли съ него тѣльный крестъ, который отослали въ Москву, а самого увели въ Нижній; изъ Нижняго Улу-Махметъ вскорѣ отступилъ къ Курмышу, захвативши съ собой и плѣннаго Василія, который былъ только здѣсь освобожденъ.

Борьба съ Казанью, начавшаяся при Василіи Темномъ, становится болѣе упорной при Иванѣ III; Нижній въ это время то и дѣло видитъ въ своихъ стѣнахъ великокняжескія дружины; сюда стягиваются отдѣльные полки со всѣхъ концовъ русскаго государства, въ самомъ Нижнемъ учреждается постоянная «крѣпкая засада». Понимая важное значеніе Нижняго, какъ стратегическаго пункта, Иванъ III намѣревался докончить начатую еще Дмитріемъ Константиновичемъ постройку каменныхъ городскихъ стѣнъ, но почему-то постройка эта, какъ и при Дмитріи Константиновичѣ, ограничилась сооруженіемъ одной Тверской башни (нынѣ Ивановской). Мастера-строители, присланные въ Нижній, вскорѣ были отозваны въ Москву, гдѣ тоже происходили дѣятельныя работы по укрѣпленію города.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ походовъ московскихъ, муромскихъ и нижегородскихъ дружинъ, Иванъ III за-

---

[1]) Основаннаго Евѳиміемъ Суздальскимъ, уроженцемъ Нижняго-Новгорода.

Видъ Макарьевскаго монастыря со стороны Святыхъ воротъ.

думалъ въ 1469 г. походъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Подъ Казань, гдѣ сидѣлъ въ то время ханомъ Ибрагимъ, отправилась огромная судовая рать подъ начальствомъ воеводы Константина Александровича Беззубцева; ранней весной стало подходить къ Нижнему множество судовъ: московская рать шла изъ Москвы Москвой-рѣкой и Окою, съ воеводою княземъ Оболенскимъ-Нагимъ, Окою же шли коломничи и муромцы; владимірскія и суздальскія дружины спускались въ Оку Клязьмою, всѣ остальныя: дмитровцы, можайцы, угличане, ярославцы, ростовцы, костромичи, спускались по Волгѣ. Едва собралась въ Нижнемъ главная рать [1]), какъ пришла великокняжеская грамота съ приказомъ Беззубцеву стоять въ Нижнемъ, а на казанскія земли пустить охотниковъ. Когда Беззубцевъ объявилъ волю великаго князя, рать отвѣчала: «всѣ хотимъ на окаянныхъ татаръ за святыя церкви, за своего государя, великаго князя Ивана, и за православное христіанство» [2]), между тѣмъ великокняжеской грамотой разрѣшалось охотникамъ «воевать казанскія мѣста» по обѣ стороны Волги, самой же Казани не касаться. Почему послѣдовало такое повелѣніе—неизвѣстно. Быть-можетъ, потому, что вятчане отказались участвовать въ походѣ, а можетъ-быть, вслѣдствіе прибытія въ Москву ханши, матери Ибрагимовой, для какихъ-то переговоровъ. Ратники двинулись, Беззубцевъ остался въ Нижнемъ. Прежде чѣмъ сѣсть на суда, ополченіе отслужило молебенъ у Николы на Бичевѣ. «Воеводы судовыя рати,—говоритъ лѣтопись,—нелюбье держали промежъ себя» и завели было распри изъ-за старшинства, тогда ратники сами избрали изъ среды своей воеводу боярина Ивана Дмитріевича Руна, и того же дня отплыли изъ Нижняго; сдѣлавъ 60 верстъ, ночевали у Работокъ, а на слѣдующій день отдыхали у села Разнѣжья; къ ночи были у Чебоксаръ и отсюда, послѣ ночлега, шли не останавливаясь круглыя сутки до самой Казани, куда прибыли рано утромъ 21 мая; незамѣченные подступили они къ самымъ городскимъ стѣнамъ; Казань легко можно бы было взять, но Руно, вѣроятно, не рѣшаясь сдѣлать противъ воли великаго князя, какъ выражается лѣтописецъ, «понаровилъ» татарамъ, велѣлъ отступить и трубить въ трубы. Самой Казани русскіе не трогали, но разграбили окрестности, пожгли посады и освободили

---

[1]) Соловьевъ, часть V, стр. 84.
[2]) Вологодскія и устюжскія дружины шли на Вятку.

христіанскихъ плѣнниковъ (московскихъ, рязанскихъ, литовскихъ, вятскихъ, устюжскихъ и пермскихъ). Послѣ того ратники отступили отъ Казани на одинъ изъ волжскихъ острововъ Ирыховъ. Черезъ семь дней снова произошла битва у береговъ Волги; побѣда, на этотъ разъ, также была на сторонѣ русскихъ. Вскорѣ прибылъ подъ Казань и Беззубцевъ изъ Нижняго, но, подождавъ немного, вмѣстѣ со всей ратью отошелъ вверхъ по Волгѣ. Около острова Звѣнигча [1]) на нихъ снова напали татары, но и на этотъ разъ русскимъ удалось одержать верхъ, послѣ чего вся рать вернулась въ Нижній.

Макарьевскій Желтоводскій монастырь въ XVIII вѣкѣ (со старшнаго рисунка).

Однако и этотъ походъ, не говоря уже о предшествующихъ, не имѣлъ никакихъ серьезныхъ результатовъ и не могъ считаться особенно успѣшнымъ; много мѣшало удачѣ несогласія воеводъ, ихъ споры изъ-за старшинства, отсутствіе настоящей дисциплины. Иванъ рѣшился на слѣдующій годъ еще снарядить походъ, на этотъ разъ подъ начальствомъ двухъ своихъ братьевъ Юрія и Андрея, старшинства которыхъ никто не осмѣлился бы оспаривать. Въ августѣ мѣсяцѣ дружины московскія

[1]) Верстахъ въ пятидесяти отъ Казани есть мѣсто, называемое Звѣнигскій затонъ.

прибыли въ Нижній, а 1 сентября уже были подъ Казанью. Походъ этотъ кончился мирнымъ договоромъ, по которому Ибрагимъ обязался выдать всѣхъ, какіе только находились у него, русскихъ плѣнныхъ. Послѣ этого похода въ теченіе 8 лѣтъ съ Казанью не было столкновеній, да и не до того было московскому правительству, все вниманіе котораго было тогда обращено на дѣла съ Новгородомъ.

Окончательно покоривъ Новгородъ и сдѣлавшись полновластнымъ его государемъ, Иванъ III выселилъ множество новгородцевъ по разнымъ дальнимъ городамъ; множество новгородцевъ было прислано для поселенія и въ предѣлы нижегородскіе, преимущественно въ Нижній, а также въ Балаханское усолье и Мурашкино [1]) (гдѣ послѣ того отъ переселенныхъ новгородцевъ и развился кожевенный промыселъ). Въ числѣ другихъ новгородскихъ плѣнныхъ въ Нижній была прислана и Марѳа Борецкая съ внукомъ ея Васильемъ, если только вѣрить извѣстію житія Зосимы и Савватія, по словамъ котораго Марѳа и умерла въ Нижнемъ, въ Зачатіевскомъ монастырѣ.

Въ то самое время, когда Иванъ III, вполнѣ подчинивъ себѣ вольный Новгородъ, возвращался уже въ Москву, до Казани дошелъ невѣрный слухъ, что великій князь московскій потерпѣлъ пораженіе и раненый обратился въ бѣгство. Ибрагимъ, повѣривши слуху, нарушилъ мирный договоръ съ Москвою, вооружился и отправилъ одинъ отрядъ на Вятку, другой—на Устюгъ. Иванъ не хотѣлъ оставлять безъ наказанія такого вѣроломства; весною въ 1478 году въ Н.-Новгородѣ опять сошлись дружины великаго князя, и отсюда двинулись на Казань, но походъ этотъ былъ не совсѣмъ удаченъ: русскіе опустошили окрестности, а къ самому городу не подходили по причинѣ сильной бури и проливного дождя, но въ то время, когда московскія войска возвращались къ Нижнему, къ Казани подошли вятчане и устюжане, тогда Ибрагимъ послалъ къ великому князю просить мира, при чемъ былъ заключенъ новый договоръ «по всей волѣ великаго князя московскаго».

---

[1]) Село Мурашкино—одно изъ самыхъ большихъ и промышленныхъ селъ Нижегород. г., находится въ Княгин. у., на берегу р. Сундокика. Начало его очень древнее: еще во время борьбы суздальскихъ дружинъ съ мордвою здѣсь было мордовское укрѣпленіе, построенное, по преданію, какимъ-то мордвиномъ Мурашомъ; въ XVII столѣтіи было городомъ, затѣмъ принадлежало боярынѣ Морозовой, позднѣе—Кантемирамъ.

Смерть Ибрагима и послѣдовавшія вслѣдъ за нею смуты въ казанскомъ царствѣ дали возможность Ивану III утвердить свое вліяніе въ Казани. Послѣ свергнутаго Алихана, старшаго сына Ибрагимова, съ помощью Москвы получаетъ ханство казанское младшій братъ его Махметъ-Аминь, на правахъ чуть не присяжника московскаго, но Махметъ-Аминь возбудилъ вскорѣ ненависть къ себѣ вельможъ казанскихъ и былъ свергнутъ. Иванъ III прислалъ въ Казань брата Махметъ-Аминя, Абдулъ-Летифа, незадолго до того пріѣхавшаго въ Москву на службу, но и Летифъ недолго удержался; по жалобамъ казанцевъ великій князь велѣлъ его схватить и отослалъ въ заточеніе на Бѣлое озеро, а между тѣмъ на мѣсто Летифа опять водворился Махметъ-Аминь. Тая злобу противъ Ивана, Махметъ искалъ случая вооружиться противъ него. Лѣтомъ 1505 года онъ велѣлъ схватить московскихъ купцовъ, пріѣхавшихъ на Арскую ярмарку (24 іюня); одни изъ нихъ были убиты, другіе отосланы въ ногайскія степи; затѣмъ, собравъ многочисленныя войска казанскихъ татаръ и ногайцевъ, онъ двинулся въ нижегородскіе предѣлы. Иванъ III отправилъ противъ него 200.000 ратниковъ, но эта рать почему-то дальше Мурома не пошла. Опустошивъ множество селеній нижегородскаго Поволжья, Махметъ-Аминь остановился у Нижняго. Въ то время воеводой въ Нижнемъ былъ молодой, предпріимчивый и знающій ратное дѣло Хибаръ-Симскій. Махметъ-Аминь, стоя на возвышенномъ холмѣ за рѣчкой Почаиной, командовалъ уже атакой, городъ былъ почти безъ войска, но воевода не потерялся: въ то время въ Нижнемъ находилось нѣсколько пушекъ, отобранныхъ въ Литвѣ въ 1500 году при Ведрощѣ, управлять ими никто изъ нижегородцевъ, однако, не умѣлъ, но зато въ Нижнемъ находилось нѣсколько литовскихъ плѣнныхъ, въ теченіе пяти лѣтъ томившихся въ сырыхъ подвалахъ — всѣ они были «огненные стрѣльцы». Симскій прибѣгъ къ ихъ помощи, онъ обѣщалъ имъ свободу тотчасъ же послѣ отступленія непріятеля, если только они возьмутся управлять пушками; литовскіе пушкари съ радостью согласились. И вотъ съ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ Тайницкая башня кремля, загремѣлъ первый въ Нижнемъ пороховой выстрѣлъ, произведенный нѣкіемъ Ѳедею Литвичемъ, выстрѣлъ былъ мѣтко направленъ, ядро ударило въ грудь, стоявшаго у ханской палатки, ногайскаго мирзы, татары и ногайцы, не видавшіе дѣйствія огнестрѣльнаго оружія, пришли въ полное смя-

тенiе; ногайцы первые побросали оружiе и бросились бѣжать. Казанцы старались ихъ удержать, между ними началась схватка, съ нижегородскихъ же высотъ гремѣлъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, ядро за ядромъ врѣзывалось въ толпы обезумѣвшаго отъ страха непрiятеля; Махметъ-Аминь отступилъ. Впослѣдствiи на томъ мѣстѣ, гдѣ упало первое ядро, была поставлена церковь Ильи Пророка.

Смерть Ивана III, послѣдовавшая въ томъ же году, не избавила Махметъ-Аминя отъ наказанiя за кровопролитiе и измѣну. Василiй Ивановичъ два раза посылалъ въ Казань свои войска, и хотя эти походы были не удачны для русскихъ, тѣмъ не менѣе, казанцы, боясь продолжать вражду съ Москвой, черезъ 2 года просили мира. Послѣ того дѣла на западѣ съ Литвой отвлекли все вниманiе великаго князя. Между тѣмъ не совсѣмъ забывался и востокъ: непрiязненныя отношенiя съ Казанью, въ особенности нападенiя Махметъ-Аминя 1505 года, побудили великаго князя приступить къ окончательнымъ работамъ по укрѣпленiю Нижняго. Въ 1508 году онъ послалъ въ Нижнiй итальянскихъ мастеровъ Пьердо-Франческо и Займойтане, которые въ томъ же году 1-го сентября начали работы по устройству нижегородскаго кремля. Существуетъ преданiе, что постройка въ этотъ разъ начата была съ того мѣста, гдѣ теперешнiй Зеленскiй съѣздъ дѣлаетъ поворотъ и гдѣ къ нему присоединяется Новый съѣздъ отъ Лыковой дамбы; здѣсь, на обрывѣ, надъ самой рѣкой Почайной, построена была первая башня, названная Коромысловою будто бы потому, что подъ ея основанiе зарыта живая женщина съ коромысломъ и ведрами. По предразсудкамъ того времени, такая жертва требовалась будто бы для того, чтобы крѣпость была недоступна врагамъ, необходимо было заложить въ основанiе башни первое живое существо, которое само подойдетъ къ мѣсту постройки; случилось подойти несчастной дѣвушкѣ, шедшей за водой на Почайну. Легенда эта одна изъ самыхъ популярныхъ въ Нижнемъ [2]). Менѣе чѣмъ черезъ три года кремль былъ оконченъ; кстати замѣтить, вскорѣ послѣ окончанiя постройки

[1]) Такая же легенда существуетъ въ Мурашкинѣ, гдѣ также будто бы при построенiи мордовскаго укрѣпленiя была зарыта живая дѣвушка, но, кромѣ того, зарытъ и быкъ, который одновременно съ ней подошелъ къ строящемуся укрѣпленiю. Нужно замѣтить, впрочемъ, что легенда о Коромысловой башнѣ сравнительно недавняго происхожденiя, такъ какъ въ древности башня называлась не Коромысловой, а Карамышевой.

Подвигъ Ѳеди Литвича. Эпизодъ изъ осады ногайцами Нижняго-Новгорода въ 1505 году. (Карт. *Г. Мальцева.*

каменныхъ стѣнъ, въ 1513 году, во время пожара сгорѣли старыя укрѣпленія города, впрочемъ, не однѣ стѣны пострадали тогда, — пожаръ испепелилъ весь городъ.

До построенія каменнаго кремля Нижній-Новгородъ былъ окруженъ рвами и валами; на валахъ были укрѣплены деревянныя стѣны съ башнями и забралами; когда были построены эти стѣны, неизвѣстно. Нижегородскій лѣтописецъ о нихъ упоминаетъ въ первый разъ при описаніи большого пожара въ 1513 году, т.-е. черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ построенія каменныхъ стѣнъ; въ этомъ году деревянныя стѣны сгорѣли и больше не возстановлялись. Прежнія деревянныя укрѣпленія обнимали собой гораздо большее пространство, чѣмъ теперешній кремль: они окружали всю центральную часть теперешняго Нижняго отъ теперешней Малой Покровки и Звѣздинской улицы до берега Волги и Оки и отъ теперешней Мартыновской улицы до Гребешка, что составляло такъ называемый Большой городъ, или большой острогъ; внутри Большого острога находились двѣ цитадели — Дмитровская (нынѣ Дмитровская башня) и Тверская (нынѣ Ивановская башня); обѣ эти цитадели были также соединены деревянными стѣнами, которыя шли почти по тому же направленію, какъ теперь каменныя кремлевскія стѣны, это составляло такъ называемый Меньшой городъ, или Малый острогъ. Малый острогъ въ древности былъ сплошь застроенъ, въ немъ находилось два собора, два монастыря, нѣсколько церквей, воеводскій дворъ и другія зданія, а также множество обывательскихъ домовъ.

Стѣны и башни нижегородскаго кремля реставрировались не одинъ разъ — въ 1618 году, въ 1653 и въ 1671, а въ XVIII столѣтіи во время реставраціи 1788—1790 года внѣшній видъ кремля значительно измѣнился: двѣ башни были разобраны, остальныя значительно окорочены, зубцы стѣнъ также сняты почти наполовину, уничтожены были и обѣ цитадели. До этой реставраціи кремль имѣлъ 13 башенъ: кромѣ существующихъ донынѣ одиннадцати [1]), еще были двѣ — Духовская и Борисоглѣбская; обѣ онѣ находились въ нижней части кремля и выходили на Волгу; изъ нихъ Борисоглѣбская имѣла ворота, кромѣ того, были ворота въ слѣдующихъ башняхъ: въ Дмитровской, Твер-

[1]) Дмитровская, Кладовая, Никольская, Коромыслова, Тайницкая, Часовая, Сѣверная, Ивановская, Бѣлая, Егорьевская и Пороховая.

Закладка нижегородскаго кремля при Василіи III. Коромыслова башня. (Карт. *Г. Мальцева*).

ской, Георгіевской и Никольской. Капитальной передѣлкѣ подвергся кремль еще во время царствованія Николая I, между 1835 и 1841 годами. Въ это время были задѣланы ворота въ Георгіевской башнѣ и въ нижней части кремля Симеоновскія и Борисоглѣбскія (на мѣстѣ сломанной башни). Въ то же время устроены новыя ворота въ стѣнѣ между Георгіевской и Пороховой башнями, противъ нынѣшняго зданія семинаріи, такъ называемый нынѣ Губернаторскій проѣздъ. Тогда же внутри кремля были уничтожены частныя обывательскія строенія, сломанъ старый архіерейскій домъ, стоявшій на мѣстѣ теперешней гауптвахты, сломана также церковь Всѣхъ Скорбящихъ и построено теперешнее зданіе дворца, около котораго разведенъ садъ по склону горы, а находившаяся на мѣстѣ теперешняго губернаторскаго сада церковь св. Духа обращена въ домовую—дворцовую. Въ то время уже не существовало въ кремлѣ древняго величественнаго зданія Спасо-Преображенскаго собора, тогда только что было (въ 1834 году) отстроено теперешнее его зданіе. Послѣ реставраціи сороковыхъ годовъ никакихъ значительныхъ измѣненій внѣшняго вида кремля не произошло. Внутри на вѣнцѣ Часовой горы, противъ зданія аракчеевскаго кадетскаго корпуса (прежде казармы карабинерскаго полка), вокругъ монумента Минина и Пожарскаго въ 1871 году разведенъ садъ, который недавно расширенъ вплоть до крѣпостной стѣны у Сѣверной башни; продѣланы ворота въ стѣнѣ между Дмитровской и Кладовой башнями, противъ зданія губернскаго правленія, пробито еще двое воротъ около Дмитровской башни и около Сѣверной; послѣднія, устроенныя для пѣшеходовъ, соединяютъ Мининскій садъ съ кремлевскимъ бульваромъ: надъ этими воротами на стѣнѣ устроена терраса, откуда раскрывается великолѣпная панорама на Заочье.

Въ 1513 году кремль нижегородскій въ первый разъ былъ осажденъ татарами, которые тщетно пытались взять его приступомъ, но новая крѣпость, отчасти благодаря своему мѣстоположенію на крутомъ утесѣ, оказалась совершенно неприступной; послѣ того въ стѣнахъ нижегородскаго кремля ни одного раза не было непріятеля.

Между тѣмъ въ Казанскомъ царствѣ произошли новыя перемѣны. Крымскій ханъ Махметъ-Гирей замыслилъ возстановить окончательно распавшуюся Орду, онъ овладѣлъ Астраханью, а въ Казань вмѣсто сидѣвшаго въ ней присяжника московскаго

Шигъ-Алея посадилъ своего брата Саибъ-Гирея, который послѣ того ходилъ въ русскіе предѣлы, пытался осаждать Нижній, но безуспѣшно; въ 1520 году, отправляясь на помощь своему брату, шедшему на Москву, онъ опустошилъ Березополье, земли владимірскія, при чемъ самый Владиміръ былъ взятъ и разграбленъ. Но гораздо важнѣе, по своимъ послѣдствіямъ для мѣстной исторіи, другое обстоятельство. Въ 1523 году Саибъ-Гирей приказалъ избить всѣхъ русскихъ купцовъ, пріѣхавшихъ на этотъ разъ въ особенно большомъ количествѣ на Арскую ярмарку, всѣхъ избитыхъ было до 1000 человѣкъ, вмѣстѣ съ ними былъ убитъ и великокняжескій посолъ В. Ю. Поджогинъ. Извѣстіе объ этомъ поразило глубокой печалью сердце великаго князя, нѣсколько дней не выходилъ онъ изъ своихъ покоевъ и пролилъ много слезъ. Убійство посла было кровнымъ оскорбленіемъ, котораго нельзя было оставить безъ отмщенія. И вотъ въ 1523 году Василій Ивановичъ рѣшился выступить въ походъ, съ цѣлью окончательно покорить Казань; онъ выступилъ съ братьями своими, Андреемъ и Юріемъ и, съ сверженнымъ незадолго до того, Шигъ-Алеемъ. Дойдя до Нижняго, Василій Ивановичъ остановился; самъ оставшись здѣсь, онъ отправилъ въ Казань судовую рать подъ начальствомъ Шигъ-Алея и Шуйскаго, конницу велъ сухимъ путемъ князь Борисъ Горбатый. Была глухая осень; Горбатый, дойдя до устья Суры, дальше не рѣшился итти, опасаясь быть застигнутымъ зимой среди безлюдныхъ, почти необитаемыхъ мѣстъ; еще болѣе представлялось опасности отряду Шуйскаго: суда могли быть застигнуты морозами среди Волги; Шуйскій принужденъ былъ возвратиться въ Нижній. Между тѣмъ Горбатый со своей ратью перешелъ на правый берегъ Суры, принадлежавшій черемисамъ, данникамъ казанскимъ, отнялъ у нихъ земли у впаденія Суры въ Волгу и сейчасъ же построилъ укрѣпленіе, такимъ образомъ было положено основаніе новому городу, который названъ въ честь великаго князя Васильевымъ Новгородомъ. Сама по себѣ васильевская крѣпость не представляла изъ себя ничего особеннаго, но важно было то, что въ этомъ высказывалось, какъ говоритъ Соловьевъ, твердое намѣреніе начать наступательное движеніе противъ Казани. Не въ силахъ забыть убійства Поджогина, стараясь всѣми мѣрами мстить казанцамъ, въ расчетѣ сдѣлать подрывъ казанской торговлѣ, Василій III запретилъ русскимъ купцамъ (имѣвшимъ

большое значеніе на Арской ярмаркѣ) ѣздить въ Казань; для торговли съ Востокомъ онъ указалъ мѣсто во вновь построенномъ городѣ Васильевѣ. Неизвѣстно, однако, сколько времени здѣсь происходила и даже происходила ли какая-нибудь ярмарочная торговля, такъ какъ вскорѣ образовался самъ собой новый торговый центръ у Макарьева монастыря.

Василій Ивановичъ, задавшись мыслью окончательно покорить Казань, въ слѣдующемъ году опять снарядилъ походъ, онъ послалъ многочисленную рать подъ начальствомъ Ивана Бѣльскаго и Хирабъ-Симскаго (бывшаго воеводы нижегородскаго). Войска опять собирались въ Нижнемъ, но и этотъ походъ не удался и не удался на этотъ разъ вслѣдствіе того, что конница, которой командовалъ Симскій, запоздала; однако этотъ походъ испугалъ казанцевъ: Саибъ-Гирей еще до начала осады убѣжалъ въ Крымъ и на мѣсто его былъ провозглашенъ тринадцатилѣтній Сафа-Гирей, племянникъ Саиба. Казанцы просили мира. Снова былъ подписанъ мирный договоръ, который, однако, Сафа-Гирей скоро нарушилъ, вслѣдствіе чего въ 1530 году объявленъ былъ новый походъ и черезъ Нижній снова проходила многочисленная рать, но Казань опять не была взята, вслѣдствіе того, какъ существуетъ преданіе, что въ то время, когда пришлось вступить въ отворенныя городскія ворота, между начальниками отрядовъ (Бѣльскимъ и Глинскимъ) зашелъ споръ, кому подобаетъ, какъ старшему, итти впереди. Этотъ походъ ограничился лишь возстановленіемъ мирнаго договора, при чемъ казанцы обязались впредь не выбирать себѣ хановъ безъ воли московскаго великаго князя. Сафа-Гирея изгнали и просили великаго князя прислать имъ Еналея, по поводу чего шли длинные переговоры. Переговоры эти происходили сначала въ Василѣ, а затѣмъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ и завершились въ 1530 году великолѣпнымъ торжествомъ: Еналей давалъ здѣсь присягу на вѣрность московскому престолу въ присутствіи нижегородскаго воеводы и нарочно для того присланныхъ изъ Москвы бояръ.

Василію Ивановичу не удалось осуществить своего завѣтнаго желанія, — присоединить Казанское царство къ русскимъ владѣніямъ, но онъ сдѣлалъ первый шагъ къ тому, достаточно подготовивъ для того почву своему преемнику. Въ послѣдней договорной грамотѣ съ Василіемъ III казанцы уже называли себя вѣрными холопами великаго князя московскаго.

Подъ 1537 годомъ нижегородскій лѣтописецъ упоминаетъ о новомъ набѣгѣ татарскомъ; разоривъ Муромъ, они подступили къ Нижнему. Осаждали его три дня; «бой великъ былъ,—говоритъ лѣтописецъ,—отъ третьяго часа и до девятаго и татары верхній посадъ выжгли, и погорѣло двѣсти дворовъ». Набѣгъ этотъ былъ слѣдствіемъ новыхъ переговоровъ въ Казани. Еналей былъ свергнутъ и палъ отъ рукъ убійцъ. Желая отомстить за смерть Еналея, правительница Елена посылала въ декабрѣ 1535 года подъ Казань войска, подъ начальствомъ князя Гундурова и Василья Замыцкаго, — они, дойдя до береговъ Оки, воротились обратно, испугавшись извѣстія, что казанцы идутъ имъ навстрѣчу. Подъ тѣмъ же 1537 годомъ лѣтописецъ говоритъ о другомъ набѣгѣ: татары напали на Юрьевецъ, Городецъ и Балахну «и много христіанамъ зла учинили». Часть Балахны была выжжена, крестьяне окрестныхъ селеній вышли имъ навстрѣчу, но были разбиты. Это было зимой; отъ Балахны татары двинулись къ Нижнему, но нижегородцы окололи ледъ на Окѣ и на Волгѣ и такимъ образомъ не допустили непріятеля. Въ томъ же году, по повелѣнію правительницы, въ Балахнѣ построена крѣпость: вокругъ города выведенъ валъ вышиною въ пять саженъ и семь саженъ глубиною ровъ, на валу построена деревянная стѣна съ башнями и заборами [1]). Послѣ того въ Нижнемъ-Новгородѣ опять начинаютъ безпрестанно собираться московскія дружины, начинаются ежегодные походы, но походы эти ограничиваются пока только обороною русскихъ окраинъ отъ постоянныхъ набѣговъ казанцевъ.

Вступившій въ дѣла управленія государствомъ, Иванъ Грозный, какъ извѣстно, тотчасъ предпринялъ рѣшительныя мѣры по отношенію Казани, постановивъ себѣ задачей довершить начатое отцомъ. Въ 1545 году онъ отправилъ подъ Казань огромное войско, которое по обыкновенію собралось въ Нижнемъ, но этотъ походъ былъ неудаченъ. Черезъ два года Иванъ Грозный самъ выступилъ во главѣ своихъ войскъ; направляясь черезъ Владиміръ, онъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ 24 января 1548 года и 2 февраля выступилъ по льду Волги къ Казани, къ вечеру того же дня онъ дошелъ до с. Ельны, здѣсь переночевавши,

---

[1]) Стѣна эта сгорѣла въ 1730 году. Балахна очень рѣдко упоминается въ лѣтописяхъ. Въ XVI вѣкѣ это былъ уже довольно значительный посадъ—«Балахнинское Усолье». Добываніе соли здѣсь началось съ 1532 года.

на другое же утро отправился дальше, но вдругъ наступила оттепель; дойдя до с. Работокъ, Грозный вынужденъ былъ остановиться, дальше нельзя было двигаться, ледъ проваливался, много людей и артиллерійскихъ орудій потонуло; черезъ три дня онъ вернулся обратно и прибылъ въ Нижній 10 февраля, отправивши подъ Казань лишь часть войска, подъ начальствомъ Бѣльскаго, которому приказалъ въ Василѣ соединиться съ Воротынскимъ и Шигъ-Алеемъ, направлявшимся отъ Мещеры сухимъ путемъ; онъ уѣхалъ въ Москву. Второй походъ былъ также неудаченъ, какъ и первый, но Грозный не смутился: спустя годъ, 18 января онъ снова прибылъ съ войскомъ въ Нижній и черезъ 5 дней отправился дальше, на этотъ разъ онъ дошелъ до самой Казани, но походъ опять не удался, какъ и въ прошлый разъ, помѣшали оттепель и проливные дожди, въ неурочное время года. Одиннадцать дней стоялъ Грозный въ виду Казани и принужденъ былъ отступить. Впрочемъ, этотъ походъ ознаменовался основаніемъ Свіяжска и присоединеніемъ къ русскимъ владѣніямъ черемисскихъ земель. Основаніе русскаго города въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ привело въ смущеніе Казань, внутри которой и безъ того происходили непрерывныя смуты и постоянныя усобицы.

Послѣдній знаменитый походъ 1552 года былъ совершенъ сухимъ путемъ; направляясь изъ Москвы черезъ Коломну, Владиміръ и Муромъ на Свіяжскъ, Иванъ Грозный не проходилъ на этотъ разъ черезъ самый Нижній, но путь его лежалъ черезъ южные предѣлы теперешней Нижегородской губерніи (теперешніе Ардатовскій, Арзамасскій, сѣверную часть Лукояновскаго и южную Сергачскаго уѣздовъ). До сихъ поръ сохранилось въ нижегородскомъ Поволжьѣ много мѣстныхъ преданій и легендъ, связанныхъ съ воспоминаніемъ объ этомъ походѣ, какъ, напримѣръ, преданіе о Калейкѣ-мужикѣ, объ Ардаткѣ-мордвинѣ, легенда о Дѣвичьихъ горахъ. Калейка, по преданію, велъ царскую дружину черезъ дремучіе Выксунскіе лѣса, Ардатка былъ проводникомъ въ другомъ мѣстѣ. Царь, какъ гласитъ преданіе, щедро наградилъ обоихъ землями, послѣ чего Ардатка построилъ цѣлое селеніе, которое впослѣдствіи разрослось въ огромное торговое село и теперь стало городомъ Ардатовомъ. Легенда о Дѣвичьихъ горахъ гораздо сложнѣе. Дѣвичьи горы въ настоящее время небольшое село Лукояновскаго уѣзда, стоитъ оно на высокомъ крутомъ холмѣ, у подножья котораго протекаетъ небольшая рѣчка

Чека. Здѣсь, въ дремучемъ лѣсу, какъ говоритъ легенда, Иванъ Грозный, шедшій на этотъ разъ безъ проводника, принужденъ былъ остановиться, встрѣтивши непроходимыя болота; нѣсколько дней разсылалъ онъ людей разыскивать удобнаго перехода; тѣмъ временемъ окрестная мордва составила будто бы заговоръ противъ царя и замыслила убить его; въ глухую ночь заговорщики, вооруженные копьями, подкрадывались къ царской ставкѣ, но были замѣчены будто бы какой-то проходившій мимо русской дѣвушкой. Догадавшись о ихъ намѣреніи, дѣвушка бросилась бѣжать, чтобы разбудить спавшую стражу, но была перехвачена мордвой, тогда она начала кричать, отъ крика ея проснулась царская стража и во-время предупредила нападеніе. Когда разсвѣло, несчастную дѣвушку нашли мертвой, висящею на мордовскихъ копьяхъ, воткнутыхъ въ землю; узнавши обо всемъ, царь велѣлъ на этомъ мѣстѣ построить церковь изъ тутъ же срубленныхъ дубовъ. Съ тѣхъ поръ это мѣсто стало называться Дѣвичьи горы. На берегу Суры, недалеко отъ границы Нижегородской губерніи, въ Курмышскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, есть село Ратово, которое будто бы названо такъ оттого, что на этомъ мѣстѣ рать Грознаго остановилась на ночлегъ; еще далѣе вверхъ по Сурѣ въ Алатырскомъ уѣздѣ находится село Мурзицы,—здѣсь, по мѣстному преданію, во время того же похода будто бы былъ зарытъ живымъ въ землю, по повелѣнію Грознаго, какой-то татарскій мурза.

Покоривши Казань, Грозный возвращался въ Москву черезъ Нижній, Балахну на Владиміръ. Когда до Нижняго дошла вѣсть, что царь приближается, — 19 октября, съ ранняго утра, зеленые откосы Дятловыхъ горъ были покрыты густой толпой народа, всѣ смотрѣли вдоль убѣгающей Волги. Въ утреннемъ туманѣ далеко забѣлѣли, наконецъ, паруса, показались царскія ладьи; толпа заволновалась. Загудѣлъ колоколъ Преображенской колокольни, тотъ самый колоколъ, который полтораста лѣтъ назадъ возвѣстилъ о паденіи Нижегородскаго княжества, но тогда онъ гремѣлъ зловѣщимъ набатомъ, а теперь съ его звономъ сливался веселый звонъ колоколовъ со всѣхъ нижегородскихъ церквей; какъ тогда, такъ и теперь онъ возвѣщалъ торжество Москвы, но теперь съ торжествомъ Москвы сливалось торжество всей великой Россіи. Изъ кремлевскихъ воротъ вышелъ архимандритъ и все духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ съ хоругвями и иконами, при пѣніи церковнаго клира. Едва приблизились

царскія суда къ нижегородскому берегу, вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, упала на колѣни; всѣ головы преклонились къ землѣ. Кто плакалъ, кто громко молился. Звонъ колоколовъ, шумъ волнующейся толпы, клики радости и плачъ заглушали церковное пѣніе.

ГЛАВА III.

Отъ покоренія Казани до учрежденія нижегородской епархіи.

Пала Казань, пало и значеніе Нижняго-Новгорода, какъ оплота въ борьбѣ съ годъ отъ году обезсиливавшимъ, когда-то грознымъ и страшнымъ «зміемъ», по картинному выраженію русскихъ былинъ, долгое время «залегавшимъ дорогу прямоѣзжую» — путь исконнаго стремленія славянъ на востокъ къ предѣламъ той земли обѣтованной, той «Индѣи богатыя» русскихъ былинъ, у предѣловъ которой мы стоимъ теперь, какъ стояли когда-то у предѣловъ великой Болгаріи, тоже своего рода «Индѣи богатой» тогдашняго Поволжья.

Испытавъ не мало невзгодъ въ теченіе трехвѣковаго существованія своего, то въ борьбѣ съ покоренной мордвой, то защищая

Церковь въ с. Дальнія Печеры на мѣстѣ разрушеннаго обваломъ древняго Печерскаго монастыря. (Набросокъ съ натуры *А. П. Мельникова.*)

Древній Печерскій монастырь (со старинной картины, хранящейся въ ризницѣ Печерскаго монастыря).

свою независимость отъ притязаній Москвы и, наконецъ, служа той же Москвѣ во время борьбы съ Казанью, Нижній-Новгородъ въ половинѣ XVI вѣка сходитъ съ арены исторической жизни государства на цѣлое полустолѣтіе. За все это время мирное спокойствіе его нарушено было только одинъ разъ: въ 1574 году, когда, подъ вліяніемъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, казанскіе татары осаждали Нижній, тщетно пытаясь имъ овладѣть. Это былъ послѣдній татарскій набѣгъ на низовскую землю. За цѣлое пятидесятилѣтіе нижегородскій лѣтописецъ упоминаетъ только объ этомъ набѣгѣ, да еще объ одномъ событіи, встревожившимъ нижегородцевъ — о страшномъ стихійномъ явленіи 1597 года: отъ обвала горнаго берега Волги былъ разрушенъ древній Печерскій Вознесенскій монастырь, какъ уже извѣстно, еще въ XVI в. основанный св. Діонисіемъ, епископомъ суздальскимъ и нижегородскимъ.

Между тѣмъ конецъ XVI в. имѣетъ важное значеніе въ мѣстной исторіи,—за это время совершилось повсемѣстное заселеніе русскими нижегородскаго края. Мы уже знаемъ, что задолго до основанія Нижняго въ предѣлахъ теперешней Нижегородской губерніи были уже русскія поселенія и даже городъ Ра-

диловъ, составлявшій средоточіе цѣлой области Бѣлгородской; что со времени основанія Нижняго русскія поселенія начали распространяться по Окѣ и ниже ея устья по Волгѣ; что, наконецъ, въ первыя времена самостоятельности Нижегородскаго княжества, колонизація эта особенно усилилась, русскія поселенія появились не только по берегамъ Оки и Волги, но и на Кудьмѣ, наконецъ, при Дмитріи Константиновичѣ, является какой-то гость Тарасъ Петровъ, который покупаетъ у великаго князя обширныя земли по рѣкѣ Сундовику, гдѣ уже находятся тогда шесть русскихъ селеній; однако до полнаго покоренія Казани, во времена постоянныхъ татарскихъ набѣговъ и мордовскихъ бунтовъ, русскіе не рѣшались слишкомъ удаляться отъ береговъ Волги и Оки, а главное, отъ Нижегородской крѣпости. Особенно тяжело отозвались на нижегородскомъ краѣ послѣдніе годы борьбы съ Казанью, когда многія земли, даже давно заселенныя русскими, начали пустѣть, поселяне уходили со своихъ насиженныхъ мѣстъ, покидали поля; многія земли, по побережью Волги, по 30-ти лѣтъ не засѣвались и зарастали лѣсомъ. Такое положеніе края быстро измѣнилось, когда съ покореніемъ Казани почти непрерывные опустошительные набѣги совсѣмъ прекратились. Заброшенныя селенія снова стали оживать, запустѣлыя земли мало-по-малу заселяться, начали появляться поселки и среди мордовскихъ земель за Пьяной. Иванъ Грозный щедро раздавалъ своимъ боярамъ обширныя помѣстья въ предѣлахъ теперешнихъ Васильскаго, Княгининскаго, Арзамасскаго уѣздовъ. Такимъ образомъ, къ началу XVII столѣтія по всему пространству нынѣшней Нижегородской губерніи мы уже находимъ русскія поселенія.

Въ началѣ XVII столѣтія Нижній-Новгородъ, во время поднявшихся повсюду въ Россіи смутъ и мятежей, снова выступаетъ на поприщѣ государственной жизни; впрочемъ, смуты временъ перваго Лжедмитрія мало отражались на немъ. Но съ воцареніемъ Василія Шуйскаго, въ нижегородскихъ предѣлахъ начали появляться шайки приверженцевъ второго Лжедмитрія. Въ теченіе зимы 1606 года шайки эти бродили около Нижняго и Арзамаса, возмущая мордву и, быстро увеличиваясь, появлялись въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ въ присурскомъ краѣ вспыхнулъ первый мятежъ; вслѣдъ за тѣмъ тушинцы осадили Арзамасъ и, съ помощью мордвы, овладѣли имъ; отсюда бросились они къ Нижнему, начали было осаду, но въ то же время разнесся

слухъ, что къ нижегородскимъ предѣламъ приближается московское войско, подъ начальствомъ Воротынскаго; мятежники оставили Нижній и поспѣшили назадъ. Разбитые Воротынскимъ, они на время разсѣялись: одни бросились за Оку въ станъ самозванца, нѣкоторые удалились въ Посурье, къ Алатырю и Ядрину, многіе скрылись въ лѣсахъ поблизости Арзамаса; но вскорѣ мятежъ снова вспыхнулъ, снова взбунтовались мордва, а за ней черемисы, чуваши, татары; начались поджоги и грабежи. Между тѣмъ шесть ближайшихъ городовъ къ Нижнему передались на сторону

Виды Нижняго-Новгорода. Большая Печерская улица въ Нижнемъ-Новгородѣ.

самозванца — Ядринъ, Курмышъ, Алатырь, Темниковъ, Арзамасъ, вскорѣ возмутились Стародубъ и Ярополчъ [1]), Пуреховская волость и Лухъ; измѣнила Шуйскому и Балахна, только одинъ Нижній, охваченный со всѣхъ сторонъ бунтомъ, оставался вѣрнымъ потомку своихъ великихъ князей [2]). Въ 1608 году игуменъ Луховской пустыни писалъ изъ Балахны воззваніе къ

---

[1]) Нынѣ городъ Вязники, Владимірской губерніи.

[2]) Василій Шуйскій былъ правнукъ Михаила Васильевича, сына Василія Юрьевича Гребенки-Шуйскаго, сына Юрія Васильевича, внука в. к. нижегородскаго Дмитрія-Ѳомы.

архимандриту Печерскаго монастыря, убѣждая его принять присягу самозванцу и склонять къ тому же нижегородцевъ. Но архимандритъ отдалъ это воззваніе нижегородскому воеводѣ Алябьеву. Нижегородцы остались непоколебимы въ вѣрности Василію. Тогда 2-го декабря балаханцы подступили къ стѣнамъ Нижняго, между тѣмъ въ Нижній только за день до того пришло подкрѣпленіе, подъ начальствомъ Ѳедора Шереметева. Нижегородцы вышли изъ города и ударили на балаханцевъ, тѣ обратились въ бѣгство, нижегородцы гнались за ними; на другой день около Балахны произошла горячая битва, побѣда оказалась на сторонѣ нижегородцевъ. Въ числѣ плѣнныхъ были приведены въ Нижній балахнинскій воевода Голенищевъ и семь человѣкъ главныхъ бунтовщиковъ, которые были повѣшены на нижнемъ посадѣ. Балахна, Копосово и Казино, принимавшія также участіе въ возстаніи, присягнули Василію. Вскорѣ Нижній былъ снова осажденъ,—на этотъ разъ отрядомъ князя Вяземскаго, посланнаго Сапѣгой; Алябьевъ сдѣлалъ вылазку и отразилъ непріятеля. Въ это же время до нижегородскаго воеводы дошло извѣстіе, что близъ села Ворсмы находится большая шайка тушинцевъ, онъ отправился туда, разбилъ мятежниковъ и преслѣдовалъ ихъ до Павлова острога [1].

Между тѣмъ Сапѣга, рѣшившійся сокрушить нижегородскую твердыню, послалъ новый отрядъ къ Нижнему, подъ начальствомъ того же Вяземскаго и Лазарева; верстахъ въ 4-хъ отъ города, на берегу Оки, на Слудѣ, ихъ встрѣтилъ Алябьевъ; послѣ горячаго боя непріятельскій отрядъ былъ разбитъ, Вяземскій и Лазаревъ приведены въ Нижній, здѣсь ихъ постигла участь Голенищева: они были повѣшены.

Между тѣмъ тяжелое положеніе Москвы особенно стало тяжелымъ въ 1610 г. послѣ сверженія Василія Шуйскаго или, точнѣе, со смертью Скопина-Шуйскаго. Къ прежнимъ бѣдствіямъ присоединились еще внутренніе раздоры между защитниками Москвы и между боярами. Москва уже готова была призвать на царство королевича Владислава; поляки, подъ предводительствомъ Жолкѣвскаго, уже заняли ее. Поляки вездѣ разсылали своихъ воеводъ; въ Нижній былъ присланъ отъ Жолкѣвскаго дьякъ Горихвостовъ, но нижегородцы не приняли его. Въ началѣ 1611 года въ Нижній-Новгородъ пришла грамота патріарха Гермогена,

---

[1]) Нынѣ село Павлово, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.

въ которой онъ горячо убѣждалъ не предавать православной Руси невѣрнымъ католикамъ. «Заклинаю васъ именемъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа,—заключилъ онъ свое посланіе, — отстаньте отъ пагубнаго нечестія, пока есть еще время». Писали также и жители Москвы: «гибнетъ Москва, а Москва есть основаніе Россіи». Москвичи увѣряли, что вовсе не вся Москва, а только не многіе идутъ вслѣдъ измѣнникамъ Салтыкову и Андронову; остальные же, во главѣ съ патріархомъ, готовы жизнь положить свою за вѣру Христову. «Не поругана ли

Виды Нижняго-Новгорода. Ивановскій съѣздъ нижегородскаго кремля (въ нынѣшнемъ видѣ), по которому выходило ополченіе Пожарскаго.

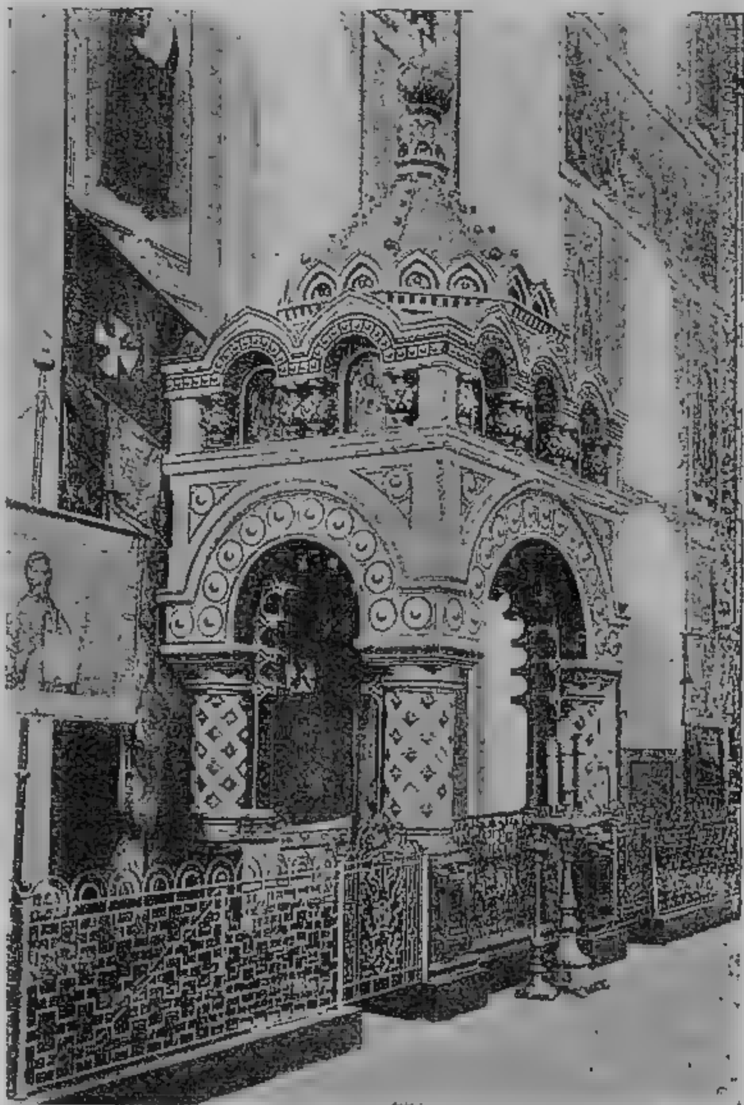
вѣра наша? Не разорены ли церкви Божіи?» писали они вторично, прося нижегородцевъ разослать ихъ посланія по другимъ городамъ. Ляпуновъ изъ Рязани также писалъ отъ себя воззванія; въ Нижнемъ дѣйствовалъ Вельяминовъ во имя царя, «котораго Богъ дастъ», и спасенія Руси отъ иноземцевъ. Наконецъ 12-го января пришелъ изъ Москвы посланный отъ патріарха, уже томившагося тогда въ заключеніи, свіяжскій житель Моисеевъ и передалъ на словахъ увѣщаніе Гермогена подыматься за православіе. Тогда нижегородцы, заключивъ договоръ съ балаханцами, послали къ Ляпунову спросить, когда выступать войску изъ Ниж-

няго и какой итти дорогой. Ляпуновъ прислалъ отвѣтъ черезъ стряпчаго Биркина и дьяка Пустошкина, чтобъ они выступали, а дорогу сами себѣ избрали, какую хотятъ. 8 февраля 1611 года выступила первая рать нижегородская на защиту Москвы, подъ начальствомъ воеводы Репнина, но для рѣшительной борьбы соединенныя силы собравшихся подъ Москвой русскихъ дружинъ были слишкомъ недостаточны, да къ тому же честолюбіе и гордость, даже и въ такую минуту, когда погибала цѣлая Россія, не могли покинуть бояръ и полководцевъ: каждый хотѣлъ быть первымъ и болѣе всѣхъ кичился Ляпуновъ. Между тѣмъ Москва представляла изъ себя печальную картину полнаго опустошенія: выжженная поляками, она изображала собой одно сплошное пожарище; разбѣжавшіеся жители, лишенные крова, въ сильный, трескучій морозъ бродили по окрестностямъ. Начали ходить слухи о чудесахъ, о небесныхъ знаменіяхъ; многимъ являлись видѣнія. Въ станѣ русскихъ найденъ былъ таинственный свитокъ, въ которомъ было написано о видѣніи какого-то Григорія въ Нижнемъ-Новгородѣ, которому было открыто, что если по всей Россіи всѣ отъ мала до велика наложатъ на себя трехдневный постъ, то русская земля освободится отъ враговъ и Богъ чудеснымъ образомъ укажетъ кому быть царемъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ говорили о явленіи св. Сергія архимандриту Троицкой лавры Діонисію и его келарю Авраамію Палицыну. Въ Нижній пришла грамота изъ Троицкой лавры, въ которой архимандритъ Діонисій писалъ къ нижегородцамъ, увѣщавая ихъ не колебаться и крѣпко стоять за святое дѣло; грамота эта читалась во всѣхъ церквахъ и на городскихъ площадяхъ. Нижегородскія власти, выборные и духовенство собрались у воеводы на совѣщаніе, въ этомъ собраніи находился и знаменитый «говядарь» Мининъ, занимавшій должность посадскаго старосты. Среди бесѣды Мининъ внезапно всталъ и объявилъ о томъ, что нынче ночью ему въ сонномъ видѣніи являлся

---

[1]) «Видѣніе намъ извѣстно по нѣсколькимъ редакціямъ,—говоритъ А. С. Гацискій:—по «Лѣтописи о мятежахъ», изд. 1771 года, стр. 243, по, такъ сказать, очищенному изложенію П. Ф. Платонова «Древне-русскія сказанія и пов. о смут. врем. XVII в.», стр. 122, и, наконецъ, по изложенію отписки вычегодцевъ къ пермичамъ объ установленіи поста «по случаю бывшаго въ Н.-Новгородѣ и Владимірѣ откровенія благочестивымъ людямъ». См. «Дѣйст. Ниж. Губ. ук. Арх. Ком.», выпускъ 5 реферата А. С. Гацискаго, чит. на засѣд. 26 мая 1889 г.

св. Сергій [1]) и затѣмъ просилъ грамоту Троицкой лавры прочесть въ соборѣ. На другой день, рано утромъ, зазвонилъ колоколъ Преображенской колокольни, на этотъ разъ колоколъ этотъ возвѣщалъ не торжество Москвы, а призывалъ на спасеніе ея. Былъ будній день, жители всполошились, со страхомъ бросились въ кремль, ожидая скорѣе недоброй вѣсти, чѣмъ радостной; въ то время, когда вся площадь была покрыта народомъ, съ трепетомъ ожидавшимъ извѣстій изъ Москвы, внутри собора, надъ печально склоненными головами толпы раздавались, прерываемыя рыданіями, слова протопопа Саввы: «Увы намъ, господіе мои, чада и братія! увы намъ! Се бо пріидоша дни конечныя гибели; погибаетъ Московское государство и вѣра гибнетъ». «О, горе намъ! Увы намъ! — шептали рыдая въ толпѣ, — увы намъ!» Была прочитана грамота Троицкой лавры, всѣ плакали: горе намъ, Москва погибаетъ, гибнетъ государство! Тогда раздался голосъ Кузьмы Минина: «Буди намъ похотѣти помощи Московскому государству, ино намъ не пожалѣти животовъ нашихъ». Рыданія и стоны умолкли, всѣ въ мертвомъ молчаніи слушали его рѣчь. «Да не токмо достатковъ своихъ, — продолжалъ Мининъ, — и дворы свои продавати, и жены и дѣтей закладывати, и бити челомъ, чтобы кто вступился за истинную вѣру, и былъ у насъ началь-

Гробница Минина въ каѳедральномъ соборѣ.

---

[1]) Объ этомъ видѣніи изложено въ «Книгѣ о чудесахъ пр. Сергія, твореніи Симона Азарьина», см. также рефератъ А. С. Гацискаго «Дѣйств. Ниж. уч. Арх. Ком.», выпускъ 6, засѣд. 22 октября 1889 года.

никомъ. Дѣло великое! Мы совершимъ его, если Богъ поможетъ. И какая хвала будетъ намъ отъ всея земли» [1]). Сокрушенно

---

[1]) Неизвѣстно ни точныхъ словъ знаменитаго воззванія Минина ни мѣста, гдѣ онъ его произнесъ. Что касается текста воззванія, то должно сказать, что существуетъ нѣсколько его варіантовъ; лучшій изъ нихъ по простотѣ заключается въ «Нов. Лѣт.» и въ «Лѣт. о мятеж.», имъ пользуется К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («Русская исторія», X гл.), выдержку изъ этого варіанта приводимъ и мы.

Что касается мѣста воззванія, то прежде всего мы приведемъ здѣсь по поводу этого слова П. И. Мельникова («Ниж.-Нов.» и «Ниж.», которые приводитъ и А. С. Гацискій въ подсрочн. прим. къ «Ниж. Лѣт.», стр. 61): «Одни утверждаютъ,—говоритъ Мельниковъ,—что воззваніе Минина было на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ монументъ Пожарскому и Минину, другіе говорятъ, что это происходило на торгу, на Нижнемъ Посадѣ, третьи,—что это было на паперти Спасо-Преображенскаго собора. Ex cathedra слышали мы однажды (не въ Нижнемъ, однакоже), будто бы признательное потомство на томъ мѣстѣ, гдѣ благовѣстилъ Мининъ, соорудило храмъ Благовѣщенія. Фраза красивая, но не имѣющая одного только достоинства—истины: церковь Благовѣщенія, или св. Дмитрія Солунскаго, построена еще въ XIV столѣтіи; мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ памятникъ, въ XVII столѣтіи было застроено. Вѣроятнѣе всего, что воззваніе происходило на торгу, въ народномъ собраніи, ибо дѣло это было «народное». Но для чего же тогда Мининъ просилъ на собраніи у воеводы прочесть троицкую грамоту въ соборѣ? Очевидно, онъ заранѣе намѣренъ былъ тамъ же, въ соборѣ, и обратиться къ народу. Наконецъ, если онъ не имѣлъ такого заранѣе предвзятаго намѣренія, то, находясь въ соборѣ, во время чтенія грамоты, если онъ былъ дѣйствительно такой энтузіастъ, какимъ его представляютъ одни, онъ не могъ удержаться, чтобъ не обратиться тутъ же къ народу, подъ первымъ впечатлѣніемъ. Если онъ былъ хитрый расчетливый политикъ, какъ его изображаютъ другіе, онъ не могъ не воспользоваться моментомъ потрясающаго впечатлѣнія, произведеннаго рѣчью Саввы, когда вся толпа навзрыдъ плакала. Очень естественно, что эта самая рѣчь, сказанная подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, и была самая сильная, т.-е. та самая знаменитая рѣчь Минина, подлиннаго текста которой неизвѣстно и которая, по варіанту «Лѣт. о мят.», начиналась словами: «Буди намъ похотѣти». Храмцовскій держится того же мнѣнія, что и Мельниковъ, т.-е. что мѣстомъ воззванія нужно считать площадь на Нижнемъ Посадѣ, на торгу. «Куда же было и Минину итти,— говоритъ онъ,—какъ не на ту же площадь, гдѣ же, какъ не тамъ, могъ сказать онъ свои замѣчательныя слова». И дѣйствительно, куда же ему было итти, какъ не туда, куда каждый день сходился чуть не весь Нижній, онъ и шелъ туда, и бывалъ тамъ не одинъ разъ, вѣроятно, каждый день, по нѣскольку разъ въ день, онъ говорилъ тамъ съ народомъ, возбуждалъ въ толпѣ патріотизмъ. И гдѣ же, какъ не тамъ онъ долженъ былъ приступить къ сбору пожертвованій, хотя бы и потому, между прочимъ, что здѣсь, на торгу, постоянно толпился торговый людъ, денежный, сюда люди шли съ деньгами. Естественно, что, обращаясь къ громадной, обступившей его толпѣ

склоненныя головы гражданъ поднялись, глаза всѣхъ сверкали уже не слезами, а негодованіемъ и жаждой мести къ врагамъ. «На что намъ имѣнье, на что намъ дѣти и жены, когда погибаетъ вѣра Христова!» закричали въ толпѣ.

Послѣ того по всему Нижнему толпился народъ, собирались каждый день сходки; всего болѣе скоплялось народу на Нижнемъ посадѣ, на торгу; это всегда было самое людное мѣсто. То и дѣло появлялся среди народа Мининъ, продолжая свои увѣщанія, «что же намъ дальше дѣлать?» спрашивали его. «Ополчаться», коротко отвѣчалъ Кузьма. Когда же зашла рѣчь о томъ, откуда взять казны служилымъ людямъ, Мининъ обратился къ народу съ паперти церкви Николы на торгу: «я убогій съ товарищами своими, всѣхъ насъ 2.500 человѣкъ и денегъ у насъ въ сборѣ 1.700 руб., брали третью деньгу: у меня было 300 рублей и я 100 руб. въ сборныя деньги принесъ, тоже и вы всѣ сдѣлайте». «Быть такъ!» закричала толпа, и тутъ же начался сборъ.

Стали выбирать воеводу, который принялъ бы начальство надъ ополченіемъ нижегородскимъ; Мининъ указалъ на князя Пожарскаго, жившаго въ то время въ своемъ помѣстьѣ за Балахной, въ Жарской волости, въ с. Юринѣ [1]).

Отправлено было къ князю посольство: печерскій архимандритъ Ѳеодосій и дворянинъ Жданъ Болтинъ, а съ ними нижегородскіе посадскіе люди. По однимъ источникамъ Пожарскій тотчасъ же съ радостью согласился, по другимъ же долго отказывался, заставляя упрашивать себя «многожды», и, нако-

---

народа, Мининъ долженъ былъ избрать для себя возвышенное мѣсто, этимъ возвышеннымъ мѣстомъ здѣсь была паперть церкви «Николы на торгу». Но первое возвышеніе должно было имѣть мѣсто не здѣсь, а въ соборѣ или около собора.

[1]) По мнѣнію М. С. Погодина и Костомарова, въ Нижнемъ-Ландехѣ, нынѣшняго Гороховецкаго уѣзда, Владимірской губ., по мнѣнію И. Е. Забѣлина, въ с. Мугрѣевѣ, нынѣшняго Вязниковскаго уѣзда. Соловьевъ пишетъ: «Въ Суздальскомъ уѣздѣ». П. И. Мельниковъ («Нижній и нижегородцы въ Смутное время») предполагаетъ, что Пожарскій жилъ въ то время въ Юринѣ, что отчасти подтверждается однимъ документомъ, который, по словамъ А. С. Гацискаго, былъ пріобрѣтенъ Погодинымъ у нижегородскаго купца Балашева, гдѣ будто бы прямо указывается Юрино; это какой-то старинный сборникъ, о которомъ Гацискому сообщилъ Храмцовскій, не видавшій его, однако. Сборникъ этотъ, какъ говоритъ Гацискій (на 3 стр. прил. къ «Ниж. Лѣт.», стр. 45), былъ Погодинымъ пріобрѣтенъ для того, чтобы никому не попадался въ руки.

нецъ, далъ такой отвѣтъ: «скажите пославшимъ васъ, что я радъ за православную вѣру страдать до смерти, а вы изберите изъ посадскихъ людей такого человѣка, чтобъ могъ быть со мною у великаго дѣла, вѣдалъ бы казну на жалованіе ратнымъ людямъ»[1]).

Выборные затруднялись, не зная, на какомъ основаться, но Пожарскій поспѣшилъ указать Минина, какъ человѣка бывалаго, которому «такое дѣло за обычай».

Когда выборные вернулись изъ Юрина и разсказали обо всемъ, нижегородцы всѣмъ міромъ пришли просить Минина;召Мининъ тоже отказывался, но чѣмъ онъ упорнѣе отказывался, тѣмъ настойчивѣй просили его, наконецъ, онъ согласился, но съ условіемъ, чтобъ былъ подписанъ договоръ, въ которомъ нижегородцы обязывались бы вполнѣ повиноваться ему и Пожарскому, ни въ чемъ не противиться, давать деньги, а если денегъ не будетъ, то силою отбирать, не только «животы», но и женъ, и дѣтей въ кабалу отдавать, «чтобъ ратнымъ людямъ скудости не было». Договоръ былъ подписанъ, который Мининъ тотчасъ же отослалъ Пожарскому. Были назначены оцѣнщики всего имущества гражданъ, со стоимости котораго взималась третья часть. Круто повелъ дѣло Мининъ: кто не давалъ добровольно, у того отымали силой, бѣдняковъ отдавали въ кабалу; никто не смѣлъ пикнуть, какъ ранѣе не смѣлъ никто отказаться отъ подписи приговора. Еще Пожарскій былъ въ Юринѣ, какъ ополченіе уже собиралось въ Нижнемъ. Къ нижегородцамъ присоединились смоляне, вязмичи, дорогобужане, ярополчане. Нижній-Новгородъ снова сдѣлался сборнымъ мѣстомъ русскихъ воинскихъ силъ. Едва Пожарскій прибылъ въ Нижній, къ нему присоединились, одинъ за другимъ, князь Черкасскій, Лопата-Пожарскій, князь Хованскій, Прозоровскій, Гагаринъ, Левашевъ и Плещеевъ; стали снова сходиться отряды изъ разныхъ городовъ, присоединилась и часть казаковъ. Все уже было давно готово къ выступленію, но Пожарскій медлилъ, дожидаясь казанскихъ дружинъ, но казанцы не приходили; послѣ оказалось, что посланный туда Биркинъ, присоединился къ затѣянному тамошнимъ воеводой Шулькинымъ заговору въ пользу Заруцкаго и Марины. Въ февралѣ ополченіе двинулось изъ нижегородскаго кремля черезъ Тверскія (нынѣ Ивановскія) ворота; воиновъ провожала густая толпа народа. Пожарскій направился черезъ Балахну, Юрьевецъ, Решму, Кинешму,

[1]) Костомаровъ. «Смутное время», гл. III. «Московское разореніе».

Плесъ на Кострому, отсюда на Ярославль; здѣсь, по причинамъ, не вполнѣ выясненнымъ, Пожарскій пробылъ очень долго, не смотря на то, что изъ Москвы его постоянно торопили. Только 28-го іюля ополченіе двинулось далѣе, но, пройдя 26 верстъ, снова остановилось въ с. Шопнѣ, откуда Пожарскій ѣздилъ въ Суздаль (что побудило Пожарскаго сдѣлать эту остановку, тоже остается невыясненнымъ и объясняется единственно религіознымъ настроеніемъ князя, желавшаго поклониться праху своихъ предковъ). Только 14 августа ополченіе достигло стѣнъ Троицкой лавры, и отсюда черезъ 6 дней направилось, наконецъ, къ Москвѣ.

Стягъ князя Пожарскаго (лицевая сторона).

Стягъ князя Пожарскаго (обратная сторона).

Замѣчательно, что «Нижегородскій лѣтописецъ» обо всѣхъ этихъ событіяхъ говоритъ чрезвычайно коротко и съ какой-то холодностью; онъ говоритъ о прибытіи Дмитрія Михайловича Пожарскаго, да о выборѣ нижегородскими жителями Кузьмы Минина, «человѣка добраго» въ помощь Пожарскому, для сбора войска и денегъ. «И собравъ ратныхъ людей, — заключаетъ «лѣтописецъ»,—изъ Нижняго пошли къ Москвѣ для очищенія московскаго отъ Литвы и отъ злыхъ измѣнниковъ». Онъ говоритъ

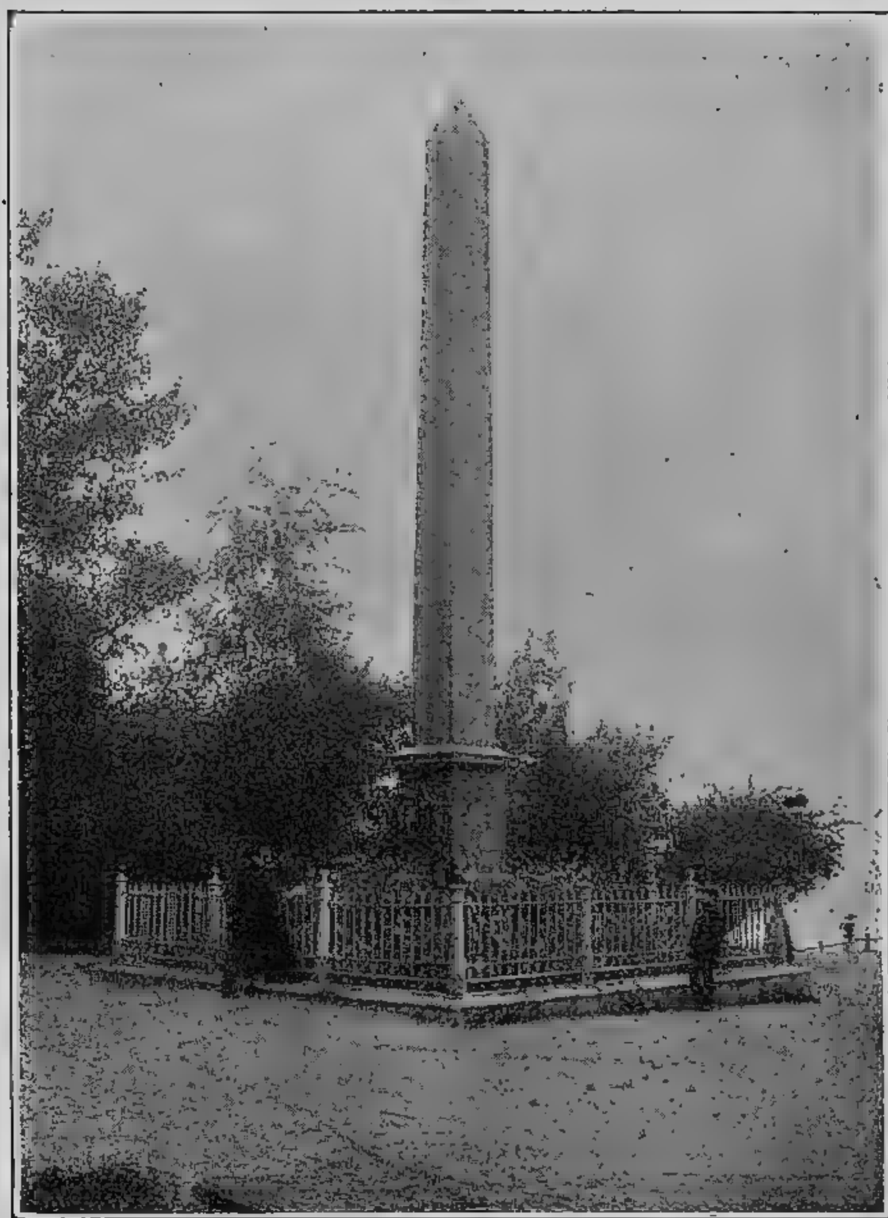
обо всемъ этомъ такъ, какъ будто шло дѣло о самомъ заурядномъ событіи; замѣчательно также, что въ извѣстіи «Нижегородскаго лѣтописца» роль Кузьмы Минина значительно умаляется. По «Нижегородскому лѣтописцу», справедливо замѣчаетъ А. С. Гацинскій въ одномъ изъ подстрочныхъ примѣчаній своихъ [1]), «выходитъ, какъ будто, дѣятельность «добра человѣка» («спасибо, хоть добра») вызвана только прибытіемъ въ Нижній князя Дмитрія Михайловича, какъ будто не Mининъ наталкиваетъ Пожарскаго на историческую роль, а Пожарскій—Минина, котораго князь нашелъ какъ-то случайно... Если бъ исторія знала только «Нижегородскаго лѣтописца», можно было бы подумать, что дойдя Пожарскій изъ Жаровъ только до Балахны, положимъ, онъ и тутъ нашелъ бы такого же «добраго человѣка», такъ какъ и въ Балахнѣ были земскіе старосты». Какъ на примѣръ крайняго невниманія къ Минину, тотъ же Гацискій указываетъ на то, что нѣкоторые переписчики лѣтописи путаютъ даже его имя, и вмѣсто Минина называютъ его Никитичемъ.

Не скоро, по окончаніи междуцарствія, водворилось спокойствіе на Руси; еще долго тамъ и сямъ бродили разрозненныя шайки мятежниковъ, — не было спокойно и на Волгѣ. Около Ярославля буйствовали казаки Заруцкаго, которые направились было къ Нижнему, но доходили только до Васильевой слободы. Грозила опасность и съ низовьевъ: ногайцы, въ количествѣ 20.000, приближались къ нижегородскимъ предѣламъ, они появились уже въ Посурьѣ, подступили къ Алатырю; въ то же время взбунтовалась мордва. Нижегородцы ждали неминуемой гибели и начали было уже выселяться изъ города. Вѣсть о восшествіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича остановила ногайцевъ; казаки, разбитые у Васильевой слободы княземъ Лыковымъ-Оболенскимъ, разбрелись по своему Поволжью, къ нимъ присоединились толпы бездомныхъ бродягъ, — начались сильные разбои по всей Волгѣ. Между тѣмъ отслуживъ въ послѣдній разъ великую службу русскому государству, Нижній-Новгородъ въ это время снова теряетъ всякое значеніе въ общегосударственной жизни; его лѣтопись становится скучнымъ перечнемъ мелочныхъ незначительныхъ происшествій, «лѣтописецъ Нижегородскій» изъ года въ годъ перечисляетъ лишь имена воеводъ да дьяковъ, изрѣдка повѣ-

---

[1]) См. подстрочное замѣчаніе къ «Нижегородскому лѣтописцу», къ стр. 55.

ствуетъ о построеніи церкви [1]) и лишь мѣстами останавливается на нѣкоторыхъ болѣе выдающихся событіяхъ, какъ, напримѣръ, подворная перепись, производившаяся въ теченіе 1621 и 1622 года, верстанье земель дворянскихъ. Перепись производили писцы Дмитрій Ладыгинъ и Василій Полтевъ, да дьякъ Дементій Образцовъ; для верстанья земель сначала былъ присланъ

Памятникъ Минину и Пожарскому въ Н.-Новгородѣ.

Лыковъ-Оболенскій, а затѣмъ князь Лобановъ-Ростовскій, да дьякъ Трескинъ. Изъ описи Ладыгина видно, что въ 1622 году въ Нижнемъ-Новгородѣ было 1300 дворовъ; городъ былъ укрѣ-

---

[1]) Изъ «Нижегородскаго лѣтописца» видно, что главнымъ строителемъ церквей въ Нижнемъ-Новгородѣ въ то время былъ нѣкій гость Симеонъ Задоринъ, богатый пермскій солепромышленникъ.

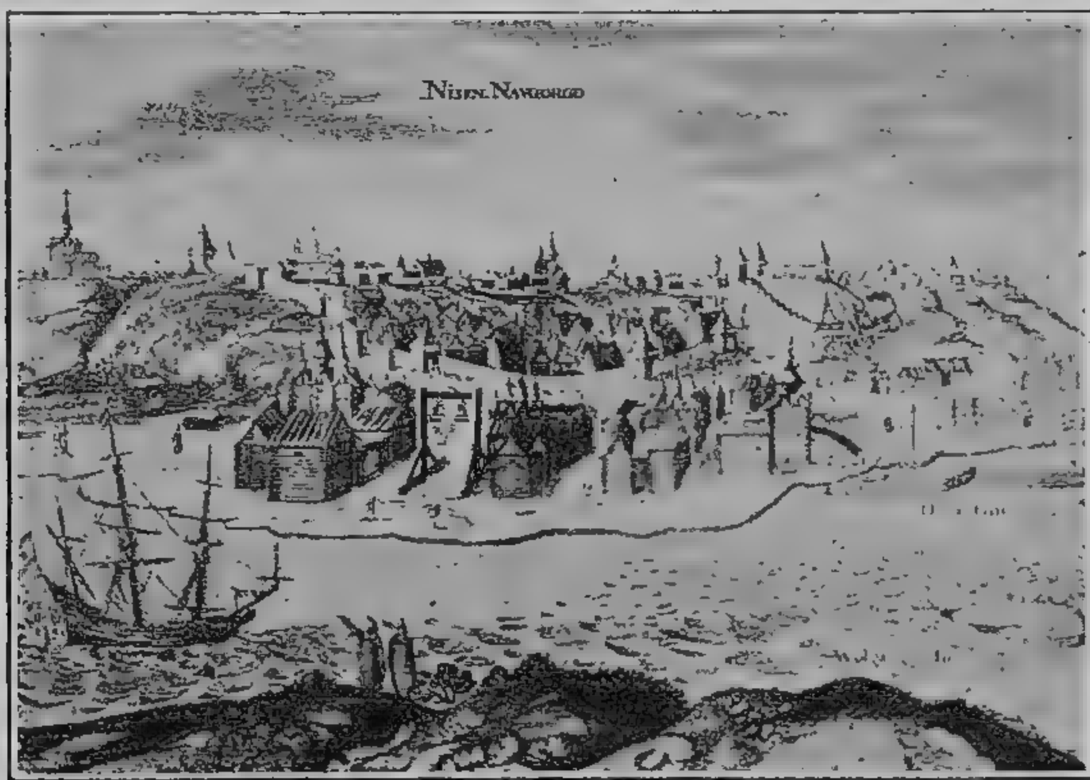
пленъ, кромѣ кремлевскихъ стѣнъ, рядами валовъ и двумя острогами. Было два каменныхъ собора и 23 деревянныхъ церкви, 8 монастырей, считая въ томъ числѣ и, стоявшіе тогда за городомъ, Благовѣщенскій и Печерскій. Всѣхъ жителей въ городѣ считалось 5.000. Кромѣ кремля, гдѣ жили дворяне, городъ былъ раздѣленъ на верхній и нижній посадъ и зарѣчную часть — Кунавину слободу; внѣ кремля жили посадскіе; иностранцы (литовцы и нѣмцы) жили преимущественно на Панскихъ буграхъ (нынѣ Откосъ) и въ Ясной слободѣ.

Время царствованія Михаила Ѳедоровича еще памятно въ мѣстной исторіи посѣщеніемъ Нижняго голштинскимъ посольствомъ на пути въ Персію черезъ предѣлы русскаго государства. Посольство прибыло сюда по Окѣ изъ Москвы 11 іюня 1636 года[1]). Въ это время въ устьѣ Оки, противъ Нижняго, достраивался предназначенный для путешественниковъ корабль «Фридрихъ»; строился онъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ, у Болихонской стрѣлицы, около теперешней Сибирской пристани, балахнинскими плотниками, подъ наблюденіемъ голштинскихъ мастеровъ. Построеніе «Фридриха» подало мысль русскому правительству заняться кораблестроеніемъ на Волгѣ. Думали построить цѣлую флотилію, но ограничились сооруженіемъ только одного корабля; его строили близъ с. Дѣднова, на Окѣ, русскіе плотники, подъ смотрѣніемъ иностранныхъ мастеровъ. Это первое морское судно, построенное въ Россіи, названо было «Орломъ», оно окончено было въ 1666 году.

Около этого времени разбои на Волгѣ стали принимать широкіе размѣры, — явленіе это было въ прямой зависимости отъ нѣкоторыхъ политическихъ причинъ: отъ ненормальнаго положенія преимущественно крестьянскаго населенія. Послѣ тяжелаго Смутнаго времени народъ, и безъ того разоренный, обременялся долгое время большими налогами. Много бродило по русской землѣ обнищавшихъ голытьбы безъ крова и безъ пріюта, много было недовольныхъ; къ этимъ, и безъ того тяжелымъ, обстоятельствамъ присоединилась еще новая тягота развивавшейся въ то время помѣщичьей власти; начались побѣги крестьянъ, побѣги эти особенно усилились въ половинѣ XVII в. Въ 1657 году въ разные города, для поимки бѣглыхъ, разосла-

[1]) Описаніе этого путешествія составлено секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ.

пы были сыщики [1]), приняты строгія мѣры, но ничто не помогло: побѣги увеличивались, росло недовольство, росли толпы безпріютнаго люда. Весь этотъ сбродъ стремился на Волгу, гдѣ было легко укрываться отъ розысковъ. Разбои наводили ужасъ на все Поволжье и начали распространяться по всей Россіи; черезъ 10 лѣтъ все это приняло характеръ открытаго бунта, начались грабежи среди бѣлаго дня, въ большихъ городахъ, даже на улицахъ Москвы [2]). Наконецъ во второй половинѣ XVII в. эти разоренныя шайки, грабившія повсюду, соедини-

Видъ Нижняго-Новгорода въ XVII вѣкѣ (по рисунку Адама Олеарія).

лись въ одну страшную массу подъ знаменемъ Стеньки Разина.

Шайки «воровскихъ людей богоотступника и зломысленника Стеньки», по словамъ «Нижегородскаго лѣтописца», стали появляться въ нижегородскихъ предѣлахъ въ 1670 году, сначала въ селѣ Богородскомъ, на Окѣ, близъ Лысенкова перевоза, и на Кудьмѣ—у Вѣтчакскаго; вскорѣ разинцы овладѣли Лысковымъ и Мурашкинымъ, въ Нижній были посланы двое лазутчиковъ съ «умильными письмами» (прокламаціями), въ которыхъ нижего-

---

[1]) Въ Нижній были присланы Дмитрій Ивановичъ Плещеевъ съ подьячимъ Григоріемъ Абрамовымъ.

[2]) 1668 г., во время масленицы, въ Москвѣ начался грабежъ. См. Костомаровъ «Бунтъ Стеньки Разина».

родцы призывались къ возстанію во имя какого-то царевича Нечая, Алексѣя Алексѣевича, но Нижній остался вѣренъ законной власти; лазутчики были схвачены и казнены по распоряженію воеводы Голохвастова. Вслѣдъ за этимъ ополченіе нижегородскихъ дворянъ выступило къ с. Богородскому; послѣ недолгой битвы Богородское и все Березополье было очищено отъ мятежниковъ, прогнаны были разинцы и отъ Вѣтчака и съ Лысенковскаго перевоза, но въ это время новыя шайки бунтовщиковъ, къ которымъ присоединились мурашкинцы, подступили къ Арзамасу; съ помощью нижегородцевъ и московскаго подкрѣпленія, арзамасскому воеводѣ Щербатову удалось разбить непріятеля, при чемъ множество было захвачено плѣнниковъ,—ихъ судили скорымъ судомъ и всѣхъ поголовно предали казни; весь Арзамасъ былъ окруженъ висѣлицами, его ближайшія окрестности, по словамъ одного очевидца [1]), представляли ужасающую картину: на висѣлицахъ болтались трупы казненныхъ, человѣкъ по сорока на каждой, валялись обезглавленныя тѣла, отсѣченныя головы, раздавались стоны посаженныхъ на колъ. Послѣ того Щербатовъ направился къ Мурашкину и Лыскову. Въ то время мятежники осаждали Макарьевскій монастырь. Перваго октября утромъ они расположились противъ монастыря за Волгой, на противоположной сторонѣ и ударили изъ пушекъ. Атаманъ Осиповъ послалъ къ настоятелю двухъ казаковъ съ письмами Разина, но послы были задержаны. Настоятель о. Пахомій отобралъ письма и послалъ ихъ въ Москву къ царю, съ особымъ гонцомъ,—другого гонца послалъ онъ въ Нижній къ Голохвастову, прося защиты. Между тѣмъ Осиповъ, не дождавшись возвращенія своихъ казаковъ, послалъ въ монастырь еще двоихъ посланныхъ, но и эти были задержаны. О. Пахомій подвергъ ихъ строгому допросу и показанія ихъ отослалъ въ Москву. Между тѣмъ Осиповъ дожидался своихъ посланныхъ, посланные не возвращались; раздраженные упорствомъ монаховъ, мятежники переправились черезъ Волгу, окружили монастырь съ трехъ сторонъ, къ стѣнамъ привалили бревна и зажгли ихъ. О. Пахомій и находившійся въ то время въ Макарьевскомъ монастырѣ сибирскій архіепископъ Симеонъ ободряли братію; взявъ икону преподобнаго Макарія, они обходили по стѣнамъ съ молебнымъ пѣніемъ, мятежники стрѣляли изъ пушекъ; стѣны монастыря готовы были рухнуть, но монастырь не сдался. Тогда Оси-

---

[1]) Костомаровъ. «Бунтъ Стеньки Разина».

повъ для переговоровъ послалъ въ монастырь мурашкинскаго попа Максима Давыдова: атаманъ обѣщалъ отступить и больше не возвращаться къ монастырю, если ему будутъ отпущены его казаки. Не желая раздражать буйную шайку, о. Пахомій, посовѣтовавшись съ братіей, отпустилъ казаковъ. Осиповъ началъ отступать, но, встрѣтивъ на противоположной сторонѣ Волги другую шайку бродягъ, снова внезапно воротился къ монастырю. Тогда всѣ иноки бѣжали въ окрестные лѣса; видя неминуемую гибель, удалился и о. Пахомій; остались только сибирскій архіепископъ Симеонъ да монастырскій ключарь, рѣшившіеся лучше умереть, нежели покинуть св. обитель. Мятежники ворвались и начали грабить, но въ это время пронесся слухъ, что московскій отрядъ, подъ начальствомъ кн. Щербатова, двинулся къ Лыскову; это спасло монастырь: мятежники, между которыми большая часть была лысковцевъ, бросились защищать свои жилища.

Мятежъ въ предѣлахъ нижегородскихъ вслѣдъ за тѣмъ вскорѣ окончательно былъ подавленъ. Казнь Разина усмирила открытое возстаніе, но броженіе безпокойныхъ умовъ продолжалось. Въ то время когда на Волгѣ неистовствовала шайка всякаго сброда, подъ начальствомъ донского казака, въ самой Москвѣ подымалось волненіе другого рода, — началось раскольничье движеніе, во главѣ котораго стояли люди, принадлежащіе къ интеллигентному классу. Если движеніе «понизовой вольницы» было дѣломъ низшихъ слоевъ тогдашняго общества, то начало возникновенія раскола, наоборотъ, обязано одному изъ первенствующихъ сословій, высшему духовенству, — сословію, игравшему тогда важную роль въ государствѣ; первыми пропагандистами раскола, какъ извѣстно, были представители духовной іерархіи [1]), первыми ихъ адептами—представители высшей аристократіи [2]) въ Москвѣ. Точно такъ же и насадителями раскола въ разныхъ углахъ Россіи были первоначально люди тѣхъ же высшихъ сословій [3]). Но

[1]) Главные архимандритъ Аввакумъ, нижегородецъ, уроженецъ с. Григорова, нынѣ Княгининскаго уѣзда, попы Лазарь, Никита и др. Изъ епископовъ особенно Павелъ Котенскій (который до епископства былъ долгое время священникомъ въ с. Колычевѣ, нынѣ Макарьевскаго уѣзда, Нижег. губ.). Кстати вспомнимъ, что и самъ Никонъ патріархъ былъ тоже уроженецъ нижегородскій, с. Вальдеманова, Княгининскаго уѣзда.

[2]) Боярыня Морозова (Феодосія Прокофьевна), княгиня Урусова, Стрешневъ и др.

[3]) Напр., Салтыковъ, Шуйскій, Потемкинъ, впослѣдствіи князья Мышицкіе и др.

раскольничья пропаганда вызвала горячія симпатіи въ средѣ народныхъ массъ и почти въ самомъ началѣ стала дѣломъ народнымъ.

Расколъ въ нижегородскомъ Поволжьѣ впервые появился на Бору, въ Безводномъ, Работкахъ, Мурашкинѣ [1]), но главнѣйшій центръ раскола образовался вскорѣ за Волгой, въ лѣсахъ керженскихъ и чернораменскихъ. Первыми поселенцами, среди глухихъ дремучихъ лѣсовъ на Керженцѣ, были бѣглый монахъ Смоленскаго Бюзюкова монастыря, Сергѣй Салтыковъ и Ефремъ Потемкинъ, ими былъ основанъ здѣсь первый раскольничій скитъ въ 1657 году; урочище, гдѣ былъ когда-то этотъ скитъ (близъ дер. Ларіоновой, Семеновскаго уѣзда), и до сихъ поръ называется Смолянами; преемникомъ Салтыкова былъ Діонисій Шуйскій, могила котораго и до сихъ поръ почитается раскольниками. При немъ Керженецъ пріобрѣлъ важное значеніе своего рода митрополіи всей поповщины. Сюда стали стекаться раскольники со всѣхъ концовъ тогдашней Россіи и изъ зарубежья, не только вся поповщина, но и безпоповцы; къ этому времени нужно отнести особенное развитіе керженскихъ скитовъ. Среди лѣсныхъ чащъ, тамъ и сямъ начали появляться новыя обители, сюда бѣжали съ Поморья и изъ Соловецкаго монастыря. Изъ числа этихъ бѣглецовъ соловецкихъ, довольно важную роль играютъ въ исторіи мѣстнаго раскола Софонтій и Онуфрій, основатели двухъ толковъ—софонтьевщины и онуфріевщины—и старецъ Арсеній, основатель Шарпанскаго скита (уничтоженнаго въ 1849 г.); Арсеній, по преданью, пришелъ изъ Поморья, слѣдуя за иконой, несшейся передъ нимъ по небу; эта икона остановилась на Керженцѣ, гдѣ и былъ имъ основанъ скитъ [2]). Послѣ смерти Діонисія въ 1690 г., на Керженецъ являются двое новыхъ пришельцевъ,—черный попъ Ѳеодосій, бѣжавшій изъ бѣлозерскаго заточенія, и пошехонскій дворянинъ Ѳеодоръ Яковлевичъ Токмачевъ. Ѳеодосій былъ достойнымъ продолжателемъ Шуйскаго: при немъ Керженецъ достигъ апогея своей славы. Ѳеодосій смѣло велъ пропаганду старообрядчества и продолжалъ, подобно своему предшественнику, привлекать къ себѣ цѣлыя толпы бѣглецовъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе властей; начались розыски, его сотрудникъ въ дѣлѣ пропаганды

---

[1]) См. «Истор. оч. поповщины» П. И. Мельникова. «Въ лѣсахъ» Андрея Печерскаго.

[2]) См. Храмцовскій, «Краткій очеркъ исторіи и описаніе Нижняго Новгорода», стр. 91.

Токмачевъ былъ схваченъ, скитъ уничтоженъ. Ѳеодосію удалось спастись бѣгствомъ, онъ ушелъ на Вѣтку [1]), а Токмачевъ поплатился жизнью, онъ былъ казненъ [2]).

Съ появленіемъ раскола въ нижегородскихъ предѣлахъ тѣсно связано учрежденіе нижегородской епархіи. Нужно замѣтить, что съ самаго основанія своего Нижній-Новгородъ и земля низовская, не составлявшая отдѣльной епархіи, зависѣли въ дѣлахъ духовныхъ сначала отъ владиміро-суздальскаго епископа, затѣмъ епископы, въ вѣдѣніи которыхъ находился нижегородскій край,

Рѣка Керженецъ въ лѣсахъ Заволжскихъ.

назывались суздальско-нижегородскими; съ конца XIV столѣтія Нижній зависитъ отъ московскихъ митрополитовъ и затѣмъ со времени патріарха Филарета Никитича, съ 1625 года, отъ московскихъ патріарховъ. Первая попытка учредить отдѣльную нижегородскую епархію принадлежала еще великому князю нижегородскому Андрею Константиновичу, который, съ цѣлью возвысить значеніе новой столицы княжества, переселилъ въ Нижній изъ

[1]) Вѣтка—нынѣ Могилевской губ.

[2]) «Истор. оч. поповщины» П. И. Мельникова.

Суздаля епископа Алексѣя, но попытка эта не удалась: вскорѣ послѣ смерти Андрея Алексѣй, по повелѣнію московскаго митрополита Алексѣя, былъ снова перемѣщенъ въ Суздаль. Въ царствованіе Θеодора Ивановича, при учрежденіи патріаршества, на 28 московскомъ соборѣ въ 1589 году, было рѣшено учредить въ Россіи четыре митрополіи, шесть архіепископствъ и восемь епископій; въ числѣ шести архіепископствъ было рѣшено учредить и отдѣльную нижегородскую епархію. Почему не приведено было въ исполненіе постановленіе 28 собора, неизвѣстно. Наконецъ во время начавшагося сильнаго распространенія раскола, въ предѣлахъ низовской земли, въ 50-хъ годахъ XVII столѣтія, царь Алексѣй Михайловичъ «всеусердно поболѣ о семъ» рѣшилъ, «яко не лѣпо Богоспасаемому Нижнему Нову-граду съ окрестными грады и весьма, занеже есть многолюденъ, красотою же и всякимъ довольствомъ паче иныхъ градовъ преизобилующъ, быти безъ архіерея» [1]), послѣ чего на соборѣ 1667 года, созванномъ, какъ извѣстно, для суда надъ патріархомъ Никономъ, снова былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи нижегородской епархіи. Была разсмотрѣна грамота соборнаго постановленія 1589 года, но почему-то опять объ учрежденіи нижегородской епархіи не послѣдовало окончательнаго рѣшенія. Между тѣмъ расколъ въ нижегородскихъ предѣлахъ увеличивался съ каждымъ годомъ; въ закудьмскомъ станѣ, по словамъ «Нижегородскаго лѣтописца», явилась дикая секта самосожигателей: «многіе прельстишеся съ женами и дѣтьми на овинахъ пожигошеся», говоритъ онъ; въ Заволжьѣ появились морильщики, обрекавшіе себя на голодную смерть; гробополагатели, которые, лежа въ заранѣе приготовленныхъ гробахъ, дожидались кончины міра, архангельскаго трубнаго гласа [2]). Это страшное распространеніе раскола вокругъ Нижняго, появленіе многихъ такъ называемыхъ вредныхъ сектъ побудило, наконецъ, правительство окончательно рѣшить вопросъ объ учре-

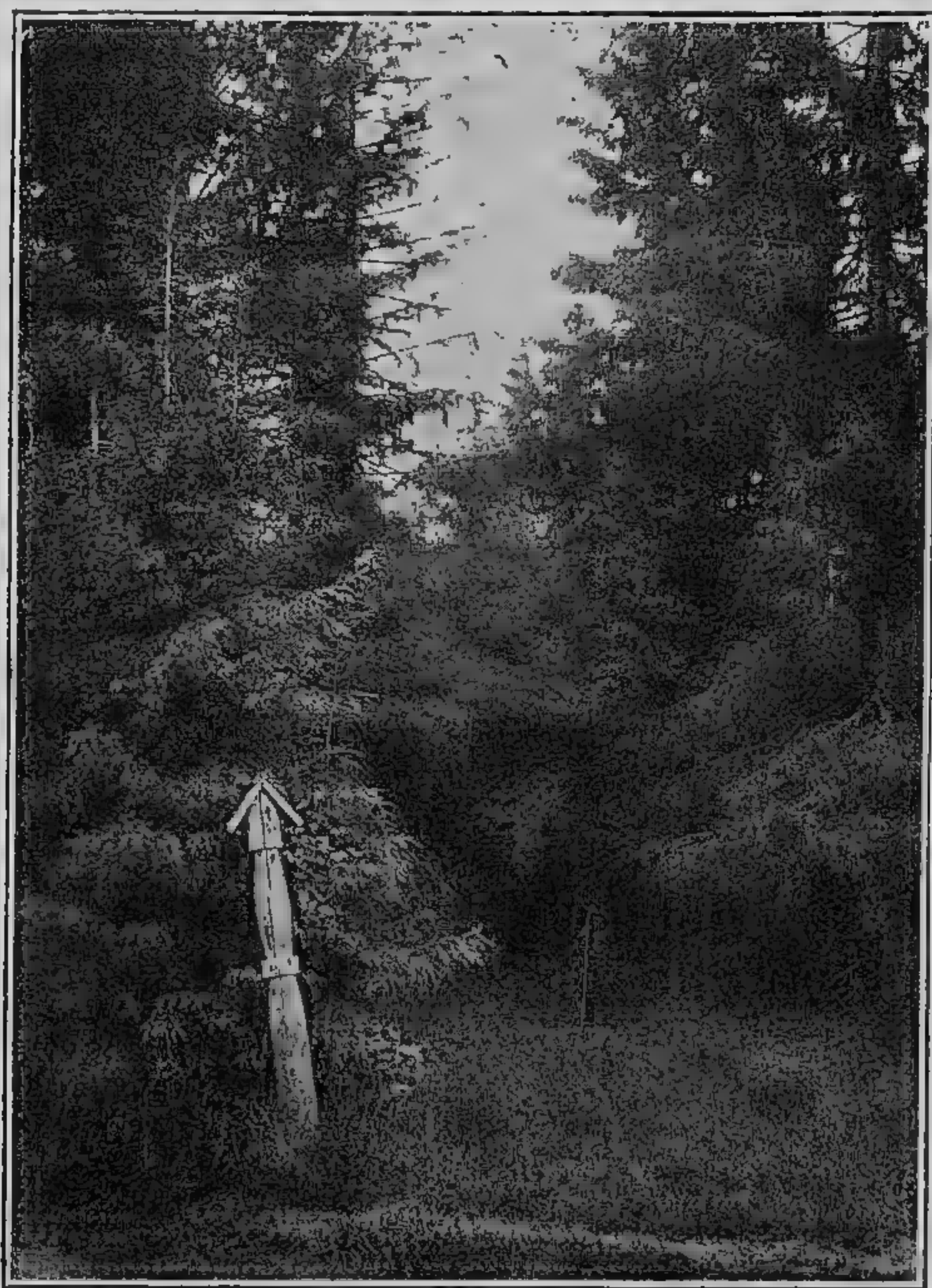
---

[1]) См. «Исторія нижегородской іерархіи» архимандрита Макарія, изд. 1857 г., стр. 4.

[2]) П. И. Мельниковъ въ своихъ «Истор. оч. поповщины» приводитъ пѣснь гробополагателей, которую они, лежа въ гробу, припѣвали; она начинается такъ:

Гробъ древянъ сосновый
Для меня основанъ.
Буду въ немъ лежати,
Трубна гласа ждати и т. д.

жденіи нижегородской епархіи; собрался въ Москвѣ новый соборъ въ 1672 году, но замѣчательно, что и на этомъ соборѣ духовныя власти почему-то долго колебались рѣшить вопросъ утвердительно и только послѣ долгаго обсужденія, наконецъ, постановлено было «въ великомъ княженіи низовской земли

Въ лѣсахъ Заволжья, дорога къ могилѣ Софонтія.

архіерею быти». Въ архіепископы нижегородскіе выбранъ былъ нижегородскій уроженецъ, архимандритъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря, Филаретъ. Это произошло 24 апрѣля 1672 года. Такимъ образомъ была учреждена нижегородская епархія. Пастыри новой епархіи, до конца прошлаго столѣтія, именовались нижегородскими, затѣмъ нижегородскими и алатыр-

скими и только съ конца 1799 года стали именоваться по-нынѣшнему нижегородскими и арзамасскими [1]).

Однако учрежденіе нижегородской епархіи на первыхъ порахъ оказывало мало вліянія, расколъ нисколько не уменьшался. Первые епископы нижегородскіе были люди мало энергичные, больше заботившіеся о благолѣпіи церковномъ, а одинъ изъ нихъ, именно Исаія, былъ даже заподозрѣнъ въ потворствѣ расколу, за что и сосланъ въ Бѣлозерскій монастырь въ заточеніе. Такъ шло дѣло вплоть до Петра Великаго, когда этимъ государемъ были приняты рѣшительныя мѣры къ искорененію раскольническихъ заблужденій и въ Нижнемъ рьянымъ сподвижникомъ царя явился епископъ Питиримъ.

ГЛАВА IV.

Отъ учрежденія нижегородской епархіи до нашего времени.

Покореніе Казани и присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ всего Поволжья силою оружія еще не могло считаться дѣломъ завершоннымъ. Самому покорителю и цѣлому ряду его вѣнценосныхъ потомковъ предстояло не мало заботъ по умиренію покореннаго края. То тамъ, то здѣсь вспыхивали возстанія. Главнымъ образомъ, русскія окраины еще долго терпѣли отъ набѣговъ крымцевъ.

Въ 1695 году былъ объявленъ походъ противъ крымскихъ татаръ. Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ, еще во время правленія Софьи Алексѣевны, Петръ Великій рѣшился, во что бы то ни стало, обезпечить южныя окраины Россіи отъ постоянныхъ набѣговъ безпокойныхъ сосѣдей, кромѣ того, въ замыслахъ его было овладѣть берегами Азовскаго моря. Ранней весной изъ Москвы двинулось войско, въ количествѣ 120 т. человѣкъ, подъ командою Бориса Шереметьева, къ устью Днѣпра; другая же часть войска, въ числѣ 31.000, двинулась къ Азову, подъ начальствомъ Головина, Лефорта и Гордона. Гордонъ съ передовымъ отрядомъ отправился сухимъ путемъ изъ Тамбова на Усть-Хоперскъ и Черкасы, остальное же войско, въ сопровожденіи самого царя, сѣвши на струги, 30 апрѣля двинулось изъ Москвы

[1]) См. «Исторію нижегородской іерархіи» архимандрита Макарія, стр. 8.

Москвой-рѣкой, Окою и Волгой на Царицынъ; въ этомъ отрядѣ ротою бомбардировъ командовалъ самъ государь, называвшій себя бомбардиромъ Петромъ Алексѣевичемъ. 16 мая войско достигло Нижняго-Новгорода. Это былъ первый серьезный походъ Петра послѣ цѣлаго ряда «потѣхъ», примѣрныхъ сраженій. «Шутили подъ Кожуховымъ,—писалъ Петръ изъ Нижняго къ Апраксину,— а теперь подъ Азовъ играть идемъ». Путь Петра до Нижняго не обошелся безъ нѣкоторыхъ препятствій, — суда оказались очень плохо устроены, многія изъ нихъ насилу двигались; на Окѣ, въ с. Дѣдновѣ и Муромѣ произошли большія задержки, вслѣд-

Домъ, гдѣ останавливался Петръ Великій въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1695 году.

ствіе сильныхъ вѣтровъ, кромѣ того, и самая команда судовъ оказалась неопытною, про которую Петръ писалъ съ дороги Ромодановскому: «именемъ слывутъ мастерами, а дѣла отъ нихъ, что земля отъ неба».

Въ Нижнемъ Петръ рѣшилъ остановиться для того, чтобы приготовиться къ дальнѣйшему пути. На Волгѣ дули сильные вѣтры, при необычайно большомъ весеннемъ разливѣ; было опасно продолжать путь на маленькихъ, неуклюжихъ коломенкахъ; Петръ велѣлъ перегрузить артиллерію на большія волжскія суда. Эта перегрузка и остальныя приготовленія про-

должались около недѣли, за всѣмъ Петръ наблюдалъ самъ. Въ этотъ пріѣздъ онъ остановился на Почайнѣ, въ домѣ Чатыгина, нынѣ принадлежащемъ рѣчному училищу. 23 мая государь двинулся въ дальнѣйшій путь.

Время царствованія Петра Великаго и его преемниковъ въ нижегородской исторіи отмѣчено борьбой съ расколомъ и распространеніемъ христіанства между инородцами-язычниками.

Расколъ, въ предѣлахъ нижегородскаго Поволжья, особенно усилился къ концу XVII столѣтія. Среди разныхъ толковъ и согласій, на Керженцѣ появился въ это время новый толкъ дьяконовцевъ или кадильщиковъ; основателемъ его былъ нѣкто Александръ-дьяконъ. Ученіе Александра было такъ же наивно и касалось такихъ же пустыхъ обрядностей, какъ и вообще все, на чемъ и до сей поры зиждется старообрядчество, но на взглядъ раскольниковъ все это казалось весьма важнымъ; Александръ-дьяконъ, главнымъ образомъ, училъ, что для перехода «никоніанскаго» священника въ старообрядческую «церковь» не нужно не перекрещиваться по старому обряду, какъ это дѣлалось у раскольниковъ раньше и что называлось принятіемъ «первымъ чиномъ», не перемазываться миромъ, какъ дѣлалось впослѣдствіи (второй чинъ), а что достаточно одной «исправы», т.-е. отреченія отъ никоновыхъ преданій и произнесенія проклятія на «еретическія нововводства» (третій чинъ). Кромѣ того, онъ въ отличіе отъ другихъ керженскихъ толковъ, какъ и большинство старообрядцевъ, признававшихъ только восьмиконечный трисоставный крестъ, не отвергалъ и четырехконечнаго двусоставнаго; допускалъ онъ такъ же поклоненіе иконамъ новаго письма, нѣкоторое измѣненіе въ чтеніи молитвъ и т. п. Кадильщиками называли послѣдователей ученія Александра потому, что при богослуженіи у нихъ былъ принятъ особый пріемъ кажденія — крестообразно на четыре стороны. Толкъ этотъ сильно распространялся за Волгой и отличался особеннымъ фанатизмомъ. Главнымъ послѣдователемъ и подручникомъ Александра, въ дѣлѣ пропаганды, былъ нѣкій старецъ Варсонофій. Были въ Заволжьѣ и другіе ярые пропагандисты раскола, имѣвшіе громадное вліяніе на народъ, какъ, напримѣръ, старецъ Авраамій Ивановъ, юродствующій Василій, по прозванію Пчелка. Между раскольниками ходили разные нелѣпые слухи: разсказывали, что по всѣмъ явственнымъ признакамъ наступаютъ послѣднія времена, уже народился и антихристъ и этотъ антихристъ не кто иной, какъ

самъ Петръ Великій, который вовсе не сынъ благочестиваго царя Алексѣя Михайловича, а жидовинъ-еврей, изъ колѣна Данова[1]). Замѣчательно, что раскольники начинаютъ преслѣдовать своей ненавистью Петра Великаго съ самаго ранняго его дѣтства, какъ будто предчувствуютъ въ немъ своего будущаго неумолимаго гонителя; съ самыхъ юныхъ лѣтъ и Петръ привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на враговъ всякаго порядка; еще будучи десяти лѣтъ отроду, во время извѣстнаго раскольничьяго бунта, 5 іюня

Видъ Нижняго-Новгорода временъ Петра Великаго (рисунокъ Корнелія Де-Бруиже).

1682 года, когда, подъ предводительствомъ разстриги Никиты Пустосвята, ворвались они въ Грановитую палату, Петръ воскликнулъ: «Пока вѣнецъ на главѣ моей и душа въ тѣлѣ моемъ пребудетъ, не попущу невѣждъ на церковь воевати». И Петръ не забылъ событія, поразившаго его въ дѣтствѣ; всѣми мѣрами старался онъ искоренять расколъ. Тотчасъ послѣ Полтавской побѣды, Петръ принялся за дѣла раскольничьи, однако слишкомъ крутыхъ мѣръ онъ не желалъ принимать. Зная, съ

1) Отъ колѣна Данова долженъ произойти антихристъ.

одной стороны, что прежняя гонительная система нисколько не способствовала уничтоженію раскола, а, напротивъ, еще болѣе усиливала и ожесточала въ немъ врага, съ другой стороны, не считая себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла личной совѣсти своихъ подданныхъ, онъ не желалъ подымать преслѣдованія за религіозныя убѣжденія; въ то же время онъ не могъ попустить распространенія дикихъ заблужденій. «Господь далъ царямъ власть надъ народомъ,—говорилъ онъ,—а надъ совѣстью людей воленъ одинъ Христосъ». Онъ рѣшился дѣйствовать по возможности силою убѣжденія. Для керженскихъ раскольниковъ онъ нашелъ способнаго къ тому человѣка, въ лицѣ игумена Переяславскаго монастыря, Питирима, уроженца нижегородскаго и притомъ бывшаго раскольника, а потому знавшаго отлично всю подноготную раскольничьяго быта. Въ это время расколъ въ Заволжьѣ до такой степени распространился, что въ одномъ Балахнинскомъ [1]) и Юрьевецкомъ [2]) уѣздахъ считалось 46 тысячъ раскольниковъ. Керженецъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ притоновъ раскола. Митрополитомъ нижегородскимъ тогда былъ Сильвестръ изъ рода Волынскихъ. Питиримъ былъ отправленъ въ Нижній, въ помощь ему данъ гвардіи капитанъ Юрій Ржевскій, сдѣланный вскорѣ, по просьбѣ Питирима, нижегородскимъ вице-губернаторомъ. Предвидя, что однѣми мѣрами кротости нельзя будетъ обойтись, не желая, однако, связывать со своимъ именемъ славу гонителя за расколъ, Петръ писалъ въ инструкціи къ Ржевскому: «буди возможно явную вину сыскать, кромѣ раскола, такихъ съ наказаніемъ и вырѣзаніемъ ноздрей сослать на галеры, а буди нѣтъ причины явной поступать съ ними по словесному указу». Такимъ образомъ предписывалась крайняя осторожность въ обращеніи съ раскольниками; чтобы дѣйствія Питирима и Ржевскаго, по возможности, не носили характера преслѣдованія собственно за расколъ, рекомендовалось отыскивать къ наказанію какіе-нибудь другіе предлоги—«явную вину, кромѣ раскола». Въ 1748 г. Ржевскій доносилъ царю, что за неповиновеніе властямъ и непокорность даже царскому указу, относительно платежа окладовъ, бито кнутомъ было и съ вынутіемъ ноздрей сослано въ каторжную работу «необратныхъ и замерзѣлыхъ рас-

---

[1]) Въ составъ Балахнинскаго уѣзда тогда входилъ и теперешній Семеновскій уѣздъ.

[2]) Юрьевецкій уѣздъ принадлежалъ тогда къ Нижегородской области.

кольщиковъ» 23 человѣка, а въ томъ числѣ «необратногожъ раскольщика Василья Пчелку», да женскаго пола 46 человѣкъ разослано по дѣвичьимъ монастырямъ. Въ то же время Питиримъ доносилъ, что обратилось отъ раскола 3.000 человѣкъ, которые теперь крестятся тремя перстами, обратившихся же не совсѣмъ, т.-е. придерживающихся двуперстія, онъ обложилъ половиннымъ окладомъ «противъ замерзѣлыхъ». Многіе же, не хотя платить

Планъ Нижняго-Новгорода конца XVIII вѣка.

денегъ за расколъ, убѣгали на Усту[1]), которыхъ слѣдуетъ, писалъ онъ, водворить на прежнее мѣстожительство.

Въ числѣ схваченныхъ и сосланныхъ въ каторгу въ С.-Петербургѣ былъ и старецъ Авраамій, главный вожакъ керженскаго раскола.

[1]) Рѣка Уста впадаетъ въ р. Ветлугу (притокъ Волги), въ предѣлахъ нынѣшняго Макарьевскаго уѣзда, Ниж. губ., противъ дер. Площанихи, въ 1 вер. выше с. Воскресенскаго. Здѣсь въ свое время образовался новый центръ раскола—уренскіе скиты, близъ села Уреня, нынѣ Костромской г., Варнавинскаго уѣзда; этихъ скитовъ теперь не существуетъ.

Въ своемъ донесеніи Питиримъ совѣтовалъ царю принять мѣры строгости, самъ же хотѣлъ казаться въ сторонѣ отъ этого.

Вскорѣ митрополитъ Сильвестръ былъ переведенъ съ нижегородской каѳедры въ Смоленскъ и его мѣсто занялъ Питиримъ, въ санѣ, однако, не митрополита, а только архіепископа. Противураскольничья пропаганда Питирима началась еще въ 1716 году написаніемъ 130 вопросовъ, посланныхъ на Керженецъ послѣдователямъ дьяконова толка, во главѣ котораго, кромѣ дьякона Александра, стояли старецъ Варсонофій, Герасимъ и Іосифъ. Питиримъ требовалъ отвѣтовъ, вмѣсто отвѣтовъ раскольники прислали ему своихъ 240 вопросовъ; Питиримъ написалъ на нихъ отвѣты, которые впослѣдствіи были напечатаны и составили собою книгу, такъ называемую «Пращицу». Написавъ свои отвѣты, Питиримъ ихъ не давалъ въ руки раскольникамъ, а требовалъ сначала отвѣтовъ на свои вопросы; дьяконовцы медлили; сдѣлавшись главой епархіи, Питиримъ повторилъ свои требованія съ большей настойчивостью, керженцы продолжали увертываться; Питиримъ настаивалъ на своемъ требованіи, между тѣмъ керженскіе старцы чувствовали себя не въ силахъ состязаться съ Питиримомъ. Не отвѣчать было нельзя, отвѣчать же... съ одной стороны, они не находили отвѣтовъ, съ другой, зная непреклонный и далеко не мягкій нравъ епископа, искренніе отвѣты дать боялись, опасаясь навлечь на себя бѣду. Этотъ страхъ раскольниковъ передъ грознымъ епископомъ сказывается отчасти и въ самыхъ, въ концѣ-концовъ все-таки вынужденныхъ отъ нихъ, отвѣтахъ: «молимъ воззрѣти на убогіе ны,— обращается авторъ «отвѣтовъ» отъ имени керженскихъ старцевъ къ Питириму,— негонительно, но отечески, не по аріанскому немилостивому нраву, несогласующія имъ мучившихъ, не по иконоборцевъ мучительному, не по пажески гонительному, но по подобію свѣтлѣйшаго Евангелія» и т. д. Страхъ этотъ виденъ и въ томъ трепетѣ, съ которымъ, уже врučивши отвѣты свои, падая ницъ передъ Питиримомъ, они просятъ его въ своемъ, заранѣе приготовленномъ, посланіи: «Остави намъ таковое наше погрѣшеніе и прости насъ безъ истязанія». На уступчивость Питирима, очевидно, разсчитывать было нечего. И вотъ, не чувствуя себя въ силахъ отвѣчать Питириму, керженцы обратились за помощью. Жилъ въ то время въ Поморьѣ, въ лѣсахъ олонецкихъ, въ Выгорѣцкомъ скитѣ «Поморской церкви знаменитый членъ, мужъ ученѣйшій, высокихъ талантовъ, твер-

даго духа и дивной памяти... первый образователь Выгорѣцкой киновіи и украситель церковнаго благолѣпія, славный писатель»[1]) Андрей Денисовъ, изъ рода князей Мышецкихъ; это былъ человѣкъ болѣе чѣмъ образованный по тогдашнему времени, къ нему-то дьяконовцы и рѣшились обратиться за помощью, только онъ, посвятившій не мало лѣтъ на изученіе догматовъ православія, изучившій до тонкости всѣ отличія раскольничьихъ толковъ отъ ученія истинной церкви, могъ состязаться съ Питиримомъ, тоже глубокимъ знатокомъ и право-

Виды Нижняго-Новгорода, часть разрушенной стѣны нижегородскаго кремля.

славія и раскола. Послѣ долгихъ убѣжденій, безпоповецъ Денисовъ взялся написать отвѣты на Питиримовы вопросы въ защиту поповщины, съ этими-то отвѣтами, проникнутыми ядомъ тонкой ироніи, явились керженскіе старцы къ Питириму въ концѣ сентября 1719 года. Написанные Денисовымъ отвѣты блещутъ остроуміемъ и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ слабыхъ мѣстъ, обличаютъ въ немъ необыкновенную ловкость и умѣнье разрѣшать, а подчасъ и искусно обходить всякія затрудненія, или, какъ онъ самъ выражается въ заключительной статьѣ

1) «Каталогъ Павла Любопытнаго».

отвѣта на четвертый вопросъ, «мели и завороты, и подводное каменье хитросплетенныхъ вопросовъ». Все рукописанiе Андрея Денисова дышитъ тонкимъ ядомъ сдержанной иронiи. Нѣкоторыя мѣста, какъ, напримѣръ, статья «о новообъявленномъ дѣянiи соборномъ», обличаютъ въ немъ довольно обширныя знанiя не въ одной церковной догматикѣ. Однако, какъ уже мы сказали, въ «отвѣтахъ» встрѣчаются и весьма слабыя мѣста, гдѣ авторъ пишетъ какъ бы нехотя, отдѣлываясь нѣсколькими фразами и даже, говоря отъ имени керженскихъ старцевъ, просто ссылается на незнанiе. «Гдѣ жъ де намъ знать, было де не при насъ и мы де не были при этомъ». Въ такомъ родѣ, напримѣръ, отвѣтъ на нѣсколько вопросовъ второй части, касающихся освященiя церкви на Вѣткѣ. Андрею Денисову, какъ поморцу, приходилось нерѣдко встрѣчаться съ такими вопросами, искреннiй отвѣтъ его на которые могъ бы оказаться противорѣчащимъ ученiю поповцевъ; въ этихъ-то случаяхъ отвѣты его и отличаются отсутствiемъ той пламенной энергiи, которой отличается вся рукопись; въ этихъ-то случаяхъ онъ и спѣшитъ какъ-нибудь отдѣлаться двумя-тремя словами. Питиримъ назначилъ всѣмъ старцамъ собраться 1 октября, въ день Покрова Пресвятой Богородицы, въ с. Пафнутовѣ, нынѣ Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губернiи, для диспута, гдѣ и обѣщалъ всенародно вручить имъ свои отвѣты; это былъ роковой день для всего Керженца. Долгое время единственнымъ источникомъ свѣдѣнiй о знаменитомъ пафнутовскомъ диспутѣ было «объявленiе» Питирима. Такъ, напримѣръ, въ «Исторiи нижегородской iерархiи» архимандритъ Макарiй, пользуясь этимъ источникомъ, изображаетъ диспутъ пафнутовскiй, какъ посрамленiе раскольниковъ, которые, падая ницъ передъ епископомъ, не находя, что отвѣчать противъ его доводовъ, просили помилованiя или только лишь молчали да кланялись и, наконецъ, отреклись отъ своихъ отвѣтовъ. Однако есть вѣроятiе полагать, что картина пафнутовскаго диспута въ Питиримовомъ «объявленiи» представлена не совсѣмъ вѣрно, и что Питиримъ на этотъ разъ дѣйствовалъ, какъ кажется, не совсѣмъ прямыми путями, такъ что побѣда его на диспутѣ и посрамленiе раскольничьихъ учителей и наставниковъ является довольно подозрительнаго свойства обстоятельствомъ. Въ своемъ «объявленiи» Питиримъ, во-первыхъ, пишетъ о необыкновенномъ смиренiи своемъ и кротости по отношенiю къ раскольникамъ, затѣмъ самый диспутъ представляетъ приблизительно въ

такомъ видѣ: раскольники стояли и молчали, молчали и кланялись, а затѣмъ, убѣдившись доводами Питирима, отреклись и отъ своихъ «отвѣтовъ» и даже вообще отъ заблужденій еретическихъ. Отрекся съ другими старцами и самъ Александръ дьяконъ, всенародно подписавши свое отреченіе. Вслѣдъ за тѣмъ всѣ, бывшіе на диспутѣ, «разыдошася кождо во своясы съ миромъ и радостію, благодаряше Бога и его архіерейство за смиренную и за кроткую, и за терпѣливую къ нимъ и душеполезную бесѣду». Но существуетъ документъ, который невольно заставляетъ заподозрить правдивость извѣстій «объявленія». Документъ этотъ, открытый въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія — просьба самого дьякона Александра царю, поданная имъ въ февралѣ 1720 г. Въ этой просьбѣ Александръ дьяконъ разсказываетъ, что Питиримъ долгое время передъ диспутомъ держалъ его и другихъ бывшихъ съ нимъ старцевъ у себя взаперти въ кандалахъ и угрозами пытокъ заставилъ отречься отъ ихъ вѣры; что отреченіе, подписанное ими подъ страхомъ Питиримовыхъ угрозъ, составлено было самимъ Питиримомъ въ Пафнутовѣ; что тѣми же угрозами Питиримъ заставилъ ихъ играть комедію—молчать и падать ницъ передъ нимъ: «И мы убогіе, — говорится въ этой просьбѣ,—во узахъ истомленные, убояся отъ него, епископа, большихъ мукъ и ссылокъ, и ноздрей рванія, яко же и надъ другими учинено... для того ни о чемъ спорить ему не смѣли»... Московскіе раскольники не хотѣли вѣрить показанію нижегородскаго епископа объ отреченіи керженскихъ старцевъ, Петръ Великій приказалъ, для убѣжденія ихъ, прибыть Питириму въ Москву, съ кѣмъ-нибудь изъ свидѣтелей пафнутовскаго диспута. Въ январѣ 1720 года Питиримъ прибылъ съ Варсонофіемъ, который подтвердилъ отреченіе за себя и за всѣхъ остальныхъ керженскихъ старцевъ. Просьба Александра дьякона была показана Варсонофію, но тотъ заявилъ отъ лица всѣхъ старцевъ, что то дѣло Александра и что просьба писана безъ вѣдома Керженца, при чемъ онъ снова подтверждаетъ отреченіе. Тогда Петръ Великій приказалъ Александра дьякона подвергнуть пыткѣ и затѣмъ, воротивъ въ Нижній, казнить «за его воровство». Несчастный основатель дьяконовщины былъ всенародно сожженъ на Благовѣщенской площади.

Кто знаетъ, быть-можетъ, властолюбивый Питиримъ, видя въ Александрѣ дьяконѣ дѣйствительно автора «отвѣтовъ», самъ побаивался опаснаго соперника въ лицѣ вожака заволжскихъ

раскольниковъ; онъ былъ опасенъ потому, что изъ-подъ пера его вышли эти отвѣты, какъ, вѣроятно, думалъ Питиримъ, и мы глубоко убѣждены, что такъ или иначе, вѣрить ли «объявленію» или просьбѣ Александра, но ничто другое, какъ именно «отвѣты» и возвели на костеръ керженскаго учителя, и въ этомъ мы видимъ своего рода торжество автора керженскихъ отвѣтовъ, кто бы онъ ни былъ: дѣйствительно ли Александръ дьяконъ или выгорѣцкій философъ-казуистъ.

Если Питиримъ во всеоружіи истины, какъ защитникъ истинныхъ догматовъ православія, какимъ онъ долженъ былъ себя считать, быть-можетъ, дѣйствительно рѣшился прибѣгнуть къ нѣкотораго рода хитрости и не безъ умысла спуталъ свои вопросы, то и Андрей Денисовъ не уступилъ ему въ этой хитрости, и какъ ни слабы нѣкоторые изъ его отвѣтовъ, но на поприщѣ хитросплетенной казуистики поле битвы нерѣдко остается за нимъ. Если мы видимъ слабыя мѣста у Денисова, то они обнаруживаютъ только нѣкоторую его неподготовленность къ полемикѣ; но зато изъ нѣкоторыхъ мѣстъ самихъ вопросовъ Питирима мы, кажется, имѣемъ право вывести заключеніе, что и Питиримъ, вѣроятно, не ожидалъ встрѣтить со стороны противника такого отпора. Иначе онъ, вѣроятно, нашелъ бы лучшимъ, напримѣръ, помолчать нѣкоторое время о соборномъ дѣяніи, незадолго до того объявленномъ имъ. Онъ, можетъ-быть, предпочелъ бы вовсе не заикаться объ этомъ дѣяніи, если бъ могъ ожидать, что въ «отвѣтахъ» на его вопросы получитъ чуть не цѣлое ученое изслѣдованіе, основанное на самыхъ достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, опровергающее существованіе этого собора и самаго еретика.

Соборъ этотъ дѣйствительно является довольно странной загадкой. Питиримъ въ своей «Пращицѣ» разсказываетъ, что Дмитрій Ростовскій незадолго до смерти своей, встрѣтившись съ нимъ однажды на пути во время объѣзда епархіи, передалъ ему списокъ, сдѣланный имъ въ Кіевѣ съ соборнаго дѣянія на еретика Мартина. Но, однако, нигдѣ, ни въ одной лѣтописи, о соборѣ 1157 г. не упоминается. Пересмотрѣвши всѣ списки лѣтописей (изд. арх. комиссіи), внимательно прочитывая все, относящееся ко времени княженія Ростислава Мстиславича и пребыванія въ Кіевѣ митрополита Константина, при которомъ будто бы происходилъ соборъ, ничего намекающаго на появленіе еретика и на учрежденіе противъ него собора, мы не нашли.

Однако Соловьевъ въ III томѣ своей исторіи (стр. 69) пишетъ: «Въ 1149 г. явился въ Кіевъ изъ Константинополя еретикъ Мартинъ (котораго онъ, кажется, считаетъ богомильскимъ проповѣдникомъ), изложившій свое ученіе въ особой книгѣ «Правда». Семь лѣтъ распространялъ Мартинъ свое ученіе въ Кіевѣ, успѣлъ привлечь на свою сторону не только множество простого народа, но и многихъ изъ духовенства, пока, наконецъ, кіевскій соборъ 1157 года не осудилъ его ученія; константинопольскій соборъ подтвердилъ рѣшеніе кіевскаго, и еретикъ былъ сожженъ въ

Виды Нижняго-Новгорода, видъ на Волгу съ откоса отъ Георгіевской башни, кремля.

Цареградѣ». Къ сожалѣнію, Соловьевъ не указываетъ источника, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ пользовался извѣстіемъ Питирима, которому онъ, очевидно, довѣряетъ, такъ какъ говоритъ объ этомъ соборѣ не какъ о сомнительномъ или недостаточно удостовѣренномъ обстоятельствѣ, а какъ о такомъ, которое не требуетъ подтвержденій. Между тѣмъ Карамзинъ собора этого не признаетъ, онъ его обходитъ молчаніемъ и только упоминаетъ въ примѣчаніи 415 ко второй части «Исторія государства россійскаго», какъ о выдуманномъ. «Авторъ книги «Пращица»,— говоритъ онъ, — увѣряетъ насъ, что въ княженіе Ростислава въ 1157 году былъ въ Кіевѣ церковный соборъ, осудившій ере-

тика Мартина армянина, который назывался сродникомъ цареградскаго патріарха Луки, училъ поститься въ каждую субботу (кромѣ Великой), изображать крестъ двумя перстами, служить на семи просфорахъ и на одномъ винѣ, говорить дважды аллилуія, въ церкви обращаться лицомъ на западъ, креститься съ лѣваго плеча и проч. Въ сей книгѣ напечатано и дѣяніе сего важнаго собора, найденное (какъ говоритъ авторъ) въ кіевскомъ Пустынно-Никольскомъ монастырѣ, писанное на харатеи, скрѣпленное рукою митрополита Константина и отданное на сохраненіе въ синодальную типографскую библіотеку. Мы должны замѣтить, что ни въ лѣтописяхъ, ни въ Степенной книгѣ, ни въ Стоглавѣ о томъ не упоминается; что слогъ сего дѣянія кажется не весьма древнимъ (напримѣръ: «Господинъ Мартинъ, повѣдай намъ, гдѣ твое рожденье и воспитанье?..» Той же отвѣщавъ: «пришелъ до здѣ видѣти Россію вашу»), и что въ 1157 году княжилъ не Ростиславъ, а Изяславъ въ Кіевѣ. Подлинникъ дѣйствительно хранится въ синодальной библіотекѣ, по д. № 518, но запечатанъ».

Замѣчательно, что въ литературѣ объ этомъ соборномъ дѣяніи мы встрѣчаемъ, съ одной стороны, весьма вѣскія, основанныя на прочныхъ данныхъ, опроверженія, съ другой—голословную и слабую защиту, основанную или на однихъ соображеніяхъ не безъ натяжекъ, или разсужденія риторическаго характера. Кажется, въ настоящее время можно не сомнѣваться въ томъ, что собора этого не было. Но кѣмъ же выдумано и сочинено дѣяніе? Большинство противниковъ этого собора указываютъ, какъ на автора дѣянія, на Дмитрія Ростовскаго, но П. И. Мельниковъ, напримѣръ, защищаетъ Дмитрія и полагаетъ, что сочиненіе подложнаго дѣянія принадлежитъ Стефану Яворскому (см. Письма о расколѣ). Во всякомъ случаѣ первое извѣстіе о соборномъ дѣяніи было сдѣлано Питиримомъ. Когда раскольники потребовали доказательствъ подлинности дѣянія, то извѣстно, что Питиримъ обращался къ Стефану Яворскому [1]), и Яворскій будто бы посылалъ въ Кіевъ монаха Θеофилакта въ 1716 году, который и нашелъ подлинникъ въ Николо-Пустынскомъ монастырѣ.

Въ своей запискѣ о расколѣ, составленной для великаго князя Константина Николаевича въ 1857 году, П. И. Мельни-

---

[1]) См. «Истор. просвѣщ. Рос.» Пекарскаго, ч. II, стр. 401.

ковъ категорически и весьма рѣзко отрицаетъ подлинность дѣяній и говоритъ прямо: «за неимѣніемъ подлинныхъ доказательствъ о древности трехперстнаго сложенія и другихъ никоновыхъ нововведеній рѣшились прибѣгнуть, съ согласія Петра I, къ непозволительной хитрости, къ составленію подложнаго дѣянія небывалаго собора на Мартина Армянина»[1]). Далѣе Мельниковъ говоритъ о послѣдствіи этой «непозволительной хитрости». Раскрывъ подлогъ, раскольники еще болѣе утвердились въ убѣжденіи своей вѣры. Александръ дьяконъ, отъ имени котораго были представлены отвѣты на Питиримовы вопросы, казненъ, а рукопись подложнаго дѣянія послѣ того запечатана царской печатью. Ее, оказывается, не показали даже Карамзину, когда тотъ писалъ «Исторію государства россійскаго».

Изъ всѣхъ защитниковъ соборнаго дѣянія особеннаго вниманія заслуживаетъ преосвященный архіепископъ Игнатій Воронежскій. Въ прибавленіи къ своему сочиненію «Исторія о расколахъ въ Россіи» (М. 1849 г.), онъ посвящаетъ цѣлую статью тщательному разбору старообрядческихъ доводовъ противъ подлинности этого дѣянія; онъ разбираетъ по пунктамъ все высказанное противъ дѣянія въ керженскихъ отвѣтахъ, а также и приведенное нами мнѣніе Карамзина. Однако и его попытки безсильны. Прежде всего онъ выставляетъ на видъ, что дѣяніе было признано высшимъ правительствомъ и высшимъ духовенствомъ, такими-то и такими-то архіепископами и епископами, «словомъ, — говоритъ онъ, — всѣ бывшія у насъ тогда высшія духовныя и правительственныя лица и самъ благочестивѣйшій государь засвидѣтельствовали достовѣрность дѣянія» (стр. 219). Мы не будемъ приводить отзывающихся большой натяжкой доказательствъ, что неупоминаніе объ этомъ соборѣ въ лѣтописяхъ, въ Стоглавѣ и Минеяхъ могло быть явленіемъ очень естественнымъ; что несоотвѣтствіе слога и выраженій рукописи дѣянія со временемъ ея написанія могло произойти отъ того, что достигшій до насъ текстъ есть переводъ съ греческаго подлинника, посланнаго константинопольскому патріарху и т. п.; на

---

[1]) Записка Мельникова, составленная, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ графа Ланского, для вел. кн. Константина Николаевича въ 1857 г., напечатана позднѣй въ «Сборникѣ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ», В. Кельсіева, выпускъ первый, Лондонъ, Вольная русская типографія, 1860 г.

указанiе Карамзина, что подлинникъ харатейный хранится въ Синодальной типографiи, но за печатью. Онъ восклицаетъ: «Помилуйте! сочинитель «Исторiя пугачевскаго бунта» сказалъ также, что подлинное слѣдственное дѣло о Пугачевѣ хранится въ государственномъ архивѣ, но подъ печатью. Слѣдуетъ ли изъ сего, что и слѣдствiя о Пугачевѣ не было или, что оно поддѣлано, и Пугачева не было?!» и т. д. Особенной натяжкой пахнетъ доказательство, что опредѣленiе времени собора въ 1157 году при Ростиславѣ и Константинѣ митрополитѣ вовсе нельзя считать анахронизмомъ, что хотя и княжилъ въ то время Изяславъ, но митрополитъ Константинъ могъ считать княземъ Ростислава, избраннаго народомъ ранѣе и только временно вытѣсненнаго изъ Кiева.

Во «второй винѣ сомнѣнiя подавающей» въ «керженскихъ отвѣтахъ» указываются анахронизмы рукописи дѣянiя. При составленiи этого писанiя мы имѣли подъ руками печатный текстъ перваго изданiя «Пращицы» [1]), тамъ говорится слѣдующее: «При великомъ князѣ Ростиславѣ и при господинѣ митрополитѣ Константинѣ въ г. Кiевѣ былъ соборъ отъ всего духовнаго чина на армянина на мниха Мартина суще еретикъ». — Это важный анахронизмъ. Ростиславъ и Константинъ были одновременно въ Кiевѣ очень недолгое время, соборъ же, по извѣстiю самаго дѣянiя, продолжался больше года. Другой анахронизмъ — опредѣленiе времени собора при Ростиславѣ въ 1157 году—«Соборное дѣянiе на еретика на армянина на Мартина въ лѣто отъ созданiя мiра 6665, а отъ плоти Рождества Христова 1156 (?) мѣсяца iюня въ 30 день». Тутъ замѣтимъ мимоходомъ еще одно несоотвѣтствiе, къ которому тоже придирается авторъ «отвѣтовъ»: годъ отъ созданiя мiра не сходится съ показаннымъ годомъ отъ Рождества Христова, такъ какъ годъ 6665 придется не 1156, а 1157 годомъ. Д. Скворцовъ, авторъ описанiя рукописей Өеофилакта Лопатинскаго, говоритъ еще объ одномъ спискѣ этого дѣянiя съ весьма рѣдкой рукописи Питирима, принадлежащей тверской семинарской библiотекѣ «О сложенiи перстовъ». Въ этомъ спискѣ года указаны совсѣмъ другiе — начало собора 6652 годъ отъ сотворенiя мiра и (опять несоотвѣтствiе) 1160 отъ Рождества Христова (6652—5508—1148). По печатному тексту «Пращицы»

---

[1]) Этотъ рѣдкiй экземпляръ принадлежалъ П. И. Мельникову. Въ настоящее время онъ принадлежитъ Нижегородской Архивной Комиссiи.

окончился соборъ въ 6666 году, октября 20; въ рукописи же, описываемой Д. Скворцовымъ, показанъ годъ 6653 и октября 10-й день.

Но важнѣй всего то, что въ 1157 году Ростиславъ Мстиславичъ вовсе не княжилъ въ Кіевѣ. Послѣ смерти Юрія Долгорукаго, 15 мая 1157 года, княжилъ около года Изяславъ Давыдовичъ. «Той же веснѣ (6665 г.) представился Гюрьге князь Кіевѣ, и посадивши Изяслава Давидовица Кыяне на столѣ», говорится

Виды Нижняго-Новгорода, Ильинская улица.

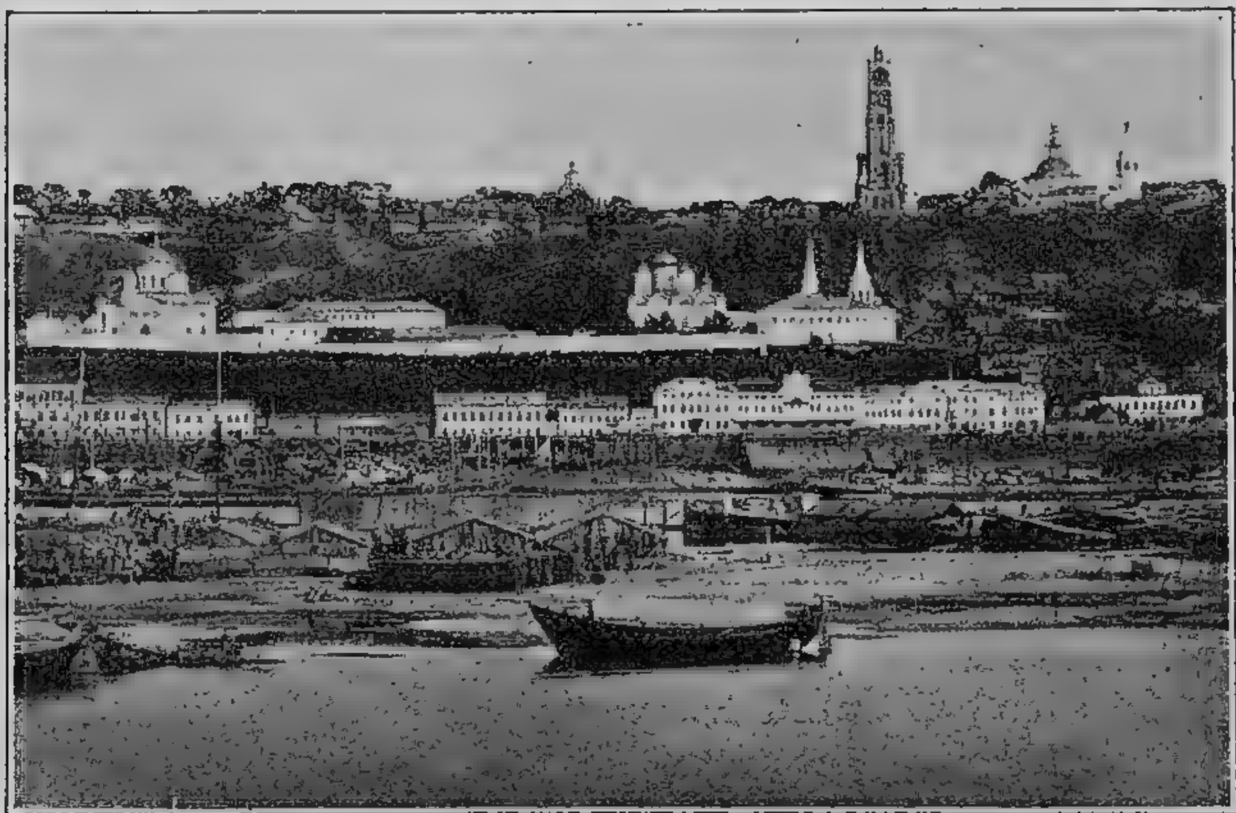
въ новгородской лѣтописи. Изяславъ, правда, вскорѣ уступилъ кіевскій столъ Ростиславу, а самъ ушелъ въ Волынь: «тогожъ лѣта (6666) дасть Изяславъ Кіевъ подъ собою Ростиславу стрыю своему и самъ иде въ Волынь». Когда Изяславъ уступилъ Кіевъ княжившему въ то время въ Смоленсѣ Ростиславу Мстиславовичу и этотъ послѣдній завладѣлъ кіевскимъ столомъ съ помощью племянника своего Мстислава Изяславовича, то между дядей и племянникомъ возникъ споръ изъ митрополитовъ.

Мстиславъ не хотѣлъ оставлять бывшаго тогда въ Кіевѣ ненавистнаго ему митрополита Константина, въ свое время произ-

несшаго проклятіе на его отца, и предлагалъ бывшаго до Константина, Клима: «Мстиславъ же крѣпко просящеся по Климѣ, рѣка тако: да не будетъ Константинъ въ метрополіи, зане отца ми клялъ» (по Воскресенскому списку). Ростиславъ же не хотѣлъ Клима, какъ поставленнаго помимо благословенія константинопольскаго патріарха. Рѣшено было послать въ Царьградъ просить новаго митрополита. Константинъ же, не дождавшись рѣшенія константинопольскаго патріарха, счелъ для себя болѣе безопаснымъ бѣжать изъ Кіева въ Черниговъ, «бѣ бо тогда выбѣгохъ изъ Кыева отъ Мстислава Изяславица» (Новгородская четвертая лѣтопись). Вскорѣ послѣ бѣгства Константина былъ присланъ изъ Константинополя новый митрополитъ Ѳеодоръ (грекъ). Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ Константину было не до того, чтобы собирать соборы, если бъ даже онъ и успѣлъ это сдѣлать. Итакъ, въ дѣяніи говорится, что соборъ былъ начатъ въ 1157 году при Ростиславѣ и Константинѣ и оконченъ при томъ же князѣ и митрополитѣ въ слѣдующемъ 1158 году. Между тѣмъ по историческимъ даннымъ въ 1157 году былъ Константинъ митрополитъ, но не было Ростислава, во время же окончанія собора былъ Ростиславъ, но Константина не было; между тѣмъ въ «Пращицѣ» говорится о подписяхъ и, между прочимъ, о подписи Константина митрополита, который, еще кстати замѣтимъ, расписался не такъ, какъ обыкновенно расписывались митрополиты: «Смиренный Константинъ», а «господинъ митрополитъ Константинъ». Здѣсь мы должны обратить вниманіе еще на одно небольшое недоразумѣніе: въ «Пращицѣ» говорится о подписѣ митрополита и другихъ участниковъ собора, между тѣмъ Андрей Денисовъ, видѣвшій харатейный подлинникъ въ Москвѣ, говоритъ, что дѣяніе никѣмъ не подписано и ставитъ это въ число доказательствъ сомнительной его подлинности.

Кажется, и всего вышесказаннаго достаточно, чтобы возбудить «не малыя вины сумнѣнія», но для поморскаго казуиста этого мало: онъ разбираетъ подозрительное дѣяніе до послѣдней нитки и въ слѣдующей «третьей винѣ» разсматриваетъ почеркъ, которымъ писано, языкъ, которымъ изложено дѣяніе, наконецъ, разсматриваетъ бумагу, чернила и даже обрѣзъ листовъ и переплетъ, во всемъ находя подтвержденіе сомнительности рукописи. «Дивимся,—пишетъ онъ,—черниламъ ими же дѣяніе оно писано, понеже черностью своею различествуетъ качества письма

залежалаго древле-харатейныхъ книгъ; сумняемся и буквамъ въ немъ писанымъ бѣлорусскимъ нынящняго вѣка яже древле-харатейныхъ мы не видохомъ; чудимся и еже буквами бѣлорусскими писано, а рѣчами московскими, чесо въ древнихъ книгахъ не случися намъ видѣти... Сумнено намъ и иная яже въ переплетѣ рѣзанія знаки и краевъ обрѣзаніе и явствованія нѣгдѣ древняго письма... Яже вся сія краткостью преходимъ да немногословяще на досаду приведемъ ваше пастырство... Яко мы не за упорство неразсмотрительное не можемъ увѣриться оному дѣя-

Виды Нижняго-Новгорода, видъ изъ-за Оки на Н.-Новгородъ въ 70-хъ годахъ (Муравьевская, теперь не существующая башня).

нію, но самое оно во многихъ подаетъ намъ вины сумнѣнія, яже выше явствовахомъ».

Въ подозрительной подлинности дѣянія почти нельзя сомнѣваться, но замѣчательно, какъ власти и духовенство начала прошлаго вѣка относились къ подобнаго рода средствамъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Пекарскій въ одномъ изъ подстрочныхъ примѣчаній въ своей «Исторіи просвѣщенія Россіи» (вторая часть, статья о дѣяніи на еретика Мартина) приводитъ слѣдующую выдержку изъ записной книжки Петра Великаго, которую самъ заимствуетъ у Голикова (Дѣянія Петра Великаго): «написать книгу о ханжахъ и изъявить блаженство (кротость

Давидову и проч.), что не такъ, какъ они думаютъ и приплесть къ требникамъ, а въ предисловіи явить то дѣльцомъ Ростовскаго съ товарищи». Эта выдержка, между прочимъ, показываетъ, какъ великъ былъ въ то время авторитетъ Дмитрія Ростовскаго: можетъ-быть, не было ли такого же приказа и относительно «Дѣянія» «явить дѣльцомъ Ростовскаго», послѣ чего и было сочинено о встрѣчѣ Питирима съ Дмитріемъ, а самъ митрополитъ Ростовскій вовсе при жизни не ожидая того, вдругъ не ждано, не гадано является обманщикомъ и выдумщикомъ небывалаго собора. Однако что касается Петра Великаго, то мы должны сказать, что относительно его участія въ выдумкѣ соборнаго дѣянія, какъ кажется, никакихъ несомнѣнныхъ документальныхъ доказательствъ нѣтъ. Извѣстно единственно то, что когда объ открытіи соборнаго дѣянія стало ему вѣдомо, то, по его царскому именному указу, оно было напечатано, а подлинникъ (нынѣ запечатанный) выставленъ на показъ всѣмъ желающимъ убѣдиться въ дѣйствительномъ его существованіи. «И аще ли кто похочетъ, — говорится, между прочимъ, въ царскомъ указѣ, — оное соборное дѣяніе подлинное и присланный листъ изъ Кіева за руками подлинной же видѣти и тебѣ архимандриту Питириму велѣть имъ приходить въ Москву на печатный нашъ великаго государя дворъ, безъ всякаго опасенія и безъ страха и смотрѣли бы оное соборное дѣяніе подлинное изъ Кіева присланный отъ архіерея кіевскаго листъ подлинной же самой ради лучшаго увѣренія. И такъ къ тебѣ сія наша великаго государя грамота придетъ и тебѣ сію грамоту и въ ней положенные списки всѣмъ раскольщикамъ объявляя читати и давать списки всѣмъ требующимъ и всѣхъ церквей попамъ твоего велѣнія велѣть списывать же, и приходскимъ людямъ велѣть почасту прочитывать, дабы вси совершенно святыя церкви сынове сущу правду знали и раскольническое неправое мудрованіе и отъ святыя церкви вѣдали». Въ заключеніе обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что еретикъ въ соборномъ дѣяніи названъ армяниномъ. Это тоже одна изъ тѣхъ бѣлыхъ нитокъ, которыми спито не совсѣмъ ладно скроенное дѣяніе. Поводомъ къ выдумкѣ еретика, именно армянина, могло послужить то обстоятельство, что соборъ 1667 года, называя двуперстіе армянскою ересью, высказалъ мнѣніе, что ересь эта, вѣроятно, распространена была какимъ-нибудь армяниномъ. Стало-быть, и нужно было выдумать какого-нибудь армянина, дать ему имя, какъ дано было имя Гришки Отрепьева

неизвѣстной личности Лжедмитрія; разница, впрочемъ, въ томъ, что въ данномъ случаѣ нужно было не только дать имя, но выдумать и самую личность [1].

Мы нарочно останавливается на этой замѣчательной полемической рукописи и именно на статьѣ «О соборномъ дѣяніи», такъ какъ статья эта представляетъ собой шедевръ раскольничьей литературы, а самые «Отвѣты»—сводъ всѣхъ оправданій, не только дьяконовщины нижегородскаго Заволжья, не только всей бѣглопоповщины, но и вообще старообрядчества.

Виды Нижняго-Новгорода, постройки по скату Жиндармскаго оврага т. н. Черкесье въ 1880-хъ годахъ (теперь не существуютъ), рис. съ натуры А. П. Мельникова.

Читая вообще «отвѣты» раскольниковъ, нельзя не замѣтить твердаго съ ихъ стороны убѣжденія въ правотѣ своей; этой непоколебимой увѣренностью дышитъ каждая строчка подобныхъ

[1]) «Керженскіе или Дьяконовы Отвѣты» А. П. Мельникова (докладъ Ниж. учен. Арх. Комиссіи).

произведенiй. Эта непоколебимая увѣренность способна увлечь всякаго, малознакомаго съ тонкостями православной церковной догматики. Немудрено, что съ тѣхъ поръ, какъ началась подобная литература, вызванная самимъ правительствомъ и духовенствомъ, расколъ не только не ослабѣлъ, а, напротивъ, еще болѣе окрѣпъ. Раскольники, вынужденные впервые задуматься надъ правилами своей вѣры, нашли въ защиту ихъ пропасть довольно вѣскихъ оправданiй и до сихъ поръ многое изъ доводовъ, представленныхъ ими въ отвѣтахъ, вполнѣ не опровергнуто православной церковью. Съ другой стороны, всякаго, знакомящагося съ догматикой русскаго раскола, на первыхъ порахъ поражаетъ ничтожность предмета самаго раскола, несущественность тѣхъ вопросовъ, изъ-за которыхъ раздѣлилась россiйская церковь. Двуперстiе, сугубая аллилуiя, трисоставной восьмиконечный крестъ, литеры и ничего не значащiя слова — вотъ изъ-за чего люди спорили цѣлые вѣка, проливая кровь, предавая сами себя сожженiю, подымая смуты, терпя преслѣдованiя и убѣгая отъ этихъ преслѣдованiй, скрываясь въ непроходимыя лѣсныя дебри и безслѣдныя пустыни. Невольно становишься втупикъ: что же это? неужели пустой звукъ или буква можетъ до такой степени приковать къ себѣ, хотя бы даже и самаго дикаго невѣжественнаго человѣка? Не вѣрится. И невольно приходитъ мысль поискать другихъ, болѣе глубокихъ причинъ возникновенiя раскола, въ болѣе важныхъ историческихъ обстоятельствахъ. Одной слѣпой преданности буквѣ и старому обряду, при всей свойственной великорусскому племени консервативности все-таки было бы недостаточно для того, чтобы вызвать такой упорный ожесточенный протестъ противъ «повинъ», и мы охотно присоединяемся въ данномъ случаѣ къ давно уже, впрочемъ, высказанному мнѣнiю Кельсiева, что раскольничье движенiе было такимъ же безсознательнымъ проявленiемъ недовольства строемъ общественной жизни, какъ и казачество.

Усиленiю раскола не мало способствовала также невѣжественность самаго тогдашняго русскаго духовенства. Многiе изъ священниковъ сами втайнѣ сочувствовали раскольничьимъ бреднямъ, нѣкоторые даже прямо переходили въ расколъ, вслѣдствiе чего Петръ Великiй учреждалъ особыя школы, безъ окончанiя курса, въ которыхъ никто не могъ быть посвященъ въ санъ iерея. Въ Н.-Новгородѣ Питиримомъ были учреждены двѣ такихъ школы: эллино-греческая и славяно-русская, которыя вмѣстѣ съ учре-

жденной впослѣдствіи славяно-латино-греческой школой послужили основаніемъ нижегородской духовной семинаріи. Первыя двѣ школы были учреждены въ 1721 году, это было за годъ до вторичнаго посѣщенія Петромъ Великимъ Нижняго-Новгорода. На этотъ разъ Петръ пріѣхалъ въ Нижній съ императрицей, онъ отправлялся въ персидскій походъ. Какъ и 27 лѣтъ назадъ, прибылъ онъ изъ Москвы Окою, на стругахъ; 26 мая его встрѣтили преосвященный Питиримъ и вице-губернаторъ Ржевскій. Петръ останавливался въ этотъ пріѣздъ на Нижнемъ посадѣ, въ домѣ Строганова; въ Нижнемъ провелъ онъ 5 дней. Тотчасъ же по

«Домъ Пушникова», нынѣ принадлежащій причту Сергіевской церкви.

пріѣздѣ, разсматривая волжскую флотилію, приготовленную для его похода, онъ обратилъ вниманіе вообще на волжскія суда и, увидавъ, что всѣ они совершенно не приспособлены къ плаванію по морю, приказалъ строить ихъ по особому имъ же данному рисунку, эти новой конструкціи суда онъ назвалъ «рейсшифъ» (это слово впослѣдствіи исказилось въ слово «расшива»); верфь для построенія расшивъ была учреждена на Окѣ, у с. Черноречья [1]). 30 мая, въ день своего рожденія, Петръ праздновалъ въ Нижнемъ свой 50-лѣтній юбилей; это торжество совпало съ торжествомъ 500-лѣтняго юбилея самого Нижняго.

[1]) Подлинный указъ о построеніи «новоманерныхъ» судовъ, данный въНиж.-Новгородѣ, хранится нынѣ въ Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи.

Утромъ Петръ былъ у обѣдни въ каѳедральномъ соборѣ, гдѣ пѣлъ на клиросѣ вмѣстѣ съ пѣвчими и читалъ апостолъ, по окончаніи обѣдни спустился въ склепъ къ могилѣ Минина, передъ которой поклонился до земли и сказалъ: «вотъ истинный избавитель Россіи»; въ тотъ же день, бесѣдуя съ Питиримомъ и Ржевскимъ, Петръ разспрашивалъ о Мининѣ и очень пожалѣлъ, что потомства послѣ него не осталось; разспрашивалъ онъ также о положеніи раскола въ нижегородскомъ Поволжьѣ. Вечеромъ посѣтилъ онъ съ императрицей бургомистра Пушникова, гдѣ пировалъ до глубокой ночи, оттуда прямо отправился на суда и двинулся въ дальнѣйшій путь; на другой день утромъ, по дорогѣ онъ заѣзжалъ въ Макарьевскій монастырь, гдѣ, увидавъ около святыхъ воротъ, выходящихъ на Волгу, прибитую къ стѣнѣ черную доску съ отмѣтками ежегоднаго уровня весеннихъ водъ, похвалилъ за то настоятеля и приказалъ дѣлать помѣты и впредь. На другой день Петръ былъ въ Васильсурскѣ. Замѣтивъ около города старинную дубовую рощу, онъ пожелалъ лично ее осмотрѣть, послѣ чего велѣлъ беречь ее и подсаживать къ ней деревья. Существуетъ преданіе, что первое дерево имъ было тутъ же посажено собственноручно. Возвратившись изъ Персіи, онъ издалъ указъ объ учрежденіи надзора за Васильской рощей, назначивъ для того особыхъ «вальдмейстеровъ». Исполненіе этого указа послѣдовало уже послѣ его смерти.

Памятникомъ петровскаго времени въ Нижнемъ-Новгородѣ служитъ замѣчательной архитектуры церковь Рождества на Нижнемъ Базарѣ, такъ называемая Строгановская, давно уже извѣстная всѣмъ изучающимъ памятники русскаго зодчества, но до сего времени не пользующаяся, однако, должнымъ къ себѣ вниманіемъ, а между тѣмъ это одно изъ замѣчательнѣйшихъ архитектурныхъ сооруженій въ Россіи. Игнорируется она нашими древнелюбителями, кажется, за то, что не имѣетъ чисто-русскаго характера и никакого будто бы опредѣленнаго стиля; что въ ней много не русскаго—съ этимъ нельзя не согласиться, но нельзя безусловно согласиться съ тѣмъ, что она не имѣетъ никакого стиля. Правда, прикладывая тѣ или другія готовыя мѣрки, примѣняя условныя рамки различныхъ готовыхъ архитектурныхъ стилей, мы приходимъ къ убѣжденію, что ни подъ какія мѣрки она не подходитъ, ни въ какія рамки не укладывается. Разглядывая же ея подробности, мы встрѣчаемъ детали самыхъ разнообразныхъ стилей, начиная съ монотонно-строгихъ классическихъ ордеровъ

и кончая изнѣженными формами во французскомъ вкусѣ XVIII вѣка: встрѣчаемъ даже намеки на мавританскій стиль. Всѣ эти обрывки и клочки разныхъ стилей такъ искусно смѣшаны и перепутаны между собою, что въ общемъ представляютъ весьма граціозное цѣлое. Разглядывая нашу Рождественскую церковь, невольно дивишься смѣлости фантазіи мастера-виртуоза, его геніальной находчивости и умѣнію согласить самыя разнохарак-

Рождественская Строгановская церковь (съ фотографіи М. П. Дмитріева).

терныя формы, часто столь чуждыя другъ другу, какъ, напримѣръ: античный пилястръ и вычурный карнизъ рококо или русскій одутловатый куполъ. Но къ какому же, однако, стилю должно причислить эту странную архитектуру?

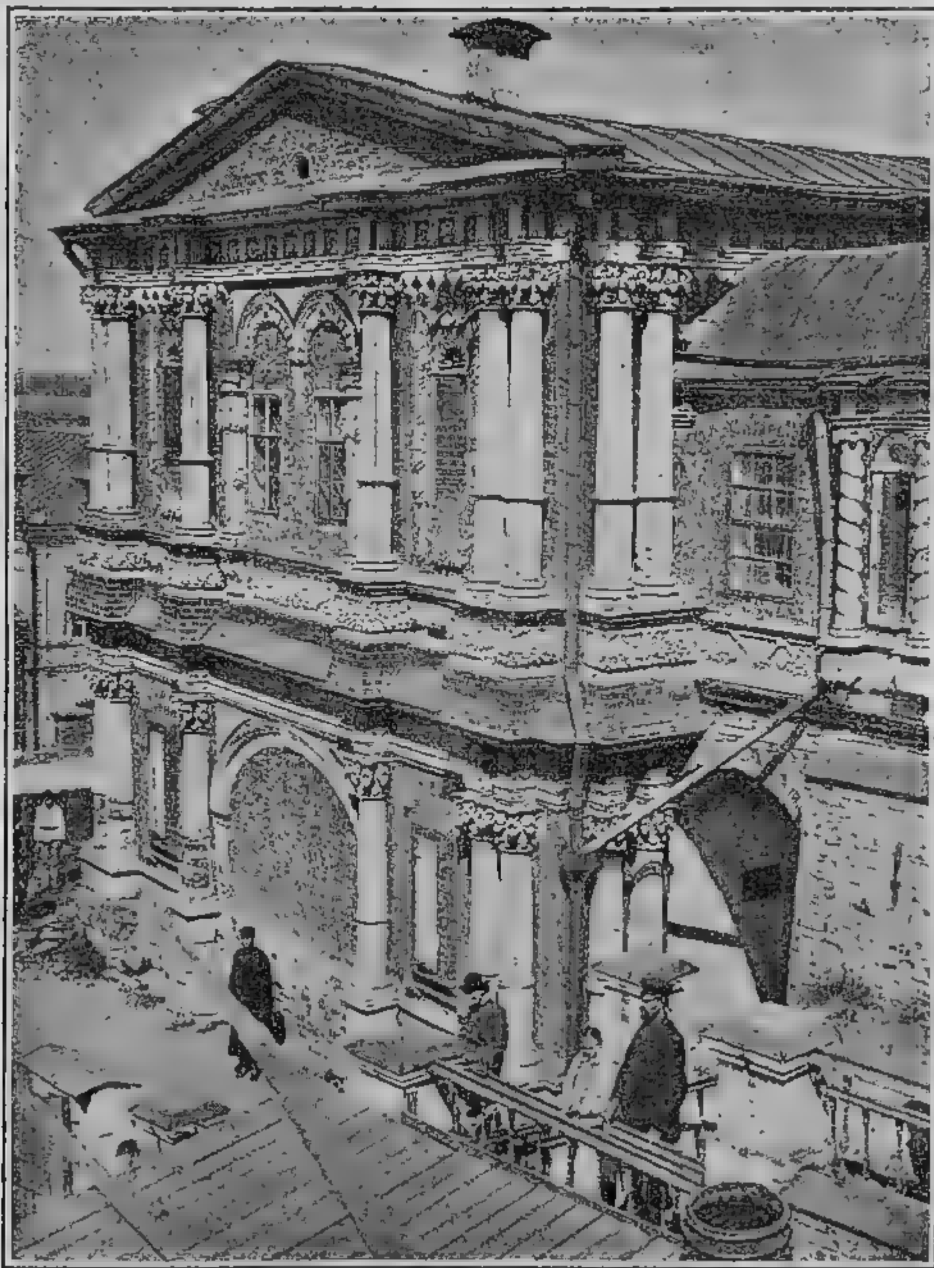
Съ конца XVII вѣка, когда началось уже сильное подражаніе иностранцамъ, явился у насъ особый архитектурный стиль, типическими представителями котораго могутъ служить многія московскія церкви, какъ, напримѣръ: церковь Успенія на По-

кровкѣ, домовая церковь во дворѣ Шереметевскаго дома, церковь въ селѣ Филяхъ подъ Москвою, въ Нижнемъ церковь Георгія на Верхне-Волжской набережной. Стиль этотъ образовался изъ 2-хъ разнородныхъ стихій: западной поздней венеціанской готики, внесенной въ нашу архитектуру иностранными мастерами, и чисто русско-византійскаго стиля московскихъ церквей начала XVII вѣка, которому старались подражать тѣ же иностранные мастера, работавшіе въ Россіи. Къ этому-то стилю, извѣстному подъ именемъ Нарышкинскаго, отчасти подходитъ архитектура нашей Строгановской церкви, но только отчасти; имѣя съ нимъ много общихъ чертъ, въ то же время она имѣетъ бездну самыхъ существенныхъ отличій. Многое, что въ Нарышкинскомъ стилѣ еще однообразно и монотонно, вытянуто въ скучную линію, въ архитектурѣ Строгановскихъ церквей обращается въ причудливые извивы игриваго орнамента, что тамъ еще какъ бы сковано какой-то условностью, здѣсь смѣло и свободно; даже и самая пропорція, сравнительно съ Нарышкинскимъ стилемъ, здѣсь легче и граціознѣе, очертанія изысканнѣе, — словомъ сказать, въ Строгановскихъ церквахъ столько уже самостоятельности и оригинальности, что отнести ихъ безусловно къ Нарышкинскому стилю почти невозможно; этотъ послѣдній можетъ скорѣе считаться прототипомъ новаго своеобразнаго стиля, который можно назвать русскимъ бароко. Изумительная неожиданность самыхъ странныхъ сочетаній, самыхъ причудливыхъ комбинацій, декоративность и внѣшній эффектъ здѣсь составляютъ, какъ и въ италіанскомъ бароко, главную характеристическую особенность. Какъ бы то ни было, назовемъ ли описываемый нами своеобразный родъ архитектуры отраслью Нарышкинскаго стиля, или русскимъ бароко, или, наконецъ, Строгановскимъ стилемъ, онъ представляетъ изъ себя весьма интересное явленіе въ исторіи русскаго зодчества.

Только эпоха Петра Великаго и могла породить подобный стиль. Эта смѣсь западнаго съ полуазіатскимъ русскимъ, какъ нельзя болѣе характеризуетъ эпоху начала XVIII вѣка, когда на плечи русскаго человѣка, еще полуазіата, надвинутъ былъ Петромъ иностранный камзолъ.

Неизвѣстно имени мастера-строителя Рождественской церкви, создавшаго этотъ новый своеобразный стиль. Преданіе говоритъ, что онъ былъ выписанъ Григоріемъ Строгановымъ изъ-за границы нарочно для сооруженія Рождественской церкви, но,

кромѣ Рождественской, имъ была построена еще церковь въ селѣ Гордѣевкѣ, нынѣ Балахнинскаго уѣзда; церковь эта много имѣетъ общаго съ нижегородскою, особенно граціозна ея невысокая колокольня. По всѣмъ признакамъ Гордѣевская церковь была, подобно Рождественской, декоратирована изваянными изъ бѣлаго камня украшеніями, отъ которыхъ теперь не осталось

Западный фасадъ Строгановской церкви (съ фотографіи Карелина).

и слѣдовъ. Болѣе десяти лѣтъ строилась Рождественская церковь. Григорій Строгановъ не жалѣлъ средствъ на ея украшенія. Кирпичъ для нея заказанъ былъ въ Балахнѣ; бѣлый камень, изъ котораго высѣчены орнаменты, на баржахъ привозился изъ Мячкова. Въ 1719 году она была окончена и освящена во имя Собора Пресвятой Богородицы; Рождественской же она стала

называться впослѣдствіи, когда послѣ упраздненія двухъ находившихся поблизости церквей (Рождества Богородицы и св. Григорія Назіанзина), въ нее были переселены ихъ алтари и икона, особенно чтимая въ то время нижегородцами, Рождества Богородицы. Новая церковь до такой степени поражала нижегородцевъ своимъ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, что о ней даже складывались легенды. Мастера-иностранца народъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ чародѣя. Разсказывали, что будто бы Григорій Строгановъ намѣревался его ослѣпить, чтобы отнять у него возможность гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ выстроить что-либо лучше; что этотъ иностранецъ, спасаясь отъ Строганова, влѣзъ на колокольню только что выстроенной имъ церкви, подъ самый крестъ и въ виду всего народа, обратившись въ черную птицу, улетѣлъ. Въ 1722 г., неизвѣстно по какой причинѣ, Петръ Великій велѣлъ запечатать церковь. Есть преданіе, что будто бы Петръ, осматривая Строгановскую церковь, узналъ въ ней двѣ мѣстныя иконы, которыя были еще раньше заказаны имъ иностранному художнику Каравакy для Петропавловскаго собора въ Петербургѣ и которыя, какъ обнаружилось тутъ же, Строгановъ похитилъ, уговоривши художника замѣнить ихъ неудачными копіями; за это-то Петръ, разгнѣванный на Строганова, будто бы и велѣлъ запечатать церковь. Гораздо вѣроятнѣе, что причина тому была другая: около этого времени въ Нижнемъ появился знаменитый хлыстовскій проповѣдникъ и лжехристосъ, Прокопій Лупкинъ, который совратилъ въ свою ересь людей Строганова и съ ихъ помощью обратилъ неустроенный еще нижній этажъ Рождественской церкви [1]) въ тайный притонъ своихъ послѣдователей. Объ этомъ говорятъ извѣстные изслѣдователи тайныхъ сектъ Реутскій и Добротворскій, а П. И. Мельниковъ первый указываетъ на это обстоятельство, какъ на причину закрытія церкви. Церковь оставалась запечатанной до 1727 года. Иконы, о которыхъ мы только что сейчасъ упомянули и съ которыми связано переданное нами преданіе, находятся по бокамъ царскихъ дверей въ холодной церкви. Техника ихъ превосходна и обличаетъ въ Каравакѣ талантливаго мастера, хотя рисунокъ весьма условный и позы тоже слишкомъ вычурны, въ особенности поза Спасителя, дер-

---

[1]) Нижній этажъ Строгановской церкви, предназначавшійся для устройства теплой церкви, такъ и остался неустроеннымъ.

жащаго одною рукой скипетръ и благословляющаго другой; въ мотивахъ складокъ одеждъ, пройденныхъ мѣстами золотомъ, замѣтно желаніе иностраннаго мастера поддѣлаться подъ русскій вкусъ суздальской живописи. Особенно хорошо лицо Богоматери по выраженію необыкновенной кротости и какого-то бо-

Детали архитектуры Строгановской церкви.

жественно-спокойнаго созерцанія; но это не русская Богородица, а католическая мадонна. Всякій посѣтившій хоть разъ Строгановскую церковь не могъ, конечно, не замѣтить этихъ иконъ, рѣзко отличающихся отъ окружающей ихъ обыкновенной иконной живописи своимъ свѣтлымъ колоритомъ; не могъ также не обратить вниманія на замѣчательный рѣзной иконостасъ, верхняя часть котораго, къ сожалѣнію, въ позднѣйшее время замѣнена довольно грубой работой зауряднаго мастера; но,

вѣроятно, многіе, даже и не разъ бывшіе въ Рождественской церкви, не обращали вниманія на замѣчательныя каменныя арабески, украшающія входъ въ холодную церковь, большая часть которыхъ, къ сожалѣнію, закрыта боковыми придѣлами теплой церкви. Навѣрное также многимъ не приходило въ голову взглянуть на великолѣпный карнизъ холодной церкви, между тѣмъ какъ эти арабески и этотъ карнизъ нисколько не уступаютъ по изяществу и красотѣ иконостасу, если еще не превосходятъ его.

После смерти Петра Великаго, въ царствованіе Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны и Елизаветы Петровны въ исторіи нижегородскаго края на первомъ планѣ попрежнему стоитъ пропаганда православія въ средѣ старообрядцевъ и инородцевъ-язычниковъ.

Обращеніе въ христіанство язычниковъ начато было еще въ XV в. св. Макаріемъ Желтоводскимъ, святая подвижническая жизнь котораго привлекла къ нему не однихъ христіанъ, — къ нему толпами ходили язычники: черемисы, татары, мордва, чуваши, и охотно отъ него принимали крещеніе. Послѣ покоренія Казани, на поприщѣ распространенія христіанства среди инородцевъ подвизался Гурій, митрополитъ казанскій, Германъ и Варсонофій. Въ годины бунтовъ и смутъ миссіонерская дѣятельность въ Поволжьѣ прекратилась на время. Въ XVIII столѣтіи подражателемъ Гурія является Питиримъ, который былъ не только борцомъ противъ раскола, но и «ревностнымъ просвѣтителемъ инородцевъ». Особенно же памятно въ исторіи мѣстнаго края обращеніе языческой мордвы нижегородскимъ епископомъ Дмитріемъ Сѣченовымъ, принявшимъ въ 1742 году епархію отъ Іоанна Дубинскаго, преемника Питирима (Іоаннъ управлялъ епархіей только три года). Сѣченовъ, по тогдашнему времени, былъ человѣкомъ вполнѣ образованнымъ; онъ обучался въ Московской славяно-греко-латинской академіи, нѣкоторое время въ ней же былъ преподавателемъ; въ 1735 году, будучи 44 лѣтъ отроду, постригся и черезъ 8 лѣтъ занялъ нижегородскую каѳедру. Его миссіонерская дѣятельность началась еще раньше, когда, въ санѣ архимандрита, онъ былъ посланъ въ Казань, для учрежденія «конторы новокрещенныхъ дѣлъ» [1]); здѣсь имъ

[1]) Въ вѣдѣніе которой вошли, по теперешнему распредѣленію, четыре губерніи: Казанская, Астраханская, Нижегородская и Воронежская, см. изложеніе хода миссіонерскаго дѣла А. Можаровскаго.

въ теченіе 2 лѣтъ было обращено 17.362 иновѣрца. Образъ дѣйствій Дмитрія Сѣченова напоминалъ Питирима; какъ и Питиримъ, онъ нерѣдко прибѣгалъ къ нѣкоторымъ мѣрамъ, которыя можно назвать болѣе чѣмъ рѣшительными, — его обвиняютъ даже въ жестокости. Особенно немилосердно онъ относился къ терюшевской мордвѣ, за что самъ чуть не поплатился жизнью:

Церковь въ с. Гордѣевкѣ (съ фотографіи М. П. Дмитріева.

его чуть не убили послѣ того, какъ было сожжено имъ мордовское кладбище близъ с. Сарлей, — онъ спасся на этотъ разъ только тѣмъ, что все время, пока его разыскивала взбунтовавшаяся мордва, просидѣлъ у одной попадьи въ подвалѣ подъ кадкой [1]) и затѣмъ тайно, окольными путями, пробрался къ Макарьевскому монастырю. Послѣ этого событія, тотчасъ же по

[1]) Примѣчаніе П. И. Мельникова къ «Нижегородкѣ» Гацискаго.

возвращеніи въ Нижній, Сѣченовъ донесъ обо всемъ Святѣйшему Синоду. Началось слѣдственное дѣло: человѣкъ 200 мордвы было посажено въ нижегородскій острогъ, большинство изъ которыхъ были вскорѣ окрещены и отпущены, но, возвратившись на свои пепелища, крещеная въ острогѣ мордва «кресты съ себя посметала, отъ Христовой вѣры отреклась и крещеніе ни во что вмѣнила» [1]). Вскорѣ послѣ того для обращенія мордвы Дмитрій Сѣченовъ отправилъ въ терюшевскую волость военную команду, подъ начальствомъ капитана Шмакова, въ сопровожденіи двухъ иноковъ [2]). Мордва въ испугѣ повсюду бѣжала изъ деревень и пряталась въ лѣсу; иноки, проходя селеніями, видѣли одни пустые дома, впрочемъ, имъ удалось найти и окрестить одну слѣпую мордовку да хвораго парня [3]); вскорѣ и капитану Шмакову посчастливилось переловить до 500 бѣглыхъ, которые тотчасъ же были окрещены [4]). Бунтъ снова готовъ былъ вспыхнуть, но Сѣченовъ не смущался: изъ Нижняго прислано свѣжее подкрѣпленіе. Зимой, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда сильные морозы повыгнали мордву изъ окрестныхъ лѣсовъ къ своимъ избамъ, бунтъ дѣйствительно разгорѣлся; произошла горячая схватка терюханъ съ нижегородскими солдатами; въ помощь Шмакову прислана была новая команда, подъ начальствомъ майора Онора [5]); въ концѣ зимы, близъ Терюшева, произошло сраженіе, мордва была разбита на-голову, 130 человѣкъ захвачено въ плѣнъ [6]). Несмотря на такія болѣе чѣмъ энергичныя дѣйствія, все-таки среди мордвы еще много оставалось некрещеныхъ, полное обращеніе которыхъ Дмитрію Сѣченову стоило еще двухъ лѣтъ подобнаго же «упорнаго труда».

Первые годы царствованія Екатерины II ознаменовались въ мѣстной исторіи посѣщеніемъ императрицей Нижняго-Новгорода во время ея путешествія по Волгѣ на галерѣ «Тверь» въ 1767 году. Въѣздъ ея въ Нижній былъ очень торжественный: говорятъ, что въ Нижнемъ было въ это время такое громадное стеченіе народа, что помѣщенія въ домахъ не хватало, и мно-

---

[1]) «Кузьма, пророкъ мордвы-терюханъ», В. Снѣжневскаго (составлено на основаніи документовъ). «Ист. Вѣст.», октябрь 1892 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же.

[6]) Тамъ же.

гимъ приходилось день и ночь проводить подъ открытымъ небомъ на улицахъ. Съ ранняго утра 20 мая, въ назначенный день пріѣзда императрицы, весь Нижній принялъ праздничный видъ: толпы народа въ нарядныхъ платьяхъ положительно запрудили улицы Нижняго Базара, густо покрывъ откосы окскаго и волжскаго берега; наконецъ, въ 8 часовъ утра, раздался первый сигнальный выстрѣлъ изъ пушки. При громѣ пушекъ, колокольномъ звонѣ, кликахъ народа блестящій кортежъ императрицы [1]) остановился передъ городомъ посрединѣ Волги; Екатерина пересѣла въ шлюпку и подъѣхала къ берегу противъ Соляного двора (гдѣ нынѣ Софроновская площадь); здѣсь

Сафроновская площадь въ Нижнемъ-Новгородѣ въ началѣ прошлаго вѣка.

ее встрѣтили представители города, во главѣ съ губернаторомъ Аршеневскимъ, отсюда, черезъ Ивановскія ворота, императрица въѣхала въ Кремль и прежде всего посѣтила Спасо-Преображенскій соборъ, гдѣ была встрѣчена епископомъ Ѳеофаномъ (Чарнуцкимъ) и соборнымъ духовенствомъ. По окончаніи литургіи Екатерина отправилась въ нарочно для ея пребыванія устроенные покои въ архіерейскомъ домѣ. Свиту императрицы

[1]) Кромѣ галеры «Тверь», на которой ѣхала сама императрица, царскій поѣздъ составляли 11 судовъ, на которыхъ помѣщались свита и служба, вотъ ихъ названія: «Ярославль», «Волга», «Казань», «Угличъ», «Кострома», «Симбирскъ», «Ржевъ», «Владиміръ» «Лама», «Севастьяновка».

составляли фрейлины—Авдотья Полянская и Елизавета Штакельбергъ, графъ Чернышевъ, графы Орловъ и Шуваловъ; императрицѣ сопутствовали члены дипломатическаго корпуса, посланники: австрійскій, прусскій, испанскій, датскій и шведскій.

Екатерина пробыла въ Нижнемъ три дня, осматривала городъ, очень подолгу бесѣдовала съ губернаторомъ о положеніи губерніи. 22 числа она отбыла внизъ по Волгѣ. Въ числѣ представлявшихся Екатеринѣ въ Нижнемъ былъ знаменитый механикъ-самоучка Кулибинъ.

Путешествуя дальше, Екатерина по дорогѣ заѣзжала въ Маракарьевскій монастырь, въ память чего велѣла надъ святыми воротами монастыря повѣсить двуглаваго орла; на другой день посѣтила Васильсурскъ, гдѣ обѣдала у тамошняго дворянина Шипилова [1]).

Между тѣмъ надъ русской землей надвигались грозныя тучи. Въ то время, когда въ Петербургѣ при дворѣ задавались пышные праздники, когда все окружавшее тронъ блистало великолѣпіемъ и все безпечно предавалось упоенію величіемъ и славой своей монархини, льстиво воспѣвая ей диѳирамбы,— въ глухихъ деревняхъ подымалась тревога; начиналось опять почти то же, что и передъ появленіемъ Стеньки Разина. Экономическія условія народнаго быта были такъ же тяжелы, какъ и тогда, если только еще не тяжелѣй. Помѣщичьи крестьяне доведены были до разоренія тяжелыми оброками; положеніе казенныхъ было не лучше вслѣдствіе злоупотребленія чиновниковъ; подымался ропотъ. Въ столицѣ никто не подозрѣвалъ объ этомъ, только одно сердце самой императрицы чуяло недоброе; въ нѣкоторыхъ указахъ своихъ она обращала вниманіе властей на положеніе народа, но мѣръ никакихъ не принималось. Къ вящшему усугубленію подымавшагося волненія еще присоединилась раскольничья интрига. Опять повторилось то же, что и при Стенькѣ Разинѣ: народъ громко ропталъ на бояръ и властей, но къ имени императрицы относился свято, народъ даже надѣялся на нее и ждалъ какихъ-то льготъ; ходили по деревнямъ нарочно пущенные слухи о намѣреніи царицы отобрать крестьянъ отъ тѣхъ помѣщиковъ, которые слишкомъ ихъ притѣсняли. Начались въ разныхъ мѣстахъ бунты.

---

[1]) «Ист. Васильсурскаго уѣзда». Н. Демидова.

Чума, разразившаяся въ Россіи, еще болѣе расшатала непрочный строй государства. Все это разрѣшилось пугачевщиной.

Достойно вниманія, что въ то время, когда Пугачевъ, принявшій на себя имя умершаго императора, подходилъ уже къ Оренбургу, въ Петербургѣ продолжали безпечно веселиться, призадумались только тогда, когда бѣлое знамя Пугачева, съ изображеніемъ раскольничьяго осьмиконечнаго креста, развѣвалось уже подъ Казанью.

Главнымъ полемъ дѣйствій пугачевщины, точно такъ же, какъ и разинскаго бунта, было Поволжье, на которомъ, неза-

Виды Нижняго-Новгорода. Внутри Кремля у Часовой башни близъ памятника Минина и Пожарскаго.

долго до того, точно такъ же, какъ и передъ появленіемъ Разина, особенно усилились разбои.

Вскорѣ послѣ взятія Пугачевымъ Казани, онъ самъ былъ разбитъ; преслѣдуемый графомъ Мелинымъ, онъ переправился на правую сторону Волги, взялъ Цивильскъ и, раздѣливъ остатки своего войска на двѣ половины, однихъ отсюда послалъ къ Алатырю, а другихъ—къ Нижнему. Ужасъ объялъ нижегородцевъ, когда пришла вѣсть о приближеніи пугачевскаго отряда. Дворяне покидали свои помѣстья и бѣжали въ Нижній, толпы бунтующихъ крестьянъ, бродившія по дорогамъ, ихъ пере-

хватывали и расправлялись по-звѣрски. 20 іюля 1774 года былъ взятъ Курмышъ. Пугачевъ уже стоялъ почти на границѣ Нижегородской губерніи за Сурой. Толпы крестьянъ, преимущественно дворовыхъ, убѣгали въ его станъ, грабили и убивали своихъ господъ. Въ Посурьѣ и до сихъ поръ существуетъ пропасть легендъ объ этомъ времени. Много помѣщичьихъ семей искало спасенія въ Нижнемъ. Между тѣмъ воевода нижегородскій Ступишинъ не могъ ручаться за безопасность города, въ письмѣ къ московскому градоначальнику, кн. Волконскому, онъ выра-

Проектъ моста черезъ Неву П. И. Кулибина (по старинной гравюрѣ).

жалъ опасенія даже и относительно Москвы. Волненіе около Нижняго росло, несмотря на всевозможныя мѣры, принятыя Ступишинымъ. Манифесты, разосланные еще минувшею зимой по губерніи, мало дѣйствовали на народъ, опьяненный нелѣпыми обѣщаніями мятежниковъ. Въ концѣ 1773 года около Богородскаго [1]) были пойманы трое мятежниковъ, возбуждавшихъ къ возстанію Березополье, приведены къ Ступишину, который велѣлъ ихъ повѣсить на висѣлицахъ, устроенныхъ на плотахъ, и пустить по теченію Волги мимо приволжскихъ бунтующихъ селъ.

---

[1]) У Рычкова «Опытъ Казанской исторіи»: около с. Фокина на Волгѣ.

Между тѣмъ войска со всѣхъ сторонъ преслѣдовали Пугачева, который метался какъ звѣрь, попавшій въ облаву, быстро переходя съ мѣста на мѣсто. Его голова была уже оцѣнена; плохо довѣрялъ онъ своей мятежной оравѣ; уже не думая о дальнѣйшихъ подвигахъ, онъ заботился лишь о спасеніи своей головы; бросивши свой станъ, онъ кинулся на низовья Волги, разсчитывая тамъ поднять калмыковъ и киргизовъ, а въ случаѣ неудачи спасаться бѣгствомъ въ Персію. Время бѣгства Пугачева, какъ извѣстно, было самое страшное. Это уже было не возстаніе, а дикій разгулъ озвѣрѣлой, крово-

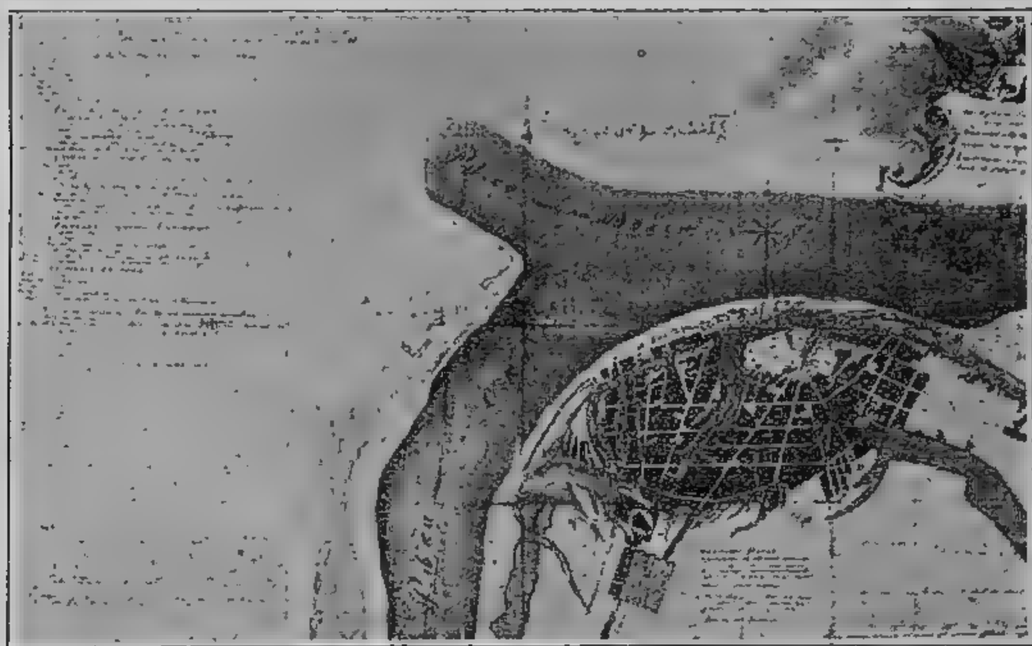
Старый губернаторскій домъ на Б. Покровкѣ (теперь не существующій).

жадной толпы. Поднялось именно то, чему трудно придумать названіе и о чемъ авторъ «Пугачевскаго бунта» сказалъ: «русскій бунтъ безсмысленный и безобразный»; все разбилось на отдѣльныя шайки, въ каждой шайкѣ былъ свой Пугачевъ. Эти полупьяныя шайки грабителей враждовали между собой и дрались изъ-за добычи.

Вскорѣ послѣ поимки и послѣдовавшей затѣмъ казни Пугачева возмущеніе стихло, стихло мало-по-малу и начинавшееся было движеніе нижегородскихъ крестьянъ, благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ Ступишина и его сотрудника, въ дѣлѣ усмиренія мятежа, епископа Антонія Зыбелина. Кончился мятежъ, и наступили тяжелые дни расплаты за него; наступилъ голодъ. Вотъ какъ описываетъ покойный А. С. Гацискій въ своей

«Нижегородкѣ» тяжелое экономическое положеніе народа въ это время: «мертвецы валялись по дорогамъ, голодные бродили, нигдѣ не находя себѣ пристанища, и только немногіе имъ помогали. Такъ, напримѣръ, Саровскій монастырь былъ для Поволжья убѣжищемъ всѣмъ голоднымъ, которые издалека стекались сюда. Въ продолженіе 3 дней 500 голодныхъ были снабжены здѣсь обѣдомъ, чтобы уступить послѣ того мѣсто другимъ пятистамъ голоднымъ».

Пугачевскій бунтъ раскрылъ на многое глаза императрицы: онъ обнаружилъ несостоятельность многихъ сторонъ прежняго порядка управленія, — порядка, при которомъ давался полный

Планъ Нижняго-Новгорода начала прошлаго вѣка.

просторъ всякому произволу, всякимъ злоупотребленіямъ власти. Не одно злоупотребленіе помѣщичьей властью вызвало пугачевскій бунтъ, не одни помѣщичьи крестьяне стонали подъ тяжелымъ ярмомъ крѣпостничества, истощались непосильными оброками и выбивались изъ силъ на обязательныхъ работахъ барщины, — едва ли не хуже было положеніе крестьянъ казенныхъ и монастырскихъ отъ невыносимыхъ притѣсненій, вымогательствъ и поборовъ чиновниковъ и тогдашнихъ духовныхъ властей.

Все, что творилось въ глуши провинцій, вдали отъ столицы, никогда не всплывало наружу, не доходило до свѣдѣнія высшаго правительства или, по крайней мѣрѣ, тщательно скрывалось отъ самой императрицы. При тогдашнемъ порядкѣ управленія была полная возможность скрыть, что угодно, а потому

и дѣлать все, что угодно. Увидавъ изнанку положенія дѣлъ, мудрая въ дѣлахъ внѣшней политики, но мало интересовавшаяся внутреннимъ благоустройствомъ страны, Екатерина невольно ужаснулась и сейчасъ же предприняла энергичныя мѣры къ водворенію внутренняго порядка государства. Едва въ 1774 году былъ подавленъ бунтъ, какъ въ слѣдующемъ году издано новое учрежденіе для управленія губерній.

Еще въ 1708 году Петромъ Великимъ вся Россія была раздѣлена на 8 губерній [1]), при чемъ Нижній причисленъ былъ

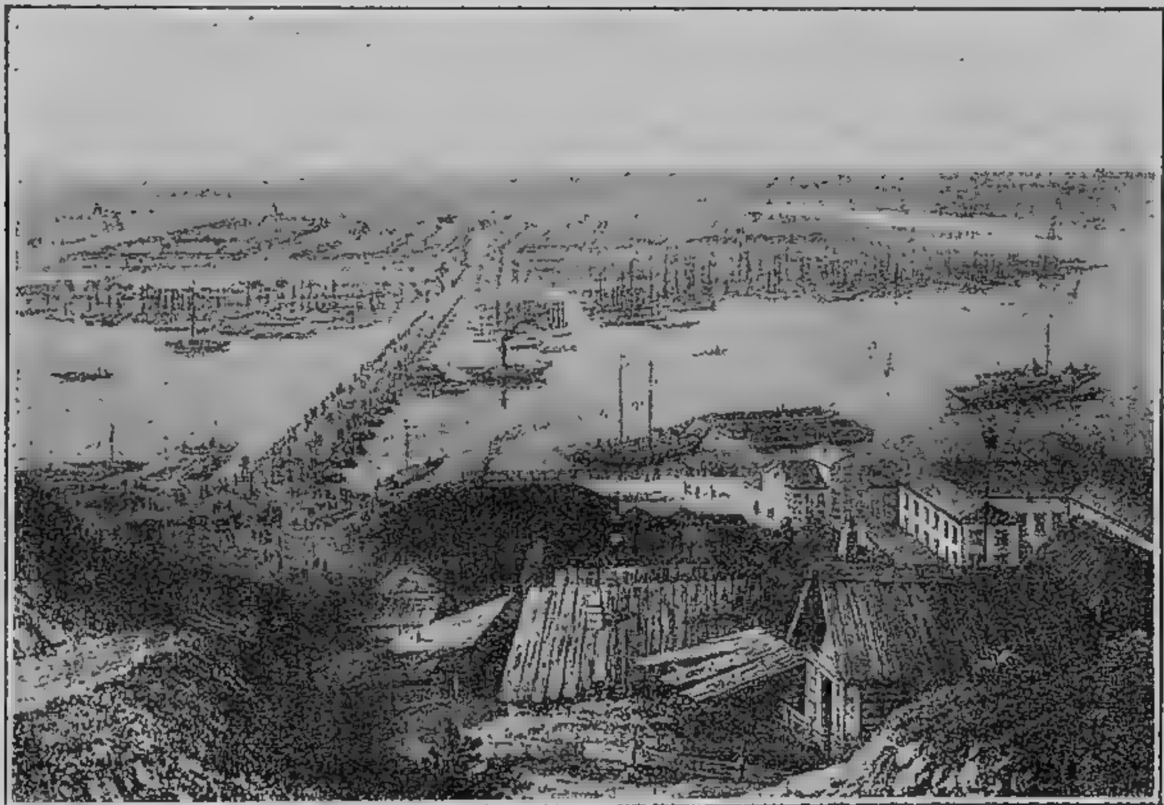
Сцена на Нижегородской ярмаркѣ въ началѣ прошлаго столѣтія.

къ Казанской. Такое распредѣленіе оказалось неудобнымъ: губерніи были слишкомъ велики; по новому распредѣленію Екатерины, каждая губернія должна была заключать въ себѣ не болѣе какъ отъ 300 до 400 тыс. жителей и раздѣляться на уѣзды по 20—30 тыс. жителей; кромѣ того, каждыя двѣ или три губерніи должны были составлять намѣстничество. Указъ о нижегородскомъ намѣстничествѣ былъ изданъ въ сентябрѣ 1779 года, торжественное открытіе котораго было 22 декабря. Окончатель-

[1]) Московскую, Петербургскую, Кіевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую.

ное же введеніе новаго порядка управленія въ нижегородскомъ краѣ совершилось лишь въ январѣ 1780 года; первымъ нижегородскимъ намѣстникомъ былъ сдѣланъ Ступишинъ; первымъ губернаторомъ назначенъ Обуховъ и вице-губернаторомъ при немъ — Запольскій. Но такой порядокъ управленія просуществовалъ недолго, всего 20 лѣтъ[1]), въ 1800 году послѣдовало закрытіе нижегородскаго намѣстничества.

При первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи, Нижегородская область, составляя часть Казанской губерніи, была раздѣлена

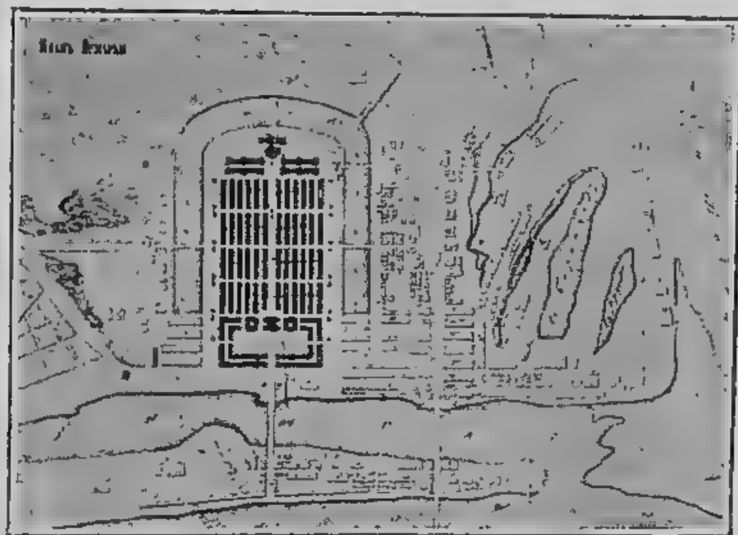
Видъ на Нижегородскую ярмарку въ началѣ прошлаго вѣка.

на три провинціи: Нижегородскую, Арзамасскую и Алатырскую и заключала въ себѣ, кромѣ Нижняго, слѣдующіе города: Балахну, Юрьевецъ-Поволжскій, Арзамасъ, Алатырь, Курмышъ и Ядринъ; при учрежденіи намѣстничества, въ составъ Нижегородской губерніи вошли еще Васильсурскъ, Макарьевъ и вновь образованные изъ экономическихъ селъ: Ардатовъ, Горбатовъ, Княгининъ, Лукояновъ, Перевозъ, Починки, Семеновъ и Сергачъ. Въ 1798 году къ Нижегородской губерніи еще при-

[1]) За все это время было намѣстниковъ трое, послѣ Ступишина, управлявшаго до 1783 года, былъ Ив. Макс. Фонъ-Ребиндеръ, а послѣ него съ 1796 года до упраздненія—Андр. Ив. Вяземскій.

числены Краснослободскъ, Троицкъ и Норовчатскъ, нынѣ уѣздные города Пензенской губ. Вскорѣ послѣ того Макарьевъ, Перевозъ, Починки, Сергачъ, Троицкъ и Норовчатскъ оставлены были за штатомъ, а въ 1802 году Краснослободскъ, Троицкъ и Норовчатскъ причислены къ Пензенской губерніи, Ядринъ—къ Казанской, Курмышъ и Алатырь—къ Симбирской. Въ 1804 году упраздненные Макарьевъ и Сергачъ снова возобновлены.

Такъ образовалось 11 уѣздовъ, и Нижегородская губернія вступила въ тѣ предѣлы, которые сохранились и до сего времени. Съ тѣхъ поръ никакихъ существенныхъ перемѣнъ во внутреннемъ порядкѣ распредѣленія губерніи не было за исключеніемъ маленькаго временнаго измѣненія: въ 1817 году г. Лукояновъ сгорѣлъ до тла, былъ упраздненъ и на мѣсто его образованъ новый городъ Мадаевъ [1]) и уѣздъ назывался Мадаевскимъ, но въ 1820 году Лукояновъ снова былъ возобновленъ [2]).

Планъ ярмарки Нижегородской въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

Давно утратившій свое прежнее значеніе, давно сошедшій съ арены исторической жизни государства, Н.-Новгородъ съ начала XIX вѣка пріобрѣтаетъ новое значеніе одного изъ величайшихъ въ Россіи торговыхъ пунктовъ,—пріобрѣтаетъ онъ это значеніе съ тѣхъ поръ, какъ въ 1817 году сюда переведена была Макарьевская ярмарка.

Съ тѣхъ поръ, какъ ярмарка офиціально была учреждена у Макарьевскаго монастыря, торговля ея съ каждымъ годомъ быстро развивалась, въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ макарьевскій торгъ развился до того, что сталъ однимъ изъ крупнѣйшихъ въ Московскомъ государствѣ. Въ началѣ царствованія Петра Великаго, его наставникъ Зотовъ, посѣтившій Макарьевскую ярмарку, въ письмѣ къ царю называлъ ее «зело великимъ сходбищемъ, о которомъ думать всегда надлежитъ».

---

[1]) До того, какъ и нынѣ, село Мадаево, Лукояновскаго уѣзда, Нижег. губ.
[2]) См. списки населенныхъ мѣстъ Россійской имп.

Въ 1804 году для управленія ярмаркой была учреждена ярмарочная контора. Въ это время уже два года какъ возводились у Макарія новые обширные корпуса гостинаго двора; постройка его, стоившая казнѣ 679.426 рублей, была окончена въ 1810 году.

Недолго, однако, суждено было ярмаркѣ послѣ того существовать у Макарьевскаго монастыря. Съ расширеніемъ торговли стали обнаруживаться разныя неудобства изстари насиженнаго мѣста. Не мало обходился казнѣ одинъ ремонтъ зданій, подвер-

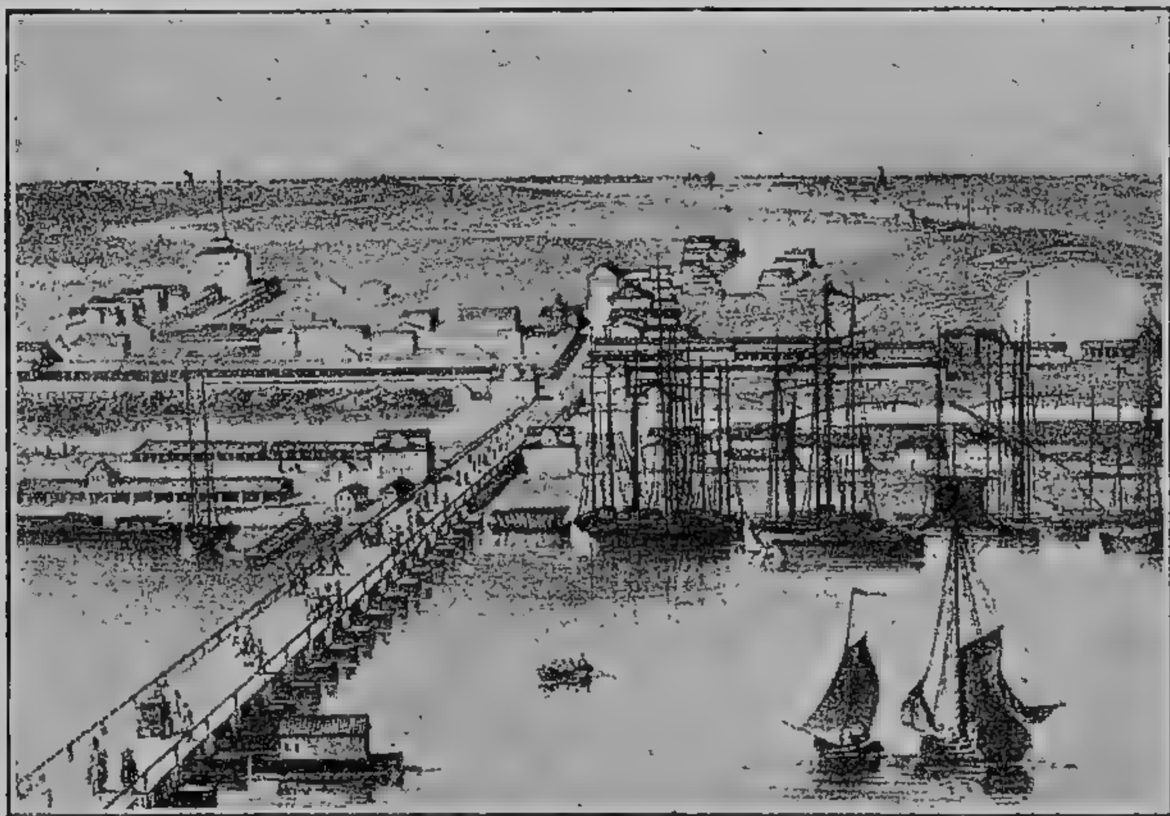

Старый Главный ярмарочный домъ.

гавшихся ежегодно значительнымъ поврежденіямъ отъ весеннихъ разливовъ, наконецъ, тѣснота заставила часть ярмарки перейти на другой берегъ Волги на землю, принадлежащую частному владѣльцу, князю Грузинскому. Такимъ образомъ ярмарка раздѣлилась на двѣ части, черезъ Волгу переправлялись въ лодкахъ, перевозъ держалъ монастырь, сохранившій за собой до конца это единственное право.

Не мало затрудненія представлялось и при перевозкѣ грузовъ по сыпучему песку лугового берега. Наконецъ Волга, начавшая съ конца XVII столѣтія въ этомъ мѣстѣ измѣнять свое теченіе, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе подымала Макарьевскій берегъ, еще болѣе стѣсняя мѣсто торга. На все это въ

высшихъ правительственныхъ сферахъ было обращено серьезное вниманіе. Въ 1816 г. къ Макарію пріѣзжалъ государственный канцлеръ гр. Румянцевъ, которому лично на мѣстѣ пришлось убѣдиться въ важности всѣхъ этихъ неудобствъ. Онъ предложилъ купечеству перевести ярмарку въ другое болѣе удобное мѣсто, именно къ Нижнему, но купечество наотрѣзъ отказалось, особенно сильно протестовали противъ перевода ярмарки московскіе и ярославскіе купцы, и вопросъ остался открытымъ. Между тѣмъ осуществленію высшихъ правительственныхъ пред-

Нижегородская ярмарка въ началѣ ея развитія у Н.-Новгорода.

начертаній помогъ услужливый случай. Только что въ этомъ году окончилась ярмарка, только что съ ея территоріи уѣхалъ послѣдній купецъ, какъ въ ночь на 18 августа среди ярмарочныхъ зданій вспыхнулъ пожаръ; какъ говорятъ, огонь показался сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ разныхъ противоположныхъ концовъ, когда же жители города Макарьева бросились было па помощь, то увидали будто бы всю территорію ярмарки окруженной казаками, не пускавшими народъ къ мѣсту пожара. Вся ярмарка вмѣстѣ съ только что 6 лѣтъ назадъ отстроенными зданіями сгорѣла до тла, осталось только два обгорѣвшихъ каменныхъ корпуса. Тогда окончательно было рѣшено перевести ярмарку въ Нижній.

По первоначальному проекту графа Румянцева ярмарку предложено было устроить на нагорномъ берегу Волги, около Нижняго въ началѣ казанскаго тракта около села Печеръ, но выборъ этого мѣста былъ неудаченъ, — если у Макарьевскаго монастыря однимъ изъ главныхъ неудобствъ было слишкомъ низменное положеніе берега, то мѣсто, избранное Румянцевымъ, представляло другую крайность, — оно было слишкомъ высоко для подъема грузовъ и слишкомъ далеко отъ воды, что представляло страшное неудобство въ противопожарномъ отношеніи; составлена была

На ярмарочномъ плошкоутномъ мосту въ первой половинѣ прошлаго вѣка.

смѣта, по которой оказалось, что на одно снабженіе ярмарки водой потребуются настолько громадныя средства, что правительство наотрѣзъ отказалось принять этотъ неудобный проектъ. Тогда для ярмарки избрано было другое мѣсто на луговой сторонѣ Оки противъ города, близъ Кунавинской слободы, т.-е. то самое мѣсто, гдѣ она происходила еще задолго до возникновенія Макарьевскаго торга, еще въ XVI вѣкѣ, какъ это видно изъ одного лѣтописнаго сказанія, гдѣ повѣствуется о «шалостяхъ» новгородской вольницы, побившей гостей, пріѣхавшихъ сюда торговать.

Въ слѣдующемъ 1817 году предложено купцамъ поторговать одну ярмарку на указанномъ мѣстѣ, для пробы во вре-

менныхъ балаганахъ, а на слѣдующій годъ уже приступили къ построенію здѣсь каменнаго ярмарочнаго гостинаго двора. Такимъ образомъ слишкомъ черезъ четыре столѣтія ярмарка возвратилась на свое прежнее мѣсто — на «Балаханскую стрѣльницу» къ устью Оки.

Работы по сооруженію ярмарочныхъ зданій поручены были извѣстному инженеру Бетанкуру. Работы эти, начатыя въ 1818 году и оконченныя въ 1824, стоили правительству 11.000.000 ассигнаціями, т.-е. около 3.130.000 руб. серебромъ.

Новый ярмарочный Главный домъ.

Гостиный дворъ, построенный Бетанкуромъ, состоялъ изъ 60 корпусовъ, лавокъ, Главнаго дома, кромѣ того, имъ же былъ построенъ, хотя и по проекту Манферона, ярмарочный соборъ: все это окружено каналомъ, теперь частью зарытымъ. Внѣ канала имъ же были выстроены въ правильной симметріи относительно гостинаго двора по обѣимъ сторонамъ его: съ одной стороны армянская церковь, съ другой — магометанская мечеть. Какъ ни обширно было пространство, занимаемое гостинымъ дворомъ, но съ расширеніемъ торговли и его не стало хватать; мало-по-малу начали строиться по обѣ стороны канала внѣ черты гостинаго двора; постройки возводились деревянныя, которыя часто го-

рѣли, — особенно памятны пожары 1837 и 1838 годовъ, когда всѣ деревянныя постройки выгорѣли до тла.

Несмотря на предложенiе со стороны правительства выгодныхъ условiй для занятiя мѣстъ подъ постройку каменныхъ зданiй, ярмарка внѣ Бетанкуровскаго канала все продолжала оставаться деревянной, наконецъ, послѣ громаднаго пожара въ 1864 году купечество серьезно возбудило вопросъ о постройкѣ каменныхъ зданiй. Однако и послѣ того почти въ теченiе 20 лѣтъ

Балаганы на Пескахъ (ярмарка).

до 1873 года, большинство построекъ оставалось деревянными. Только съ этого года всѣ деревянныя зданiя стали мало-по-малу замѣняться каменными. Въ 1866 году ярмарочному купечеству предоставлено право избирать особыхъ уполномоченныхъ для обсужденiя разныхъ вопросовъ, касающихся торговли. Въ первые же годы собранiемъ уполномоченныхъ было возбуждено ходатайство передъ правительствомъ о передачѣ принадлежащихъ казнѣ торговыхъ помѣщенiй гостинаго двора въ вѣдѣнiе ярмарочнаго купечества. Высочайшее утвержденiе объ уступкѣ гостинаго двора въ собственность торговцевъ послѣдовало въ 1874

году. Къ 1887 году всѣ торговыя помѣщенія, за исключеніемъ находившихся подъ Главнымъ домомъ, перешли въ частную собственность Биржевого Комитета, а въ слѣдующемъ году состоялась передача и Главнаго дома съ флигелями. Старый Главный домъ, построенный Бетанкуромъ и предназначенный для помѣщенія квартиры губернатора и разныхъ правительственныхъ учрежденій, къ этому времени пришелъ въ такую ветхость, что грозилъ разрушеніемъ и уже года два какъ былъ закрытъ. По

Мѣсто, гдѣ теперь стоитъ городской Нижегородскій театръ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ началѣ 70-хъ годовъ (съ фотографіи Карелина).

иниціативѣ тогдашняго нижегородскаго губернатора Н. М. Баранова рѣшено было разобрать обветшавшіе корпуса и на мѣстѣ ихъ возвести новое зданіе. Это одно изъ значительнѣйшихъ сооруженій послѣдняго времени въ Россіи, возникшее во время губернаторства Н. М. Баранова и частью по его почину, можетъ служить какъ бы памятникомъ пятнадцатилѣтняго его управленія губерніей. Всѣ эти 15 лѣтъ даровитый администраторъ и замѣчательный по своей энергіи человѣкъ посвятилъ неусыпнымъ трудамъ, главнымъ образомъ, по благоустройству ярмарки,

которая дѣйствительно при немъ преобразилась; послѣ многихъ лѣтъ изумительной распущенности въ ней водворенъ образцовый порядокъ; безпрестанные пожары, то и дѣло истреблявшіе всю деревянную часть ярмарки, постоянные грабежи и даже убійства, составлявшіе нѣчто почти неразлучное съ обычнымъ до того строемъ разгульной ярмарочной жизни, положительно отошли въ область преданій. За эти же 15 лѣтъ управленія Н. М. Баранова и торговые обороты ярмарки достигли высшей точки развитія, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ дошедшіе почти до 300 милліоновъ [1]); съ этого времени, впрочемъ, начинается замѣтный упадокъ, чему частью способствуютъ и разныя экономическія причины, главнымъ образомъ, цѣлый рядъ недородовъ хлѣба.

Въ настоящее время при развитіи желѣзнодорожной сѣти ярмарка годъ отъ году утрачиваетъ свое значеніе вообще, а значеніе ея какъ складочнаго пункта давнымъ-давно утратилось для большинства товаровъ; давно торговцы перестали свозить, какъ бывало прежде, весь наличный заготовленный товаръ на Макарьевскую къ Нижнему и привозятъ теперь лишь образцы; съ недавнихъ же поръ нѣкоторыя крупныя фирмы [2]) и вовсе перестали выѣзжать на ярмарку, находя болѣе выгоднымъ для себя, при удобствахъ сообщенія, отправлять свой товаръ прямо съ мѣста заготовки, со своихъ заводовъ, непосредственно на мѣста спроса.

Благодаря своей ярмаркѣ, Нижній изстари пріобрѣлъ значеніе важнѣйшаго въ государствѣ внутренняго порта, куда и до сихъ поръ ежегодно съѣзжаются торговые люди со всѣхъ концовъ Россіи, съ востока и частью изъ Западной Европы (какъ, напримѣръ, изъ Лейпцига). Покойный императоръ Александръ III Нижній-Новгородъ нашелъ удобнѣйшимъ мѣстомъ для послѣдней Всероссійской художественно-промышленной выставки, которая и была открыта въ 1896 году рядомъ съ ярмарочной территоріей. Всероссійская выставка оказала свое вліяніе на благоустройство города. Къ этому времени городъ преобразился, по главнымъ улицамъ проведенъ электрическій трамвай, устроено два элеватора для подъема въ гору—сооруженіе, весьма важное по топографскимъ условіямъ мѣстности. Эти элеваторы соединяютъ двѣ части города, такъ называемый Нижній Базаръ съ Верх-

---

[1]) Съ одними товарами, кромѣ банковыхъ оборотовъ.

[2]) Желѣзнаго рынка.

нимъ Базаромъ. Къ 1903 году была окончена и открыта новая линія желѣзной дороги, пересѣкающая всю нагорную часть губерніи — такъ называемая Ромодановская вѣтвь, Московско-Казанской желѣзной дороги.

Грозныя тучи революціоннаго движенія, пронесшіяся надъ русской землей, омрачили мирное теченіе жизни и нижегородскаго Поволжья. Первымъ предзнаменованіемъ близкой бури былъ рядъ забастовокъ на нѣкоторыхъ мѣстныхъ заводахъ и фабрикахъ и прежде всего на большомъ машинно-строительномъ заводѣ въ с. Сормовѣ, Балахнинскаго уѣзда, гдѣ забастовки эти сопровождались довольно бурными волненіями рабочихъ. Впрочемъ, дни повсемѣстныхъ смутъ въ Россіи для Нижняго прошли сравнительно спокойно.

Этнографическій очеркъ нижегородскаго края.

ГЛАВА I.

Въ этнографическомъ отношеніи нижегородскій край представляетъ много интереснаго. Кромѣ русскаго населенія, наполовину состоящаго изъ обрусѣвшихъ инородцевъ, преимущественно мордвы, въ разныхъ углахъ Нижегородской губерніи живетъ еще не мало инородцевъ и сохранившихъ свои національныя черты, но прежде, чѣмъ приступить къ этнографическому обзору края, слѣдуетъ взглянуть, изъ какихъ элементовъ составилось мѣстное населеніе. Изъ историческаго очерка мы уже знаемъ, что коренными, исконными обитателями нижегородскаго Поволжья были: мордва, занимавшая большую часть пространства теперешней Нижегородской губерніи, затѣмъ черемисы, жившіе у устья Суры, и племя мещеряковъ, обитавшихъ по побережью Оки, въ предѣлахъ теперешняго Горбатовскаго уѣзда. Съ начала XIII столѣтія у устья Оки появляются первыя поселенія русскихъ и вслѣдъ за тѣмъ вскорѣ послѣ Батыева нашествія въ юго-восточной части губерніи поселяются татары. Съ XIV столѣтія, какъ мы уже знаемъ, заселеніе края русскими особенно усилилось, когда, по призыву великаго князя Константина Васильевича, сюда стали стекаться переселенцы изъ Суздальскаго и другихъ княжествъ. Два раза, при Иванѣ III и затѣмъ при Иванѣ IV, среди смѣшаннаго населенія нижегородскаго края были поселяемы новгородцы. Наконецъ послѣ покоренія Казани, когда началось повсемѣстное заселеніе края русскими, сюда опять стекались пришельцы изъ разныхъ концовъ тогдашней Россіи.

Въ началѣ XVII столѣтія, во время первыхъ раскольничьихъ движеній, стала заселяться лѣсная заволжская сторона и опять разными выходцами, преимущественно бѣглецами изъ сѣверной и сѣверо-западной Россіи. Въ это же время, при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ нынѣшній Лукояновскій уѣздъ была поселена

литва (см. ниже). Далѣе, въ болѣе позднія времена, съ усиленіемъ крѣпостного права, по волѣ помѣщиковъ, сюда переселялись крестьяне изъ разныхъ губерній, преимущественно въ уѣзды Васильскій, Сергачскій и Лукояновскій.

Такимъ образомъ населеніе Нижегородской губерніи представляетъ изъ себя необыкновенную смѣсь племенныхъ началъ, и немудрено, что знаменитый составитель словаря областныхъ нарѣчій В. И. Даль, по словамъ П. И. Мельникова [1]), нигдѣ, за исключеніемъ военныхъ походовъ, не имѣлъ возможности собрать такого громаднаго матеріала для географическихъ указаній распространенія разныхъ говоровъ, какъ въ Нижегородской губерніи [2]). «Нижегородская губернія, — говоритъ Мельниковъ [3]), — въ этомъ отношеніи представляетъ замѣчательное разнообразіе. Въ ней, какъ, впрочемъ, и вездѣ, по говорамъ можно добраться до историческаго, такъ сказать, наслоенія народностей, т.-е. можно замѣтить, гдѣ остались первобытные русскіе насельники, гдѣ поселились новгородцы, сѣверяне, бѣлоруссы и проч., гдѣ живетъ русское нынѣ племя, бывшее прежде, въ однихъ мѣстахъ мордвою, въ другихъ горною черемисою, въ третьихъ черемисою луговою». Въ выговорѣ разныхъ мѣстностей Нижегородской губерніи вы встрѣтите и бѣлорусско-литовское цоканье и слѣды новгородскаго нарѣчія и чисто-московскаго произношенія, съ замѣною въ нѣкоторыхъ случаяхъ буквы *к* буквою *т*.

Такъ, напримѣръ, отличительное свойство выговора Балахнинскаго уѣда (Катунской волости) заключается въ произношеніи сильно на о, съ употребленіемъ усѣченныхъ окончаній, напр., съ образамъ, съ дровамъ вмѣсто: съ образами, съ дровами, и замѣною въ нѣкоторыхъ случаяхъ буквы *н* буквою *м*, напр., вмѣсто нравъ говорятъ мравъ. Кромѣ того, у балаханцевъ въ ходу особыя выраженія и слова: вмѣсто что они говорятъ асе, когда-то — голомя, трудъ — маята, щеголеватый — баской, просить — кучиться и проч. Это нарѣчіе присуще вообще Заволжью, особенно употребленіе усѣченныхъ окончаній.

Въ сѣверной части Семеновскаго уѣзда и въ особенности въ приветлужской части Макарьевскаго слишкомъ замѣтны слѣды вятскаго нарѣчія: говорятъ нараспѣвъ, буквы *ц* и *ч* замѣняютъ

---

[1]) Воспоминанія о Владимирѣ Ивановичѣ Далѣ П. И. Мельникова.

[2]) Во время своего десятилѣтняго пребыванія въ Н.-Новгородѣ, гдѣ онъ служилъ управляющимъ удѣльной конторы.

[3]) Воспоминанія о Владимирѣ Ивановичѣ Далѣ.

одну другой, вмѣсто *а* произносится *я*, напр., чярь, отечь вмѣсто царь, отецъ; цорный вмѣсто черный, целовѣкъ вмѣсто человѣкъ; въ произношеніи словъ измѣняютъ удареніе, говорятъ ко́церга вмѣсто кочерга̀, куша́ть вмѣсто кушать, лечь—полеци, употребляютъ нѣкоторыя особенныя слова, напр., окотляниться—окоченѣть отъ холода, стегчи — пріобрѣсти, добыть, куфтырь — узелъ и пр.

Въ Нижегородской губерніи довольно рѣзки слѣды новгородскаго нарѣчія, которые замѣтны въ выговорѣ нѣкоторыхъ мѣстъ Ардатовскаго, Балахнинскаго, Княгининскаго уѣздовъ; особенно же отличается своеобразностью выговоръ восточной части Лукояновскаго уѣзда, заселенный особымъ племенемъ, которое окрестное великорусское населеніе зоветъ будаками или панами (рѣже поляками и литвой). Это именно тѣ самые литовцы, которые были переселены сюда при Алексѣѣ Михайловичѣ. Долгое время эти лукояновскіе паны, кромѣ нарѣчія, рѣзко отличающіеся даже и костюмомъ, составляли для многихъ загадку. Племенное происхожденіе ихъ было открыто въ 1853 году В. И. Далемъ и П. И. Мельниковымъ. По особенностямъ выговора, Даль узналъ въ нихъ такъ называемую мензелинскую шляхту и просилъ Мельникова порыться въ архивахъ. «Архивы, — пишетъ Мельниковъ [1], — тогда были въ моихъ рукахъ. Порылись и нашли, что въ XVII столѣтіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ нынѣшнемъ Лукояновскомъ уѣздѣ, равно какъ и въ Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ, была поселена литва, т.-е. собственно бѣлоруссы». Отличительная черта выговора лукояновскихъ будаковъ — это дзяканье, затѣмъ замѣна *о* и *в* и иногда *л* звукомъ *у*, который, къ тому же, почти всегда слѣдуетъ за *а*; они произносятъ также предлогъ *съ* какъ *зъ*; двугласныя *ѣ*, *я*, *ю* обращаютъ въ твердыя гласныя *а*, *у*; измѣняютъ буквы *к*, *г*, въ нѣкоторыхъ словахъ, въ *з* и *ц*, говорятъ ваулкъ, вмѣсто волкъ, дзядя вмѣсто дядя, трабуха вмѣсто требуха; говорятъ кручекъ (крючекъ), лгецъ (лжетъ), іонъ (онъ), хвистъ (хвостъ) и пр.

Всего чище выговоръ Нижегородскаго уѣзда (ближайшей его части къ губернскому городу) и вообще всего прибережья Волги (нагорной стороны), но въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ ходу употребленіе нѣкоторыхъ словъ, заимствованныхъ у инородцевъ: вмѣсто ѣсть иногда говорятъ ашать, сосѣдъ — шаберъ и др.

---

[1]) Воспоминанія о Влад. Ив. Далѣ.

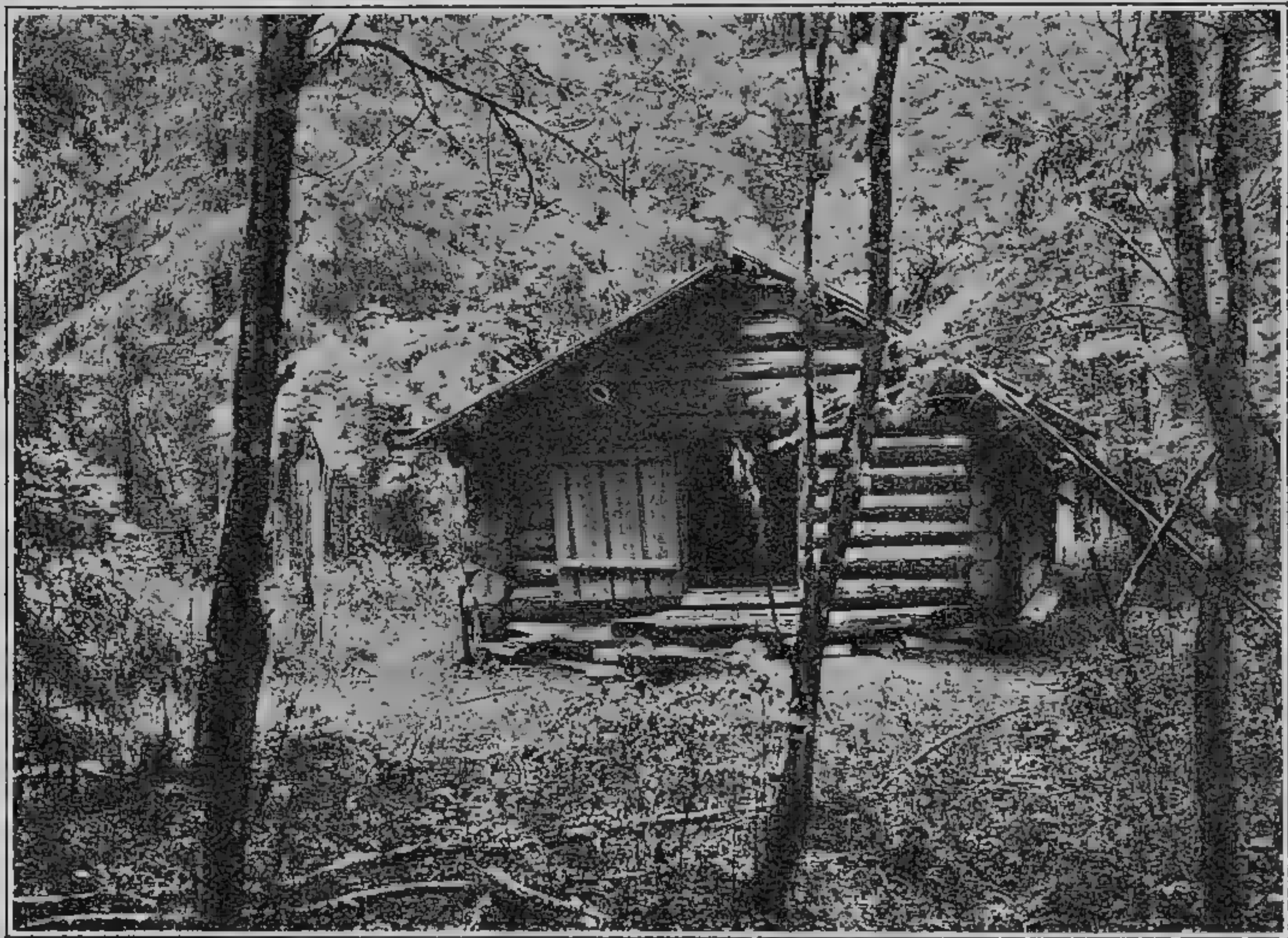
Насколько разнообразны говоры, настолько же разнообразны и бытовыя черты мѣстнаго населенія. Теченіемъ Оки и Волги Нижегородская губернія дѣлится на двѣ неравныя части, большую часть составляетъ нагорная сторона, правая по теченію рѣкъ, меньшую — зарѣчная, луговая. Обѣ эти части довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга не только характеромъ мѣстности, свойствомъ почвы, но даже отчасти и климатомъ. На ряду съ этимъ, мы видимъ разницу и въ бытовыхъ чертахъ самаго населенія той и другой стороны. Нагорная сторона представляетъ изъ себя слегка холмистую поверхность, отличающуюся замѣчательнымъ разнообразіемъ почвъ, а также и внѣшняго вида, ландшафта, — между тѣмъ луговая сторона — гладкая, какъ разостланная скатерть — состоитъ изъ малоплодородной земли, почва ея или песчаная или болотистая; равнину Заволжья, мѣстами на довольно большія пространства, покрываютъ лѣса. Какъ бы въ подтвержденіе старой истины, высказанной еще Боклемъ, что характеръ мѣстности имѣетъ вліяніе на характеръ ея обитателей, рядомъ съ разнообразіемъ внѣшняго вида нагорной стороны мы видимъ разнообразіе и племенныхъ и бытовыхъ чертъ ея населенія. Это разнообразіе обусловливается, впрочемъ, также и тѣмъ, что здѣсь, среди мѣстнаго великорусскаго населенія живутъ инородцы, состоящіе изъ трехъ родственныхъ между собою племенъ; между тѣмъ какъ въ луговой сторонѣ живутъ исключительно великоруссы, и только небольшая часть Васильскаго и Макарьевскаго уѣздовъ заселена черемисами. Житель нагорной стороны отличается большей расторопностью, смышленностью, предпріимчивостью, наоборотъ, заволжанинъ нѣсколько диковатъ, онъ не такъ боекъ, даже на видъ какъ-то болѣе хилъ и невзраченъ, онъ и угрюмъ немного. Вѣчное невозмутимое спокойствіе, вѣчное однообразіе окружающихъ его хвойныхъ лѣсовъ, ихъ мрачный видъ и унылый шумъ, похожій на шумъ моря въ ненастье, непроглядныя дремучія сѣни этихъ лѣсовъ, полныя таинственныхъ призраковъ, невольно внушающія какой-то безотчетный трепетъ, должны были оказать сильное вліяніе на умственный складъ и характеръ обитателей, и дѣйствительно, заволжанинъ болѣе склоненъ къ сосредоточенности, самоуглубленію; его міросозерцаніе полно сказочныхъ грезъ, суевѣрій и даже какого-то мистицизма. Здѣсь что ни шагъ, то какое-нибудь преданіе или легенда. «Здѣсь укажутъ вамъ,—пишетъ Андрей Печерскій въ своихъ «Въ лѣсахъ»,—и мѣсто невидимаго

града Китижа на озерѣ Свѣтломъ-Ярѣ, цѣлъ тотъ градъ и до сихъ поръ съ бѣлокаменными стѣнами, златоверхими церквами»... Совсѣмъ не то на горахъ. Болѣе расторопному, болѣе практичному жителю нагорной страны какъ будто недосугъ углубляться въ мечтательность, онъ болѣе прозаикъ. Легенды и преданія нагорной стороны отличаются большей положительностью, большой опредѣленностью, въ нихъ нѣтъ той поэтической туманности, которой отличаются легенды Заволжья. Здѣсь разскажутъ вамъ, какъ шелъ подъ Казань царь Иванъ Васильевичъ Грозный, какъ велъ его лѣсомъ дремучимъ мордвинъ, какъ спасла его заблудившагося въ лѣсу у берега рѣки Чики русская дѣвушка. Въ присурскомъ краѣ разскажутъ, пожалуй, о Пугачевѣ, кой-гдѣ можно услышать смутныя преданія и о Стенькѣ Разинѣ; разскажутъ вамъ, наконецъ, о томъ, какъ стояла на берегу р. Пьяны церковь да провалилась въ землю, при чемъ укажутъ и мѣсто провала — глубокое бездонное озеро, но вы не услышите здѣсь того, что, напримѣръ, говорятъ за Волгой о Васильской церкви: не просто сползла она въ рѣку, вмѣстѣ съ обваломъ горнаго берега, — нѣтъ, съ колокольнымъ звономъ, съ громкимъ пѣніемъ церковнаго клира, двинулась онъ съ горы вослѣдъ крестному ходу, на воздусѣхъ неслась передъ ней икона святаго Варѳоломея, разступились передъ ней Волга и ушла та церковь далеко отъ грѣшныхъ васильцевъ, ушла за Волгу, стала въ глуши лѣсной надъ озеромъ Нестіаромъ и скрылась отъ взоровъ человѣческихъ [1]). Разсказы и преданія нагорной стороны передъ вами, быть-можетъ, живо нарисуютъ картину сѣдой старины, но они не околдуютъ васъ, не заворожатъ вашего воображенія, какъ легенды старообрядческаго Заволжья, полныя тихой грусти, тоски по временамъ стародавнимъ древляго благочестія, чаянія грядущаго свѣтлаго, тихаго и мирнаго житія подъ сѣнью «истинной церкви» Христовой, когда восторжествуетъ «старая вѣра», откроются невидимые грады и возликуютъ «праведные», «гонимые нынѣ за вѣру».

Самый интересный уголокъ нижегородскаго Поволжья—это заволжская сторона. Лѣсныя пространства, кой-гдѣ уцѣлѣвшія по луговой сторонѣ средняго и низоваго Поволжья, зовутся «раменьями», т.-е. предлѣсьями, опушками настоящихъ дрему-

[1]) Это одна изъ самыхъ распространенныхъ и самыхъ любимыхъ раскольничьихъ легендъ Заволжья, передана художественно въ разсказѣ Андрея Печерскаго «Въ лѣсахъ».

чихъ лѣсовъ. Эти лѣса, когда-то почти вплоть подходившіе къ самой Волгѣ, теперь давно отступили отъ ея береговъ на десятки верстъ въ глубь равнины, и по самому побережью о нихъ нынче нѣтъ и помину. Вятскій почтовый трактъ, начинающійся отъ приволжскаго с. Боръ и перерѣзывающій весь Семеновскій уѣздъ вплоть до границы Костромской губерніи, когда-то пролегалъ сплошными лѣсами, а теперь верстъ на пятьдесятъ слишкомъ, почти до самаго Семенова, съ обѣихъ сторонъ пу-

Могила старца Арсенія въ заволжскихъ лѣсахъ (съ фотографіи М. П. Дмитріева).

стыя равнины и только кой-гдѣ встрѣчаются перелѣсками молодыя, новыя поросли; лишь верстъ 15—20 не доѣзжая Семенова, дорога вступаетъ въ густой старый лѣсъ, и затѣмъ снова гладь почти до самой границы Варнавинскаго уѣзда, Костромской губерніи. Однако чѣмъ больше вы удаляетесь отъ берега Волги, тѣмъ все болѣе и болѣе пахнетъ глушью, а какъ только начинаете приближаться къ берегамъ Ветлуги, глушь васъ начинаетъ охватывать чувствительнѣе и, наконецъ, когда попависнутъ надъ вашей головой сѣдыя лапы старыхъ елей, когда

обступятъ со всѣхъ сторонъ покрытые мхомъ вѣковые стволы, да пахнетъ въ лицо сыростью, пропитанной смольнымъ запахомъ — вы почувствуете себя какъ будто оторваннымъ отъ остального міра, — міра кипучей, суетливой, дѣятельной жизни. Подъ сѣнью дремлющаго лѣса — тишь, безмолвіе и покой...

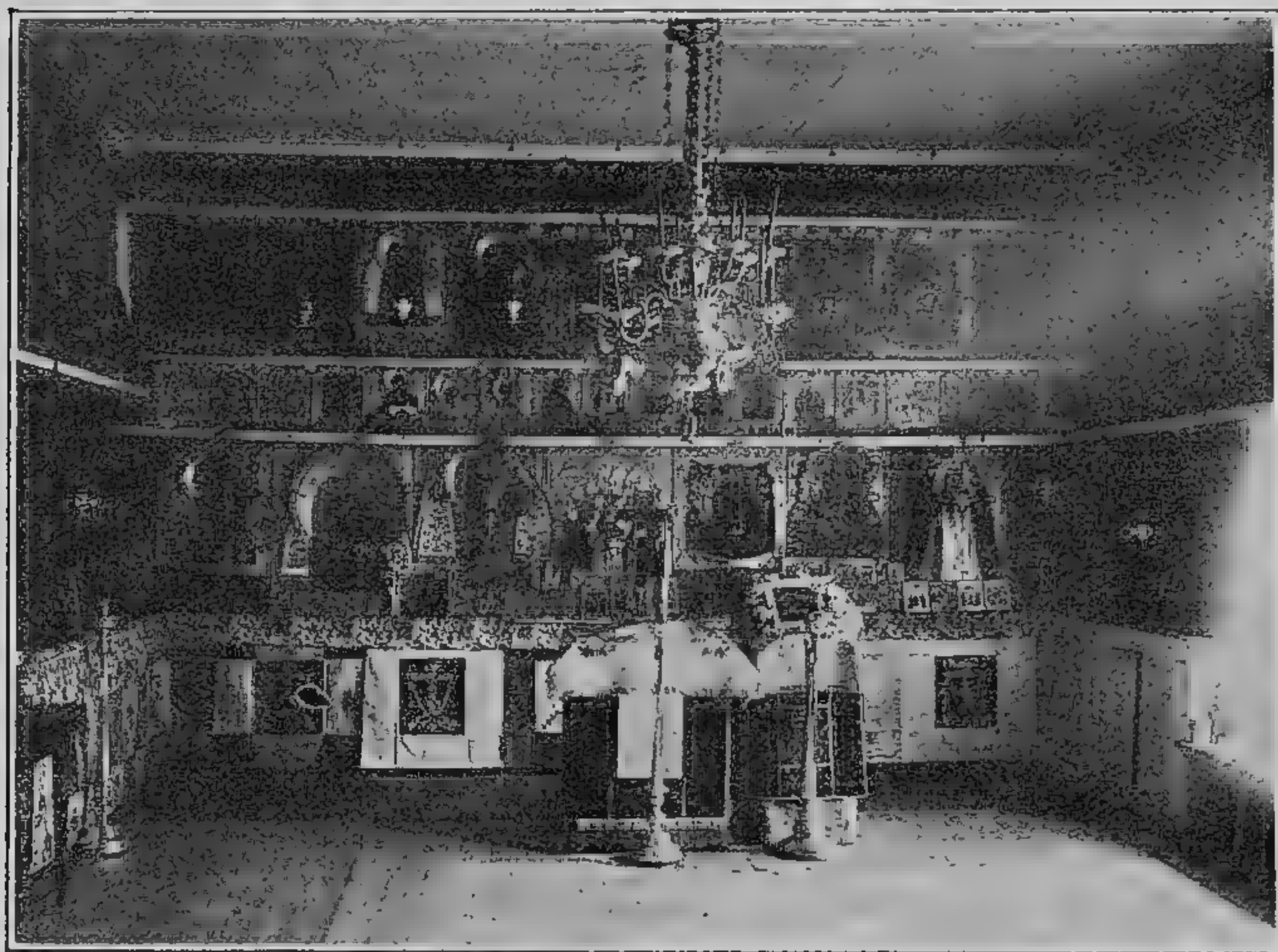
Болѣе обширныя лѣсистыя пространства начинаются съ побережья Ветлуги и далѣе соединяются съ лѣсами Вятской и Вологодской губерній. Въ Поветлужьѣ есть весьма крупныя владѣльческія дачи по нѣскольку десятковъ тысячъ десятинъ, нерѣдко въ одной межѣ. Еще глуше становится, когда переправишься черезъ Ветлугу. Здѣсь даже и селенія рѣдки, а живутъ по преимуществу луговые черемисы.

Споконъ вѣка лѣса Заволжья служили пріютомъ для всего, что укрывалось отъ людского ока. Съ давныхъ поръ, рядомъ съ лютыми звѣрями, ютился здѣсь и человѣкъ. Стекались сюда когда-то люди разнаго званія, спасаясь отъ «гоненія» за содержаніе древле-благочестивыхъ обычаевъ; убоясь «новинъ», «премѣнъ» и «отставленій», шли сюда по слѣдамъ первыхъ бѣглецовъ, пришедшихъ сюда лѣтъ 250 назадъ, какъ Салтыковъ, Потемкинъ и др. Могилы этихъ «угодниковъ» и до сихъ поръ еще посѣщаются поклонниками. Въ глуши лѣсной, надъ прахомъ сихъ «ревнителей и столповъ древлего благочестія», въ глубинѣ убогихъ часовенъ и до сего дня теплятся неугасимыя лампады, зажженныя суевѣрной рукой набожнаго старообрядчества.

Самая чтимая изъ этихъ могилъ находится верстъ 7 не доѣзжая города Семенова, гдѣ вятскій почтовый трактъ пролегаетъ густымъ лѣсомъ; около самой дороги стоитъ маленькій голубецъ, отъ этого голубца идетъ почти незамѣтная тропинка въ глубь лѣса. Это дорога къ святой могилѣ, гдѣ почиваютъ якобы нетлѣнныя мощи Софонтія. Въ самой глуши, недалеко отъ проѣзжей дороги, стоитъ небольшая часовенка, а въ ней находится гробница самаго «угодника». Гробница окружена деревянной рѣшеткой, передъ ней стоитъ аналой, горятъ лампадки и свѣчи желтаго воска. Вся передняя стѣна, противъ входа, сплошь до самаго потолка покрыта иконами стариннаго письма съ почернѣвшими ликами. Рядомъ съ часовнею находятся еще три могилы сподвижниковъ Софонтія, а нѣсколько поодаль— небольшой колодецъ, вырытый будто бы самимъ старцемъ. Вода въ этомъ колодцѣ почитается святой и цѣлебной. Тамъ же со-

хранились остатки грядокъ, тоже копанныхъ «угодничкомъ». Это могила самаго чтимаго старообрядческаго святого, перваго «бѣглаго попа», принятаго по такъ называемому «первому чину» еще въ XVII в. однимъ изъ первооснователей скитскихъ Діонисіемъ Шуйскимъ. Софонтій—основатель особаго толка, очень фанатичнаго и суроваго, проповѣдывавшаго когда-то самосожженіе.

На Керженцѣ не мало такихъ «святыхъ могилокъ» и «нетлѣнныхъ мощей». Близъ деревни Ларіоновой, въ такъ назы-

Скитская старообрядческая моленная (съ фотогр. М. П. Дмитріева).

ваемомъ урочищѣ Смольянахъ, находятся двѣ могилки: Діонисія (Шуйскаго, преемника Салтыкова) и тутъ же невдалекѣ могилка старца Арсенія, основателя Шарпанскаго скита. Того самаго бѣглеца соловецкаго Арсенія, который, по раскольническому преданію, пришелъ сюда изъ Поморья, слѣдуя за чудотворной иконой Казанской Божіей Матери, шедшей передъ нимъ по небу (см. «Въ лѣсахъ» Андрея Печерскаго). Впрочемъ, могила эта, еще недавно совсѣмъ, повидимому, забытая старообрядцами, только въ самое послѣднее время возстановлена. Къ ней трудно добраться, трудно разыскать ее въ лѣсной чащѣ; узкая тропинка,

которая тянется на протяженіи около версты въ сторону отъ лѣсной малонаѣзженной дороги, почти заросла,—видно, что никто не заглядываетъ сюда; а между тѣмъ это тоже одинъ изъ столповъ мѣстнаго скитничества, то же основатель отдѣльнаго толка «Арсеньевщины»,—толка, вылившагося впослѣдствіи въ формы, столь распространеннаго нынѣ Спасова согласія. Къ числу такихъ особенно чтимыхъ могилъ принадлежитъ также могила Іоны Курносаго и матери Манефы въ Комаровскомъ скиту, Фетиніи, Февроньи. Кромѣ этихъ особенно чтимыхъ могилъ, есть еще нѣсколько—Пахомія, какого-то Никандра близъ деревни Песочной, Ефрема, Варлаама, Ильи, Θеклы, Голиндухи.

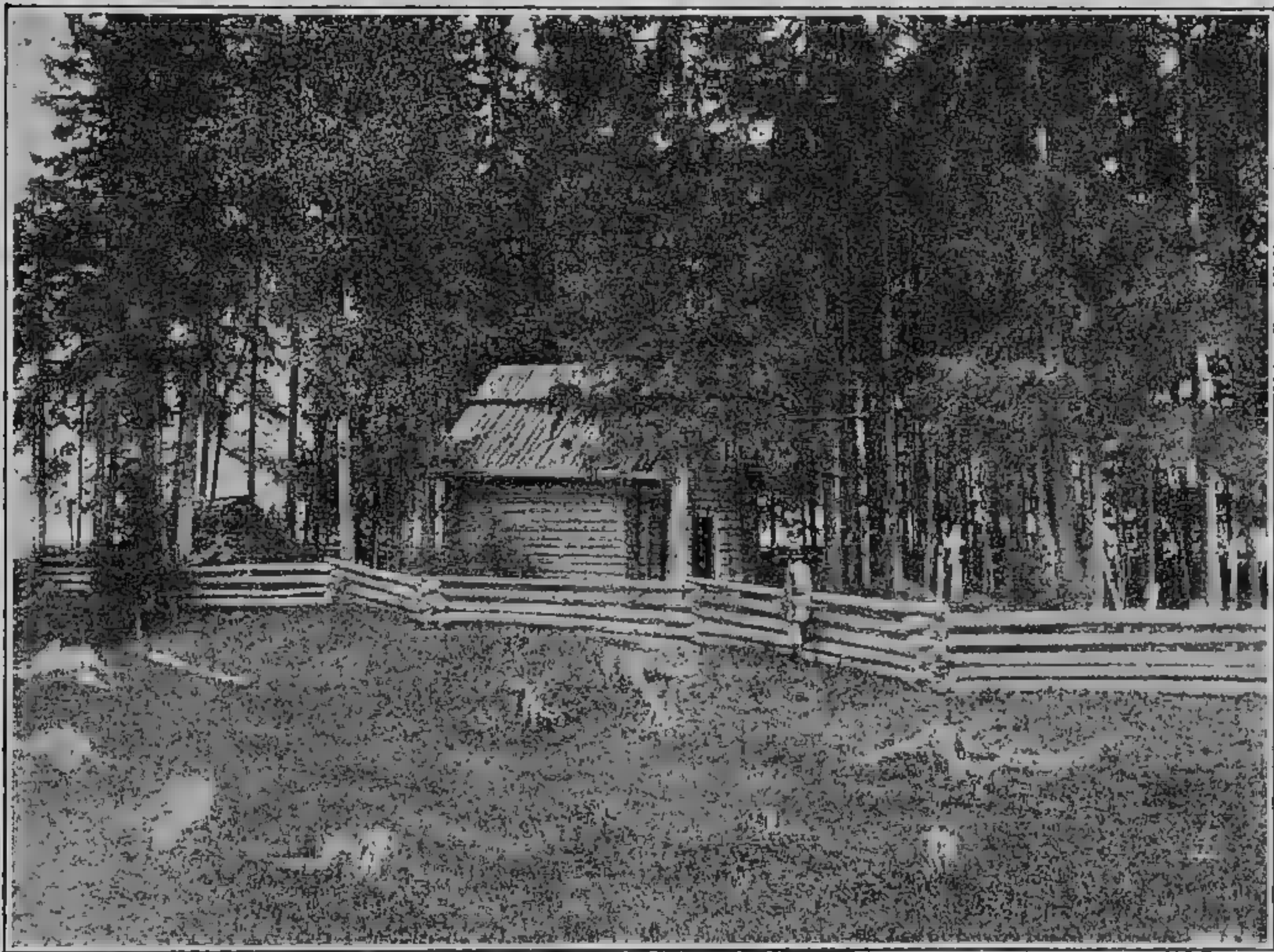
Весь край, отъ береговъ Волги до самой Ветлуги, въ раскольничьемъ мірѣ извѣстенъ подъ именемъ стороны Керженской. Рѣка Керженецъ своимъ теченіемъ раздѣляетъ всю эту мѣстность на двѣ почти равныя части. Вытекая изъ Поломскихъ лѣсовъ и Козленецкихъ болотъ Костромской губерніи, этотъ Іорданъ мѣстнаго старообрядчества, только верхнимъ теченіемъ своимъ проходитъ по болѣе или менѣе населенной мѣстности, а затѣмъ, сдѣлавъ большую петлю, круто повернувъ отъ села Хахалъ на западъ къ Керженскому монастырю и отъ этого монастыря, повернувъ снова на востокъ, къ большему торговому селу Никольскому, ниже вступаетъ въ безлюдные глухіе лѣса и болота; слишкомъ сто верстъ, то теряясь въ глуши лѣсной, то извиваясь серебряной лентой по широкимъ, открытымъ зеленымъ поймамъ, подходитъ онъ, наконецъ, къ самой Волгѣ и уже довольно широкой рѣчкой впадаетъ въ нее близъ г. Макарьева.

По лѣвую сторону Керженца начинается Ветлужскій край, отсюда равнина Заволжья постепенно подымается, а затѣмъ снова начинается опускаться къ берегамъ Ветлуги. Село Владимірское съ находящимся по сосѣдству съ нимъ озеромъ Свѣтлояромъ, занимаетъ самую высокую точку этого подъема: оно стоитъ на водораздѣлѣ Керженца и другой лѣсной рѣчки—Люнды, впадающій въ Ветлугу; собственно Керженцомъ или Старымъ Керженцемъ [1]) называется мѣстность, расположенная по правую сторону рѣки Керженца вплоть до береговъ рѣчки Узола, впадающей въ Волгу противъ города Балахны, далѣе идетъ заузольская сторона—Заузолье. Между Керженцемъ и Узоломъ

[1]) Въ самомъ узкомъ смыслѣ, Старымъ Керженцемъ раскольники называютъ мѣстечко недалеко отъ села Пафнутова, иначе называемое Смольяны, гдѣ былъ основанъ первый скитъ бояриномъ Салтыковымъ.

течетъ еще довольно значительная рѣчка Линда — чрезвычайно извилистая: вьется она почти по одному направленію съ вятскимъ трактомъ, точно преслѣдуя его, то и дѣло, либо справа, либо слѣва, подходитъ къ нему, нѣсколько разъ пересѣкая его; мѣстность, омываемая Линдой и Узоломъ, самая населенная часть этого края, называется заузольской стороной или Заузольемъ.

Славились издавна своими богатствами скиты керженскіе, но не уступалъ Керженцу и Урень; уренскіе скиты за Ветлу-

Могила Фотиньи (съ фотогр. М. П. Дмитріева).

гой, по побережью рѣки Усты, самаго значительнаго притока Ветлуги, славились, кромѣ того, еще и своимъ строгимъ благочестіемъ, чѣмъ не могъ-таки очень похвалиться Керженецъ. Теперь объ уренскихъ скитахъ и помину нѣтъ, а на Керженцѣ они уцѣлѣли кой-гдѣ; всѣ они перебиваются, что называется, съ хлѣба на квасъ, оставленные и забытые своими прежними благодѣтелями и покровителями, хотя, конечно, о богатствахъ былого времени и рѣчи быть не можетъ.

Съ внѣшней стороны скиты ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенной деревни или скорѣе выселка; скитъ состоитъ часто

изъ нѣсколькихъ обителей, въ каждой обители есть своя обительская моленная, при которой живетъ уставщица, если это женскій скитъ, и старецъ-игуменъ, если скитъ мужской. Моленная—это совершенно обыкновенная, но очень просторная чистая изба; вся стѣна, противоположная входу, сплошь почти отъ самаго пола и до потолка покрыта почернѣвшими иконами стариннаго письма безъ ризъ съ одними вѣнчиками. Передъ этимъ иконостасомъ, на маленькой приступкѣ, въ родѣ амвона или просто на полу, стоитъ большой аналой, покрытый парчевымъ или, въ болѣе бѣдныхъ обителяхъ, холщевымъ покрываломъ, съ изображеніемъ восьмиконечнаго креста съ копьемъ и тростью; на аналоѣ лежитъ Евангеліе, часовникъ и воздвизальный крестъ, около аналоя стоятъ высокіе, мѣдные или точеные деревянные, подсвѣчники со свѣчами желтаго воску, съ потолка висятъ лампадки. У одной изъ боковыхъ стѣнъ стоитъ деревянный шкапчикъ съ богослужебными книгами и кой-какой утварью, на стѣнахъ висятъ лѣстовицы, опахало изъ тетеревинаго хвоста для тушенія свѣчъ и подручники для поклоновъ — небольшія стеганыя подушечки, которыя во время молитвы старообрядцы кладутъ на полъ передъ собой. Вотъ обыкновенный типъ раскольничьей скитской моленной [1]).

Уставщицы внѣ своей обители носятъ обыкновенный нарядъ, ничѣмъ не отличающійся отъ мѣстнаго крестьянскаго—сарафанъ темнаго цвѣта, съ короткой таліей и безъ сборъ, съ цѣлымъ рядомъ пуговицъ по переднему подолу, а на головѣ темнаго же цвѣта платокъ «въ роспускъ». Только во время службы въ моленной или при встрѣчѣ почетныхъ гостей уставщица надѣваетъ па голову особую черную бархатную или суконную шапочку, со спускающейся съ нея по плечамъ манатейкой, обшитой красной каймой — такъ называемый апостольникъ, бѣлый фартукъ и поручи, а въ руку беретъ лѣстовицу. Лѣстовицы это особаго рода ременныя четки, съ прикрѣпленными къ концамъ 4-мя кожаными треугольниками, на которыхъ, по большей части вытиснута бываетъ «Іисусова молитва». Изготовленіе лѣстовокъ составляетъ цѣлый промыселъ въ г. Семеновѣ. Лѣстовокъ бываетъ нѣсколько видовъ, есть лѣстовки дешевыя, копеекъ по

---

[1]) Здѣсь мы говоримъ только о керженскихъ скитахъ, моленныя болѣе богатыхъ скитовъ, какъ, напримѣръ, черемшанскихъ, австрійскаго согласія, близъ города Хвалынска, на Волгѣ, ничѣмъ, по внутреннему устройству, не отличаются отъ православныхъ церквей.

восьми штука, есть и стоящія дороже рубля, шитыя золотомъ, шелками, бисеромъ, есть лѣстовки рублей по десяти со вставленными иконками, но истовый старообрядецъ не возьметъ такой лѣстовки на молитву; самыя строгія, такъ называемыя поморскія лѣстовки, представляютъ изъ себя черную ременную «основу» съ прикрѣпленными къ ней четырьмя треугольными лопастями, на которыхъ вытиснена «Іусова молитва»; такъ называемыя «Богородичныя» лѣстовки отличаются отъ обык-

Пальцевская обитель Оленевскаго скита (съ фотогр. М. П. Дмитріева).

новенныхъ тѣмъ, что въ каждую складку основы вложена крѣпко свернутая бумажка, на которой написана «Богородица», а въ каждой большой складкѣ «Отче нашъ». Миніатюры эти исполняетъ въ Семеновѣ одна старуха, производя ежедневно множество такихъ свертковъ. Богородичныя лѣстовки продаются значительно дороже и покупаются особенно благочестивыми старообрядцами. Есть особыя погребальныя лѣстовки, съ которыми кладутъ въ гробъ, — бѣлыя съ черными крестами; есть лѣстовки вѣнчальныя и пр. Какъ и уставщица, такую же черную манатейку, сверхъ долгополаго, обыкновенно сѣраго или темно-коричневаго кафтана, надѣваетъ и старецъ при совершеніи моленья.

Прихожане въ моленныхъ стоятъ чинно, аккуратными рядами, крестятся истово двумя перстами, перебирая лѣвой рукой лѣстовицы. У раскольниковъ въ Керженцѣ есть разныя святыя мѣста, какъ, напримѣръ, близъ села Пафнутова находится Ключевая гора, на которой будто бы умерщвленъ былъ какой-то Макарій со своими двѣнадцатью послѣдователями; на это мѣсто сходятся для поклоненія. На святой недѣлѣ ходятъ въ Шарпанъ на могилу Февроніи, на могилѣ этой выкопана ямка, въ которой будто бы появляется святая вода, смотря по усердію молящагося, кому съ ложку, а кому и цѣлый ковшъ, вода эта исцѣляетъ глаза, точно такъ же, какъ кора «Іониной ели», т.-е. ели, растущей надъ могилой Іоны Курносаго въ Комаровскомъ скиту, исцѣляетъ отъ зубной боли. Около могилы Фотиньи, которая по убѣжденіямъ мѣстныхъ старообрядцевъ, была не кто иная, какъ царевна Софья Алексѣевна, бѣжавшая въ лѣса Керженскіе отъ преслѣдованія своего вѣнценоснаго брата, есть колодезь, куда, по преданію, сія «святая угодница» во время «зоренія скитовъ» спрятала иконы,—иконы эти теперь скрылись; колодезь этотъ тоже святое мѣсто. Самой важной святыней мѣстныхъ старообрядцевъ должно считать сгорѣвшую въ 1893 году часовню въ себѣ Городцѣ [1]). По мѣстнымъ раскольничьимъ преданіямъ, часовня эта стояла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ умеръ св. Александръ Невскій въ кельѣ Ѳеодоровскаго монастыря; теперь этотъ монастырь находится на другомъ мѣстѣ. Онъ основанъ былъ въ память явленія чудотворной иконы Ѳеодоровской Божіей Матери. Эта, особенно чтимая старообрядцами, икона находится въ Костромѣ, но раскольники вѣрятъ, что разъ въ годъ, чудеснымъ образомъ, ночью переносится она въ Городецъ, останавливается на мѣстѣ святѣ, т.-е. въ часовнѣ, изъ глазъ ея льются слезы,—икона плачетъ о своемъ заточеніи въ никоніанской церкви. И дивно, свѣчи и лампады въ ту ночь загораются въ часовнѣ сами собой, горятъ до утра и слышно бываетъ въ ту ночь пѣніе невидимаго клира, а къ утру икона снова исчезаетъ и появляется опять въ Костромѣ. Когда же старая вѣра распространится по всему міру и сокрушены будутъ храмы еретическіе, икона выйдетъ изъ заточенія. Во славѣ и блескѣ пойдетъ она по небу и навсегда останется въ Городецкой часовнѣ. Въ то же время откроются почивающія нынѣ подъ

---

[1]) Теперь возстановлена и находится въ огромномъ каменномъ зданіи.

спудомъ мощи св. князей Городецкихъ, которыя и теперь свѣтятся по ночамъ въ горѣ Оползнѣ надъ Волгой.

Крѣпка была вѣра старообрядцевъ, что простоитъ Городецкая часовня до второго пришествія, и каково же было смущеніе ихъ, когда лѣтъ 20 назадъ пронеслась роковая вѣсть, что часовня сгорѣла со всѣми накопленными за сто слишкомъ лѣтъ богатствами. Часовня внутри представляла изъ себя видъ настоящей церкви съ иконостасомъ и царскими вратами, но этотъ иконостасъ и царскія врата были прислонены къ самой стѣнѣ; на амвонѣ, предъ царскими вратами стояло нѣчто въ родѣ престола

Домъ, гдѣ родился П. И. Мельниковъ въ Н.-Новгородѣ.

подъ богатымъ покрываломъ и здѣсь, какъ сказываютъ, былъ тайничокъ, гдѣ хранился старинный антиминсъ и вся утварь для совершенія литургіи.

Самымъ древнимъ изъ семеновскихъ скитовъ по времени основанія, изъ уцѣлѣвшихъ донынѣ, если вѣрить мѣстному преданію, нужно считать Оленевскій, основанный, будто бы, еще въ XV вѣкѣ иноками, сподвижниками св. Макарія Желтоводскаго, шедшаго съ своей братіей изъ казанскаго плѣна Керженскими лѣсами на Уньжу, затѣмъ Шарпанскій скитъ; скитъ этотъ бѣденъ, и братія его неособенно многочисленна. Когда-то привлекалъ онъ къ себѣ находившейся въ немъ древней иконой Казанской Божьей Матери, первой святыней старообрядцевъ нижегородскаго Заволжья. Въ 1849 г. моленная Шарпанскаго

скита была запечатана, и въ числѣ другого скитскаго имущества икона эта была отобрана П. И. Мельниковымъ, командированнымъ на Керженецъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. Икона эта, съ которой связано убѣжденіе раскольниковъ, что, пока она въ ихъ рукахъ, вѣра старая на Керженцѣ не оскудѣетъ, была сдана въ нижегородскую консисторію, а отсюда впослѣдствіи передана въ Керженскій единовѣрческій монастырь, образовавшійся тоже изъ бывшаго раскольничьяго скита. Въ томъ, что имъ отобрана была подлинная икона, Мельниковъ не сомнѣвался, но

Домъ въ Петропавловской улицѣ Нижняго-Новгорода, гдѣ скончался П. И. Мельниковъ.

раскольники убѣждены, что Мельниковъ былъ введенъ въ обманъ и увезъ подмѣненный списокъ. Въ моленной Шарпанскаго скита еще недавно находилась икона, до мельчайшихъ подробностей сходная съ иконой Керженскаго монастыря, такъ что трудно рѣшить, которая изъ нихъ подлинная, которая списокъ; но есть еще икона, тщательно скрываемая старообрядцами въ городѣ Семеновѣ, которая будто бы и есть подлинникъ чудотворной иконы, принесенной съ Поморья. Существуетъ легенда, что икона эта чудомъ исчезла изъ рукъ «отступника Христова Павла Ивановича» и вернулась на свое прежнее мѣсто, на то самое мѣсто, куда принеслась на воздусѣхъ съ дальняго сѣвера; раз-

сказывается слѣдующее: когда Мельниковъ, отобравши икону, ѣхалъ ночью изъ скита керженскимъ лѣсомъ, обратно къ себѣ на квартиру въ городъ Семеновъ, вдругъ отъ иконы изошли столь яркіе лучи, что весь лѣсъ озарился, какъ днемъ, а Мельниковъ отъ тѣхъ лучей ослѣпъ. Въ испугѣ онъ и всѣ, кто съ нимъ были, пали ницъ на землю, и услышалъ Мельниковъ голосъ съ небесъ, голосъ самого святого старца Арсенія, повелѣвающій ему вернуться въ скитъ и отдать икону обратно. Потрясенный ужасомъ, умиленно проливая слезы покаянія, тотчасъ же повезъ Мельниковъ икону назадъ, но на дорогѣ встрѣтился ему дьяволъ,

Крестовоздвиженскій монастырь въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ погребенъ П. И. Мельниковъ.

который, предлагая ему всѣ блага міра, убѣдилъ его не возить иконы въ скитъ, а ѣхать съ ней въ Питеръ; дьяволъ же и исцѣлилъ ему зрѣніе, послѣ чего Мельниковъ, будучи смолоду подслѣповатъ, сталъ видѣть даже сквозь стѣны, и ничто не могло утаиться съ тѣхъ поръ отъ его прозорливаго ока. Однако икона все-таки будто бы не далась въ руки Мельникову и ночью, когда онъ спалъ, чудесно перенеслась въ Шарпанскій скитъ; послѣ того Мельниковъ снова пріѣзжалъ ее отбирать, но тутъ совершилось новое чудо: скитъ сталъ невидимъ «отступнику Христову», и онъ три дня ходилъ около скита, пока, наконецъ, попалъ случайно въ ворота; онъ вошелъ въ моленную грозенъ и мраченъ, старцы бросились передъ нимъ на колѣни и долго

падши молили пощадить ихъ святыню, предлагали большой выкупъ, но и на злато не польстился «врагъ Господень», онъ велѣлъ своимъ людямъ снимать икону, но икона точно приросла къ стѣнѣ, Мельниковъ приказалъ рубить стѣну, но стѣна сдѣлалась твердой, какъ камень: отъ удара топоровъ летѣли искры, топоры тупились и ломались, а стѣна не подавалась. Такъ и осталась икона въ Шарпанскомъ скиту. Основаніемъ этой легенды служитъ истинное событіе. Раскольники дѣйствительно дѣлали попытку похитить икону изъ квартиры Мельникова, и нѣкоторые увѣряютъ, что попытка эта будто бы удалась при помощи слуги Мельникова, который за тысячу рублей подмѣнилъ ее спискомъ, привезеннымъ скитниками. Слуга этотъ, ямщикъ Василій, носящій прозвище «Мельникова» (т.-е. слуга Мельникова) еще недавно былъ живъ и умеръ въ Семеновѣ въ преклонныхъ лѣтахъ. Василій говорилъ, что скитники дѣйствительно почью пріѣзжали и уговаривали его сначала убить Мельникова за пять тысячъ рублей, а затѣмъ, когда онъ побоялся взять на душу такой грѣхъ, упрашивали его выкрасть икону, подмѣнивъ ее тутъ же привезеннымъ спискомъ. Василій говорилъ, что онъ не рѣшился и на это; нѣкоторые старики, однако, помнятъ, что Василій сильно гулялъ въ Семеновѣ и швырялъ деньгами послѣ отъѣзда Мельникова.

Самый богатый изъ скитовъ Семеновскаго уѣзда, въ настоящее время, Комаровскій, особенно Манефина обитель, хотя и этотъ скитъ самъ по себѣ въ сущности далеко не богатъ. Основанный еще въ концѣ XVII столѣтія, онъ заключалъ въ себѣ когда-то двѣнадцать обителей, отъ которыхъ остались теперь одни только заброшенныя кладбища; въ настоящее время въ немъ только двѣ обители: Игнатьевская, и Манефина. Манефина обитель составляетъ собой одинъ изъ важныхъ центровъ мѣстнаго старообрядчества, такъ же, какъ и Городецкая часовня, такъ что вся поповщина или, какъ сами себя они называютъ, «пріемлющіе тайное священство», раздѣляются на прихожанъ Манефиныхъ (по матушкѣ Манефѣ) и прихожанъ Городецкой часовни. Скитъ этотъ былъ уничтоженъ въ началѣ XVIII столѣтія епископомъ Питиримомъ въ числѣ остальныхъ 94, существовавшихъ тогда на Керженцѣ, послѣ чего находился долгое время въ запустѣніи и возстановленъ снова при Екатеринѣ II-й. Въ Комаровскомъ скитѣ находятся двѣ весьма чтимыя святыни, это могилы старца Іоны и матери

Манефы,—Манефы, которую, однако, не слѣдуетъ смѣшивать съ героиней романа Андрея Печерскаго; эту послѣднюю въ дѣйствительности звали Маргаритой и жила она не въ Комаровскомъ, а въ Оленевскомъ скитѣ, если не ошибаемся, въ Анфисиной обители.

Надъ могилой матери Манефы устроенъ памятникъ, кругомъ обсаженный акаціей и сиренью, на могилѣ лежитъ камень въ видѣ гроба, съ надписями со всѣхъ четырехъ сторонъ; изъ

Комаровскій старообрядческій скитъ (съ фотогр. М. П. Дмитріева).

этихъ надписей двѣ уничтожены, видимо стесаны топоромъ и стесаны, какъ говорятъ, по приказанію, будто бы, П. И. Мельникова. Вотъ одна изъ уцѣлѣвшихъ надписей, которую мы передаемъ съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника: «Духовная моя сестры и спутницы не забудьте мене егда молитеся, но видѣвше мой гробъ помяните мою любовь и молитеся Христу, да учинитъ духъ мой съ праведными», другая надпись: «сооруженъ сей памятникъ усердіемъ преданнаго духомъ къ покойной московскаго первой гильдіи купца Филиппа Яковлева Косаткина поставленъ въ 1851 году іюля 3 дня Москва».

Недалеко отъ Манефиной обители, въ томъ же Комаровскомъ скиту, на мѣстѣ давно не существующей Іониной обители, рядомъ съ теперешней Игнатьевской, находится могила другой знаменитости раскольничьяго міра — Іоны Курносаго, славнаго писателя старообрядческаго [1]), соборнаго старца, дѣйствовавшаго на Керженцѣ и въ Москвѣ въ концѣ XVIII вѣка. Іонина могила, однако, находится въ порядочномъ запустѣніи: деревянный срубъ надъ ней стоитъ безъ крышки, голубецъ (вмѣсто креста) покривился, кругомъ все заросло бурьяномъ. Іона Курносый былъ однимъ изъ послѣднихъ настоятелей Комаровскаго скита, онъ умеръ въ началѣ XIX вѣка, его преемникъ Павелъ Бубновъ былъ тайнымъ православнымъ, жилъ въ Москвѣ, умеръ онъ въ двадцатыхъ годахъ и завѣщалъ все скитское имущество, въ томъ числѣ прекрасные колокола, утварь, паникадила, православной церкви села Медвѣдева. Отступничество Бубнова было неожиданнымъ ударомъ не только для Іониной обители или Комаровскаго скита, но и для всего Керженца. Скитники Іониной обители, во главѣ съ игуменомъ Измаиломъ, рѣшили ни за что не выдавать завѣщаннаго Бубновымъ въ «Никоніанскую церковь». Дошло дѣло до того, что, когда въ обитель явились уѣздныя власти во главѣ съ засѣдателемъ, старцы не пустили ихъ въ скитъ, на крыльцо вышелъ Измаилъ и сказалъ, что скорѣй умереть на этомъ порогѣ, чѣмъ допустить взять изъ скита завѣщанное инокомъ Павломъ. Взбѣшенный неповиновеніемъ скитника, засѣдатель кричалъ и ругался, угрожалъ старцу, но старецъ стоялъ невозмутимо, загораживая собою входъ. Вокругъ толпился народъ; засѣдатель крикнулъ было, чтобы взяли старца, — послышался глухой ропотъ, никто не двигался съ мѣста. Засѣдатель понялъ, чѣмъ дѣло пахнетъ, и поспѣшилъ удалиться. Черезъ нѣсколько времени Измаилъ былъ взятъ и «закованъ въ желѣзы» [2]).

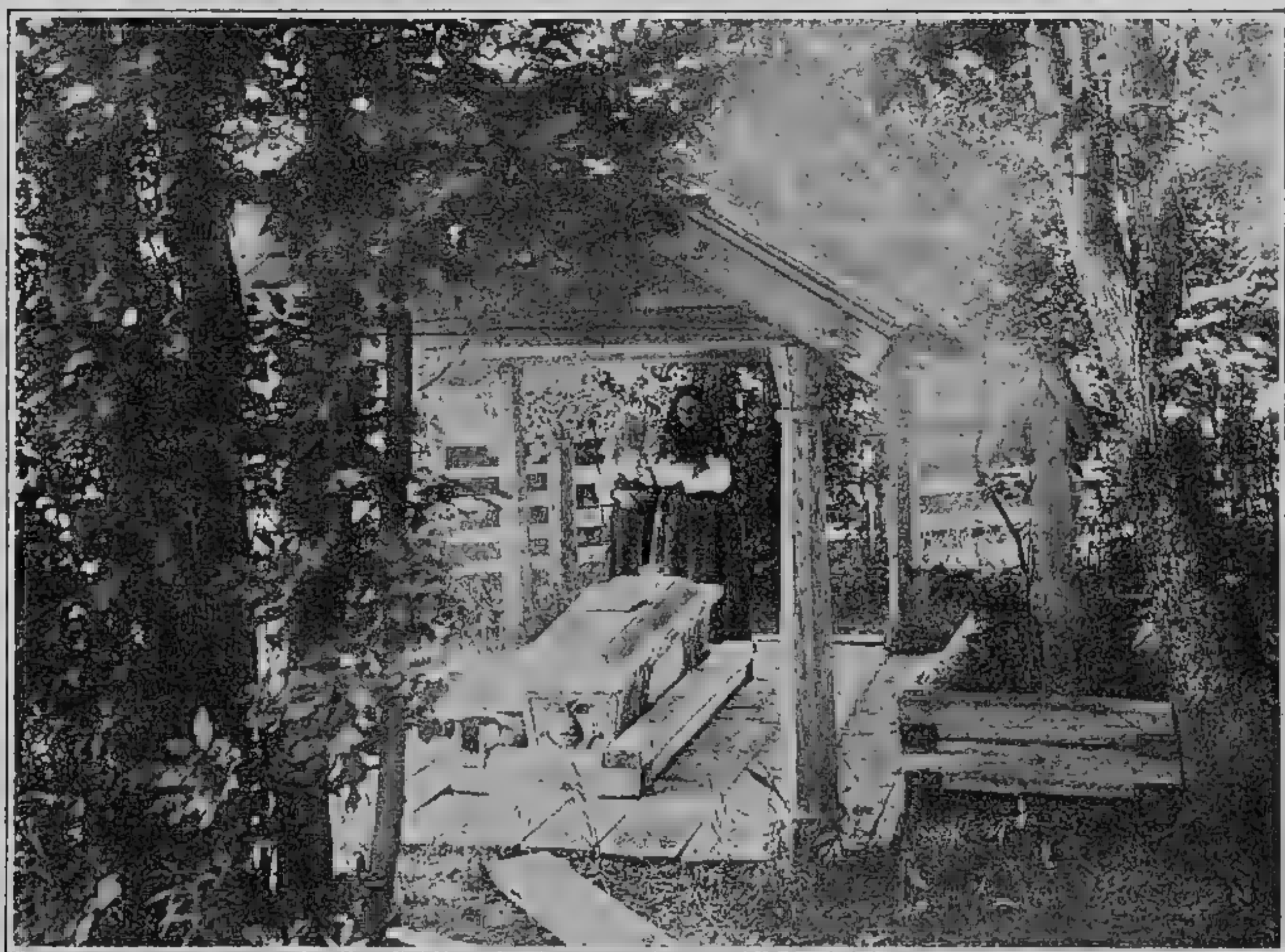
Любопытно вникнуть во внутреннюю жизнь такихъ лѣсныхъ захолустій, какъ Керженецъ и Ветлужскій край; это цѣ-

---

[1]) «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ» (которую не надо смѣшивать съ «Ист. о бѣг. свящ. Андрея Іоаннова»), «Посланіе соборнаго старца» и друг.

[2]) См. «Дѣйств. Нижегород. Ученой Архив. Комис.», выпускъ 10, засѣд. 4 марта, докладъ А. П. Мельникова «Къ характеристикѣ быта раскольничьихъ общинъ начала XIX стол.».

лый міръ самобытныхъ міровоззрѣній. Дѣтски наивная фантазія работаетъ здѣсь на просторѣ, создавая цѣлые миѳы. Вотъ гдѣ живой, неизсякаемый источникъ народной поэзіи. Кто читалъ «Въ лѣсахъ» Андрея Печерскаго, тотъ помнитъ, вѣроятно, разсказъ паломника о дальнихъ странахъ, объ Опоньскомъ [1]) царствѣ, о землѣ Ѳиваидской. Существуютъ цѣлыя сочиненія, любопытные образчики чисто-народной литературы. Среди множества раскольничьихъ легендъ существуютъ цѣлый циклъ легендъ о

Могила матери Манефы въ Комаровскомъ скиту (съ фотогр. М. П. Дмитріева).

странахъ дальнихъ и о невидимыхъ градахъ. Въ этихъ странахъ дальнихъ и незримыхъ градахъ живутъ святые люди древляго благочестія, живутъ тамъ старообрядческіе попы и, главное, епископы. Создались эти легенды въ эпоху, которую можно назвать эпохою исканія священства или точнѣй архіерейства, — эпохою, завершившеюся въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія учрежденіемъ такъ называемой «Бѣлокриницкой іерархіи».

---

[1]) Опоньскомъ—японскомъ. См. «Ист. оч. поповщины» П. И. Мельникова.

Самая поэтическая изъ мѣстныхъ раскольничьихъ легендъ— это легенда объ исчезнувшемъ градѣ Великомъ Китежѣ, что стоитъ невидимо надъ святымъ озеромъ Свѣтлояромъ. Незримъ онъ очамъ человѣческимъ, сокрылся онъ отъ грѣшныхъ взоровъ. Черезъ дебри лѣсныя, черезъ болота ведетъ къ нему тоже невидимая, тоже сокрывшаяся отъ взоровъ, тропа Батыева, по которой шелъ къ Великому Китежу Батый со своими полчищами; идетъ та тропа отъ самой Волги, отъ Кирилловыхъ горъ, отъ того мѣста,

Чернухинскій старообрядческій скитъ австрійскаго согласія (съ фотогр. М. П. Дмитріева).

гдѣ, во времена стародавнія, стоялъ городъ Малый Китежъ, а теперь стоитъ село Городецъ. Разорилъ Батый Малый Китежъ, а разоренія Великаго Китежа не попустилъ Богъ; заперся въ немъ великій князь суздальскій св. Георгій Всеволодовичъ съ остатками дружины своей, и городъ сокрылся; такъ и стоитъ онъ и о сю пору невидимъ и только передъ вторымъ пришествіемъ снова явится во всей славѣ и блескѣ. Но въ ночь подъ праздникъ Владимірской Божіей Матери съ 22 на 23 іюня всякому, кто съ вѣрою посмотритъ въ тихія струи святого озера, въ неясныхъ очертаніяхъ является отраженіе этого города, слышенъ бываетъ

глухой звонъ колоколовъ китежскихъ, слышно далекое пѣніе святыхъ иноковъ и видно, какъ идутъ крестнымъ ходомъ китежскіе старцы въ бѣлыхъ ризахъ и рать св. Георгія, воспѣвая священные гимны. Можно заживо попасть во святой градъ, только ужъ возврата оттуда нѣтъ. Если отринуть отъ себя все земное и, раздавъ все имѣніе нищимъ, отговѣвъ и причастившись, безъ посоха и сумы по Батыевой тропѣ прійти къ святому озеру,—въ одномъ изъ холмовъ открывается темная пещера: это и есть входъ въ городъ Китежъ. Великъ и труденъ путь туда, но если во время

Керженскій единовѣрческій монастырь (съ рисунка А. П. Мельникова).

пути не поколеблется вѣра, отверзаются врата святого города и встрѣтятъ тебя тамъ святые старцы съ ликованіемъ и колокольнымъ звономъ и облекутъ въ свѣтлыя ризы. Существуетъ легенда объ одномъ юношѣ, который попалъ въ городъ Китежъ и написалъ оттуда письмо своимъ родителямъ, описывая подробно тамошнее блаженное житіе.

Свѣтлоярое озеро почитается не только раскольниками, но и православными. Оно не велико; съ одной стороны прилегаетъ къ нему болотистая топкая луговина и далѣе открытое поле, съ другой—по живописнымъ холмамъ разроссся вѣковой лѣсъ. Ка-

ждый изъ этихъ холмовъ имѣетъ особое назначеніе. Самый большой, на которомъ стоитъ православная часовня,—мѣсто невидимо стоящаго главнаго собора китежскаго во имя Пречистаго Спаса; рядомъ холмъ, гдѣ стоитъ незримая церковь Рождества Богородицы; на слѣдующемъ холмѣ кельи иноческія, затѣмъ на небольшомъ холмикѣ стоитъ особо келья какого-то китежскаго святого старца, а рядомъ маленькій бугорокъ — могила нѣкоего Макарія, на этой могилѣ, растетъ будто бы особая трава, имѣющая цѣлебныя свойства. Усердные богомольцы знаютъ, на какомъ холмѣ сколько поклоновъ слѣдуетъ положить, сколько сотворить метаній [1]).

Множество стекаются сюда въ ночь подъ Владимірскую; приходятъ издалека, изъ другихъ губерній, приходятъ для того, чтобъ поклониться святому мѣсту, чтобъ обойти озеро со свѣчами и пѣніемъ, по обычаю, три раза. Сходятся сюда начетчики разныхъ толковъ и согласій для диспутовъ,—затѣваются горячіе споры, доходящіе чуть не до драки; съ пѣной у рта, со сверкающими глазами спорятъ диспутанты, кто наизусть, а кто по книгамъ, приводя разные тексты священнаго писанія и святыхъ отцовъ. Если раскольники спорятъ между собой, они не прибѣгаютъ ни къ какимъ уловкамъ, но разъ замѣшался въ бесѣду «русскій попъ», они пускаются на всѣ штуки, чтобы только сбить противника. Главная задача — перекричать и напустить, по возможности, туману въ глаза: нарочно перевираютъ тексты, даже при чтеніи по книгѣ раскольникъ въ случаѣ нужды сумѣетъ, гдѣ надо, проглотить словечко или сдѣлать удареніе не на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ, чтобы только измѣнить смыслъ написаннаго. Эти горячіе споры, однако, ничѣмъ не кончаются: поспоривъ, покричавъ, они расходятся всякій при своихъ убѣжденіяхъ; но эти диспуты соблазнительны для каждаго начетчика: они представляютъ широкое поле блеснуть краснорѣчіемъ, знаніемъ писанія и уставовъ древляго благочестія. Голоса спорящихъ громко раздаются по лѣсу, вокругъ нихъ толпится народъ, а между тѣмъ весь лѣсъ горитъ огнями; между деревьями устраиваются временные иконостасы, предъ которыми раскольники разныхъ толковъ и согласій, всякъ посвоему, служатъ вечерни, тамъ и сямъ слышно пѣніе псалмовъ;

---

[1]) Поклономъ называется у раскольниковъ земной поклонъ, метаніемъ—поклонъ въ поясъ, при чемъ рука должна коснуться до земли.

вотъ собралась кучка старовѣровъ, усѣлась со свѣчами на травѣ-муравѣ въ кружокъ и затянула въ унисонъ, говоркомъ въ полголоса какой-нибудь стихъ божественный; вдоль дороги сидятъ слѣпцы и поютъ о томъ, какъ выпадала, вылетала съ неба книга Голубиная или о птицѣ Естрафилъ, которая когда воспорхнется, океанъ-море всколыхнется; слѣпцы поютъ истово, дружно и громко. Все это просто ошеломляетъ непривычнаго зрителя. Вотъ полился цѣлый потокъ огней съ вершины большого холма, — начался обходъ озера, вереница огней замелькала вдоль всего берега, а вотъ замигали огоньки и по самой зеркальной поверхности озера, мѣшаясь съ отраженными въ немъ звѣздами неба. Это свѣчи пускаютъ въ воду. Есть обыкновеніе не бросать свѣчей послѣ обхода и не тушить ихъ, а пускать на воду на маленькихъ щепочкахъ.

Къ разсвѣту все мало-по-малу утихаетъ, гаснутъ огни и только кое-гдѣ еще раздаются голоса неугомонныхъ спорщиковъ да тихое пѣніе богомольцевъ, сидящихъ надъ озеромъ съ устремленными въ темную глубину его взорами... Они точно ожидаютъ появленія святаго града, но не является градъ святый, и не слышно колоколовъ китежскихъ; неподвижно дремлетъ покойное озеро.

ГЛАВА II.

Народная жизнь вообще рѣзко отражается въ обычаяхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, и разныхъ свято соблюдаемыхъ обрядахъ. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ всего болѣе обрядностями обставлялись свадьбы.

Сватовство и свадьбы въ Нижегородской губерніи, какъ и вездѣ на Руси, сопровождаются цѣлымъ рядомъ пированій, попоекъ, что всегда сопряжено съ немалыми расходами, съ расходами подчасъ не совсѣмъ по средствамъ крестьянина, а между тѣмъ угощенья, въ особенности во время сватовства, имѣютъ важное значеніе,—отъ нихъ иногда зависитъ даже поворотъ дѣла въ ту или въ другую сторону, да и обычай великое дѣло. Для того, чтобъ справить свадьбу, выдать дочь или женить сына, крестьянинъ нерѣдко входитъ въ долги и даже нерѣдко запутывается въ долгахъ. Свадебные расходы въ крестьянскомъ быту доходятъ до 60, 80 и до 100 р. За Волгой сватовство съ перваго же шага принимаетъ, такъ сказать, оффиціальный характеръ: сватъ пріѣзжаетъ въ ту деревню, гдѣ живетъ

невѣста, но, по обычаю, въ избу къ ней не входитъ, а остановившись гдѣ-нибудь у сосѣдей, посылаетъ кого-нибудь къ ея отцу, и ужъ послѣ такого засыла является самъ; войдя въ избу, помолясь на «святье», онъ заводитъ рѣчь прямо о дѣлѣ, за которымъ пріѣхалъ. На горахъ въ ходу больше сватовство черезъ свахъ. Подъ какимъ-нибудь предлогомъ сваха является въ домъ невѣсты; войдя въ избу, она садится подъ матицу и заводитъ разговоръ о томъ, о семъ и, какъ бы невзначай, заговариваетъ о сватовствѣ. За Волгой первое же посѣщеніе свата уже сопряжено съ нѣкотораго рода обрядностью и, въ случаѣ благопріятнаго результата переговоровъ, по обычаю, кончается легкой попойкой. Послѣ этого начинается настоящее сватовство, подъ разными предлогами начинаются поѣздки въ домъ невѣсты, каждый пріѣздъ — угощеніе; послѣ перваго посѣщенія сваты пріѣзжаютъ, иногда съ самимъ женихомъ, торговаться на счетъ «выговора» или «кладки на столъ». Выговоръ или кладка—это своего рода вѣно, которое платитъ отецъ жениха родителямъ невѣсты (отъ 25, 30 рублей до 80 и до 100), часть этихъ денегъ, а иногда и всѣ цѣликомъ идутъ на угощенья. Привозитъ выговоръ иногда самъ отецъ жениха, а женихъ при этомъ даритъ невѣсту. Пріѣзжаютъ еще черезъ день или два для «рукобитья». Помолясь Богу, отцы жениха и невѣсты подаютъ другъ другу руки, и кто-нибудь изъ постороннихъ, а иногда самъ женихъ, разнимаетъ ихъ, въ это время невѣста сидитъ за перегородкой и «воетъ», т.-е. перебираетъ жалобныя причитанія (такъ, по крайней мѣрѣ, водится на Ветлугѣ). Иногда этотъ обрядъ совершается при участіи дружки, который зажигаетъ передъ иконами свѣчу, читаетъ молитву и затѣмъ разнимаетъ руки, выговаривая особыя причитанія; рукобитье оканчивается попойкой. Во все время сватовства дѣвушки-подруги постоянно находятся съ невѣстой Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи удержался старинный обычай справлять дѣвишникъ въ банѣ,—подруги съ пѣснями ведутъ невѣсту черезъ все село, впереди несутъ вѣнокъ, разукрашенный лентами. Есть кой-гдѣ еще особый обычай ѣздить «за рубашкой», — подруги невѣсты пріѣзжаютъ въ домъ жениха и требуютъ у него рубашку, женихъ при этомъ ихъ угощаетъ лакомствами; женихову рубашку подруги отвозятъ невѣстѣ, которая по ней должна сшить новую. Между тѣмъ родственники жениха и невѣсты и сваты еще

разъ съѣзжаются на «запой» или «пропой» невѣсты. Самый большой пиръ справляется наканунѣ и въ самый день свадьбы; послѣ вѣнца гости пируютъ весь день, сначала угощаютъ гостей попроще, тутъ же иногда участвуютъ и молодые, которые сидятъ въ переднемъ углу на вывороченномъ овчинномъ тулупѣ, но ни къ одному блюду не прикасаются, — того требуетъ обычай; затѣмъ существуетъ обычай въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провожать молодыхъ на постель, послѣ чего гости разъѣзжаются и снова черезъ нѣсколько времени собираются подымать молодыхъ. Дѣвушки-подруги во все это время или водятъ хороводы на улицѣ или съ пѣснями катаются по селу. Къ вечеру собираются такъ называемые «горные», самые почетные гости, начинается такъ называемый «горный столъ», пированье чуть не до самаго утра. Во многихъ мѣстахъ, особенно нагорной стороны, пиршества и угощенія днемъ свадьбы еще не кончаются, — идутъ такъ называемые «отгостки» и «перегостки», нѣчто въ родѣ взаимныхъ визитовъ между родственниками молодыхъ.

Въ день свадьбы, въ то время, когда молодые сѣли уже въ повозку, чтобы ѣхать къ вѣнцу, на Ветлугѣ дружка беретъ хлѣбъ, соль и мѣдное распятье и съ причитаніями три раза обходитъ поѣздъ; такой же обычай есть и на горахъ, но тутъ обходятъ поѣздъ безъ хлѣба-соли и вмѣсто распятья носятъ благословенную икону или же икону Михаила Архангела. Въ самой церкви, послѣ вѣнца, молодую «окручиваютъ»; обрядъ окручиванья состоитъ въ томъ, что на молодую надѣваютъ бабью кику, на горахъ это называется «бабить».

На Ветлугѣ существуетъ особый обычай — въ концѣ свадебнаго стола подавать особый пирогъ, который заранѣе пекутъ дѣвушки, пирогъ этотъ украшается лентами и подается дѣвушками съ пѣснями, дружка долженъ его разрѣзать, при чемъ, если хоть одна ленточка оборвется или пирогъ развалится, дѣвушки высмѣиваютъ неловкаго рѣзальщика; за этотъ пирогъ гости даютъ дѣвушкамъ деньги [1]).

---

[1]) См. «Свадебные обычаи ветлужскаго края» М. Поспѣлова, «Нижегородскій сборникъ», т. I, авторъ этой статьи говоритъ, что пирогъ этотъ печется въ видѣ лежащаго поросенка, на которомъ сидитъ сдѣланный изъ тѣста пастухъ. Мы, съ своей стороны, должны сказать, что, присутствуя однажды на крестьянской свадьбѣ въ ветлужскомъ краѣ, такой особенности не видали.

Особенно интересны свадьбы ветлужскаго края; въ нихъ много сохранилось обычаевъ древней Руси. Женихъ и невѣста здѣсь, какъ и въ древности [1]), называются княземъ и княгиней «новображными»; въ свадебныхъ поѣздкахъ до сихъ поръ фигурируютъ «тысяцкій», «большой бояринъ», «меньшой бояринъ», «свахинъ повозникъ», «лагунникъ» (замыкающій поѣздъ), дружка и поддружій; особенно же важную роль здѣсь играетъ дружка. Дружка здѣсь не совсѣмъ то, что въ другихъ мѣстахъ: это не простой шаферъ, выбираемый изъ родни или друзей жениха,—дружка въ Поветлужьѣ особый мастеръ своего дѣла, иногда одинъ на село, а то и на цѣлый околотокъ, безъ него не можетъ обойтись ни одна свадьба; въ то же время дружка не простой человѣкъ, а нѣчто въ родѣ знахаря, вѣдуна, который знаетъ всякую ворожбу, всякіе отвороты и привороты, можетъ и порчу напустить,—его даже боятся не пригласить на свадьбу, какъ въ другихъ мѣстахъ завѣдомаго колдуна [2]). Дружка здѣсь какъ и вездѣ, впрочемъ, главный распорядитель свадьбы, но дружка приветлужскаго края до тонкости знаетъ всѣ мельчайшіе обряды, которыми здѣсь обставляются свадьбы, знаетъ, что послѣ чего слѣдуетъ по обычаю: гдѣ нужно, онъ кладетъ поклоны, истово творитъ крестное знаменье, гдѣ нужно, произноситъ молитвы или говоритъ особыя, заранѣе готовыя, заученныя причитанія; эти причитанія нерѣдко состоятъ изъ самаго безсмысленнаго набора словъ, какъ, напр., «изъ кута въ кутъ, съ кута на лавку, въ кутъ подъ окошко. Есть ли здѣсь маленьки ребятки, свины-поросятки, красны дѣвицы, криночны блудницы и т. п.» [3]); почти каждое изъ такихъ причитаній, которыя онъ произноситъ съ самымъ серьезнымъ видомъ какого-то священнодѣйствія, начинается Іисусовой молитвой: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ».

Кто читалъ «Въ лѣсахъ» Андрея Печерскаго, тотъ имѣетъ понятіе о томъ, что такое «свадьбы уходомъ»,—обычай чуть ли

---

[1]) См. «Бытъ русскаго народа» Терещенко, томъ II.

[2]) См. «Свадебные обычаи ветлужскаго края» М. Поспѣлова.

[3]) См. тамъ же. Терещенко («Бытъ русск. нар.») приводитъ совершенно сходныя съ ветлужскими причитанія при описаніи свадебныхъ обычаевъ Нерехтскаго уѣзда, Костромской губ.; см. также Снѣгирева «Русск. простонародные праздники», такія же причитанія приводитъ П. Александровъ въ своей статьѣ «Вологодская свадьба». Такія же причитанія съ небольшими измѣненіями въ ходу въ Симбирской губ., а также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной части Нижегородской губерніи.

не исключительно принадлежащій нижегородскому Поволжью, но авторъ «Въ лѣсахъ» въ своемъ романѣ беретъ болѣе исключительный случай, такъ какъ увозъ невѣсты у него дѣлается изъ богатой семьи, между тѣмъ какъ свадьбы уходомъ или, какъ они называются въ Поветлужьѣ, «воровскія свадьбы», справляются большею частью между бѣдняками, главнымъ образомъ, кажется, во избѣжаніе расходовъ.

Парень, намѣревающійся выкрасть невѣсту, начинаетъ ходить по «бесѣдкамъ, супрядкамъ», такъ за Волгой называются зимнія вечеринки, на горахъ — «посидѣлки», на которыхъ дѣвушки собираются съ прялками и рукодѣліемъ. Высмотрѣвъ себѣ по сердцу красавицу, парень тутъ же подъ шумокъ старается склонить ее къ побѣгу, тутъ же уговаривается съ ней и въ условленный вечеръ за ней выѣзжаетъ съ двумя-тремя товарищами. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Семеновскаго уѣзда невѣста выходитъ сама дожидаться жениха за околицу съ сундукомъ своего приданаго, на который непремѣнно садится,—таковъ обычай. Въ первую субботу, а на Ветлугѣ на другой же день послѣ вѣнца, молодые идутъ къ родителямъ похищенной «на прощенье», при чемъ обыкновенно не входятъ прямо въ избу, а останавливаются у окна, стучатся и заунывнымъ голосомъ произносятъ: «батюшка, матушка простите Христа ради». Батюшка съ матушкой иногда долго ломаются, не пускаютъ въ избу молодыхъ, часто случается, что новобрачнымъ приходится раза два, три съѣздить за прощеніемъ, но въ концѣ-концовъ ихъ прощаютъ, и они получаютъ благословеніе.

Крестьянскія свадьбы справляются, какъ извѣстно, больше въ зимнюю пору, преимущественно между Рождествомъ и масленицей. Съ Рождества, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ начала зимы, начинаются въ деревняхъ посидѣлки, на которыя сходится молодежь, парни и дѣвки; эти посидѣлки имѣютъ отчасти значеніе смотринъ. Посидѣлки на горахъ имѣютъ характеръ довольно невинныхъ развлеченій, выбирается какая-нибудь изба, часто нанимается за деньги на все время посидѣлокъ, куда дѣвушки каждый вечеръ собираются; очень часто эти собранія устраиваются въ семьѣ, гдѣ есть дѣвка на выданьи. За нѣсколько дней до начала рождественскихъ праздниковъ начинаются приготовленія: избу приводятъ въ порядокъ, дѣвки сходятся, моютъ полы, скоблятъ скамьи. Первый день Рождества принято проводить скромно, дѣвки сидятъ по лавкамъ, обыкно-

венно по правую сторону избы, на столѣ въ переднемъ углу зажигаютъ свѣчи, купленныя въ складчину. Первые дни праздника принято на посидѣлкахъ сидѣть въ платкахъ, дѣвушки одна передъ другой стараются щегольнуть своими нарядами, — особый шикъ въ одинъ вечеръ перемѣнить нѣсколько платьевъ. Въ то время, когда дѣвки уже собрались въ избѣ и сидятъ чинно въ рядъ, по улицамъ гуляютъ ряженые парни, завидя гдѣ-нибудь въ избѣ большой свѣтъ, съ шумомъ валятъ на дворъ; въ это же самое время дѣвки начинаютъ пѣть, является артель ряженыхъ, кто медвѣдемъ, кто цыганомъ, а кто попомъ въ рогожной ризѣ, съ лаптемъ на веревочкѣ вмѣсто кадила; начинаются шутки; дѣвки стараются узнать ряженыхъ, кого узнаютъ, съ тѣмъ цѣлуются, узнанныхъ величаютъ въ пѣсняхъ; парни при этомъ угощаютъ дѣвицъ лакомствами, иногда и виномъ (краснымъ). Попировавъ въ одной избѣ, парни идутъ въ другую или въ сосѣднюю деревню, на мѣсто ихъ является другая артель. Такія забавы идутъ вплоть до сочельника, въ сочельникъ дѣвки сходятся опять убирать избу. Послѣ рождественскихъ праздниковъ, посидѣлки продолжаются вплоть до великаго поста, но принимаютъ иной не столь праздничный характеръ: игръ не затѣвается, дѣвки занимаются рукодѣліемъ, поютъ пѣсни, заходятъ парни. Масленица — послѣдніе дни посидѣлокъ, во многихъ мѣстахъ справляется довольно шумно, а въ приветлужскомъ краѣ сохранился обычай проводовъ масленицы, — возятъ съ пѣснями соломенное чучело. Первый ударъ къ вечернѣ въ прощенное воскресенье прекращаетъ зимнія потѣхи до слѣдующаго года. Таковъ характеръ посидѣлокъ на горахъ, другое дѣло заволжскія «супрядки» и особенно «бесѣдки» приветлужскаго края: здѣсь дѣвки, большею частью потихоньку отъ своихъ родителей, нанимаютъ избу у какой-нибудь бобылки, гдѣ-нибудь на краю деревни или на выселкѣ, подальше отъ надзора и здѣсь проводятъ нерѣдко всѣ ночи напролетъ съ парнями,—заводится всякая шаль, допускаются всякія вольности. Не всякій богобоязненный отецъ пуститъ свою дочь на супрядки или на святочныя игры за околицу.

Эти бесѣдки, по отзывамъ мѣстныхъ жителей, вообще имѣютъ сильно развращающее вліяніе [1]). Въ такой глуши, въ та-

[1]) См. «Свадебн. обряды ветлужскаго края» М. Поспѣлова, «Нижег. сборникъ», т. VI. Авторъ статьи еще приписываетъ, кромѣ «бесѣдокъ», развращающее вліяніе общимъ банямъ, гдѣ моются парни и дѣвки вмѣстѣ.

комъ захолустьѣ, какъ ветлужскій край, нравственность, казалось бы, должна была сохраниться въ большей чистотѣ, между тѣмъ мы встрѣчаемъ совершенно обратное: дѣвушка, сохранившая свою чистоту до замужества, здѣсь чуть не рѣдкость; развратъ начинается нерѣдко съ очень юнаго возраста, лѣтъ съ 13 съ 14 [1]). Если дѣвка не родила до выхода замужъ, распутство въ вину ей не ставится, а чтобы не родить, есть, сказываютъ, въ Поветлужьѣ особыя бабки-повитухи, знающія всякія средства для предотвращенія бѣды. Отцы и матери смотрятъ на поведеніе своихъ дочерей сквозь пальцы [2]).

Въ числѣ разныхъ праздничныхъ обрядовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи удержался обычай колядовать подъ Новый годъ, а напримѣръ, въ Арзамасскомъ уѣздѣ (с. Красное) въ рождественскіе праздники разряженныя дѣвки ходятъ въ сопровожденіи пожилой бабы по избамъ, гдѣ есть молодые парни и поютъ «тувсень», парни ихъ угощаютъ виномъ и лакомствами, а баба получаетъ ржаной пирожокъ [3]). Почти вездѣ въ губерніи справляется Семикъ и Троицынъ день. Въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ Семикъ дѣвки съ утра ходятъ по избамъ и собираютъ яйца; онѣ всѣ нарядно одѣты, а одна изъ нихъ наряжена мужчиной [4]). Ночью собираются на лугу, варятъ яичницу, поютъ пѣсни и водятъ хороводы до самаго утра. Справляютъ еще такъ называемые «Купальни» [5]), которые начинаются съ перваго воскресенья послѣ Пасхи: дѣвки и парни сходятся ночью непремѣнно у рѣчки или озера, поютъ особыя пѣсни, водятъ хороводы. Своеобразный обычай существуетъ въ Ягодинской волости, Княгининскаго уѣзда: три раза въ годъ сходиться на кулачные бои. Любопытно мѣстное преданіе о томъ, съ чего завелся этотъ обычай. Крестьяне Ягодинской волости были когда-то монастырскими, Екатерина II ихъ отобрала въ казну; въ это же самое время смежныя земли, которыя ягодинцы привыкли считать своими, были розданы помѣщикамъ; помѣщики стали

[1]) См. тамъ же.

[2]) См. тамъ же, а также статью свящ. Троицкаго, «Ниж. сборн.», т. III, «Нѣкоторыя особенности въ обычаяхъ ветлужскаго края».

[3]) См. «Описаніе села Краснаго, Арзам. уѣзда» свящ. П. Покровскаго, «Ниж. сборн.», т. II.

[4]) См. тамъ же.

[5]) См. тамъ же.

переселять сюда своихъ крѣпостныхъ. Ягодинцы недружелюбно встрѣчали новыхъ сосѣдей, — сразу затѣялась вражда, стали возникать постоянныя распри, дѣло доходило зачастую до дракъ; съ этого начались ягодинскіе бои, обратившіеся вскорѣ въ своего рода спортъ и которые теперь пріобрѣли значеніе обычая. Ягодинскіе бои происходятъ въ Крещеніе, Троицу, въ Духовъ день и въ заговѣнье передъ Петровымъ постомъ. Въ бою участвуютъ по нѣскольку деревень сразу, дерутся всѣ, за исключеніемъ самыхъ древнихъ старцевъ и женщинъ, это называется «сходиться на Березники»; Березники—большая долина, служащая постоянной ареной для этихъ боевъ. Съ самаго утра на Березники сходятся дѣвки и молодухи въ нарядныхъ платьяхъ, поютъ пѣсни, къ полудню являются парни и мужики, женскій полъ удаляется на пригорки, а мужчины мало-по-малу раздѣляются на двѣ партіи, первые въ бой выступаютъ мальчишки, къ нимъ мало-по-малу пристаютъ взрослые, къ вечеру драка въ разгарѣ, дерутся до тѣхъ поръ, пока одна партія не одолѣетъ другую, отступившихъ побѣдители преслѣдуютъ до ближайшей деревни [1]). Къ числу весьма рѣдкихъ обычаевъ нижегородскаго края слѣдуетъ отнести одинъ любопытный обычай заволжской части Макарьевскаго уѣзда. Наканунѣ годового престольнаго праздника во всѣхъ избахъ тушатся огни, а на другой день утромъ выходятъ въ поле добывать огня. Огонь добывается, напримѣръ, въ с. Безходарномъ изъ ствола старой сосны треніемъ объ него сухого полѣна, этотъ огонь безходарновцы уносятъ въ село и не иначе, какъ отъ него въ этотъ день затопляются печи.

ГЛАВА III.

Говоря о населеніи нагорной стороны, должно замѣтить, что чисто-русскаго населенія здѣсь сравнительно мало, оно почти на половину состоитъ изъ обрусѣвшей мордвы, и отличается смѣшанными чертами характера, слѣды мордовскаго племени, нерѣдко довольно замѣтно сказываются и въ воззрѣніяхъ, и привычкахъ, и въ склонности къ неряшеству, которымъ отличается мордва-мокшане, и что составляетъ рѣзкую противуположность съ чисто-великорусскими обитателями Заволжья.

---

[1]) Описаніе ягодинскихъ боевъ, см. «Описаніе Ягодинской волости, Княгинин. уѣзда» Н. Покровскаго, «Ниж. сборн.», т. II.

Мордва, живущая въ предѣлахъ Нижегородской губерніи, принадлежитъ къ двумъ племенамъ, эрзянъ и мокшанъ. Эрзяне преимущественно живутъ въ уѣздахъ Лукояновскомъ, Арзамасскомъ, Сергачскомъ, Княгининскомъ и Ардатовскомъ, мокшане—въ Лукояновскомъ и особая отрасль этого племени терюхане, въ Нижегородскомъ.

Эрзяне Лукояновскаго уѣзда представляютъ болѣе утонченный типъ, это, такъ сказать, аристократы среди мордвы. Эрзянинъ и выше ростомъ, и плечистѣй, и имѣетъ болѣе бодрый самоувѣренный видъ, онъ и смышленѣй, и предпріимчивѣй мокшанина. Женщина-эрзянка статнѣй и красивѣй. Нѣкоторыя эрзянскія дѣвушки отличаются миловидностью и, что называется, пикантностью. Фарфоровая бѣлизна лица, сѣрые стального цвѣта глаза, иногда при черныхъ какъ смоль, а большею частью бѣлокуро-льняныхъ съ рыжеватымъ оттѣнкомъ волосахъ, которые спереди подстрижены въ видѣ челки,—все это составляетъ нерѣдко что-то положительно обаятельное, что-то русалочье. Кромѣ того, эрзянскія дѣвушки вообще довольно стройны и граціозны. Онѣ необыкновенно опрятны (совершенная противуположность мокшанъ); ихъ костюмъ составляетъ коротенькая, немного ниже колѣнъ, узкая бѣлая рубашка, расшитая по подолу и у ворота разноцвѣтными, больше красными и черными шерстями, ноги онѣ обертываютъ въ чистыя, бѣлыя суконныя онучи и обуваютъ въ особаго рода «мордовскіе лапти» болѣе изящной работы, чѣмъ русскіе; лапти подвязываются не веревками или лыкомъ, какъ у русскихъ крестьянъ, а тоненькими ремешками, аккуратно переплетающими ногу. Сверхъ рубашни мордовки надѣваютъ такъ называемые «поньки», нѣчто въ родѣ передника, надѣтаго назадъ и покрывающаго задъ почти до самаго подола рубашки, эти поньки ткутся изъ толстой шерсти, украшаются вышивкой и оканчиваются длинной цвѣтной бахрамой. На голову бабы-мордовки надѣваютъ особые волосники, высокіе, съ концами, загнутыми впередъ, и напоминающіе повойники чухонокъ Петербургской губерніи; дѣвушки заплетаютъ волосы въ двѣ, а иногда въ нѣсколько косъ и надѣваютъ на голову красную ленту. Волосники у бабъ и косы у дѣвушекъ украшаются монетами, раковинками и разными побрякушками, на грудь онѣ надѣваютъ иногда особаго рода нагрудники, въ родѣ малороссійскихъ монистъ, тоже украшенные монетами и раковинами; въ уши вмѣсто серегъ мордовки

вздѣваютъ бѣлыя пушинки изъ заячьяго мѣху. Мужской мордовскій костюмъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго русскаго крестьянскаго, единственное отличіе — это мордовскіе лапти съ ремешками.

Изъ мокшанъ болѣе сохранили національныхъ чертъ терюхане. Село Малое Терюшево, Нижегородскаго уѣзда, главный центръ терюшевской мордвы. Мордовки Терюшевской волости еще носятъ свой національный костюмъ, почти ничѣмъ не отличающійся отъ эрзянскаго. Остальные мокшане, да и изъ терюханъ больше половины, до того обрусѣли, что почти ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ своихъ сосѣдей, тоже когда-то бывшей, но раньше обрусѣвшей, мордвы.

Мордва — народъ лѣнивый, склонный къ мечтательности и до страсти любящій природу. Избы свои, часто бѣдныя лачуги, крытыя соломой (какъ, напр., въ Лукояновскомъ уѣздѣ), мордва любитъ обсаживать деревцами, передъ окнами разводить цвѣтники; улицы нѣкоторыхъ мордовскихъ селеній представляютъ изъ себя длинныя тѣнистыя аллеи высокихъ, густыхъ ветелъ или особенно любимыхъ мордвою березъ. Странно, что при всей наклонности мордовскаго племени къ поэзіи, къ покойному созерцанію и мечтательности, они почти совсѣмъ не имѣютъ своихъ національныхъ пѣсенъ, а поютъ русскія, очень мало сохранили преданій и вообще не отличаются даромъ поэтическаго творчества. Впрочемъ, мордва народъ скрытый: живетъ замкнуто, такъ что весьма трудно проникнуть въ ихъ внутренній міръ. Необычайная скрытность, съ примѣсью нѣкоторой наивной хитрости, составляетъ едва ли не самую выдающуюся черту ихъ характера. Мордва весьма религіозна, усердно посѣщаетъ церкви, любитъ обставлять избы иконами, которыя, что бы на ней ни изображалось, называетъ «Миколой». Особенное почитаніе памяти умершихъ составляетъ также довольно характерную черту мордвина. Дни поминовенія усопшихъ, родительскія субботы ими особенно чествуются, почти при каждомъ селѣ мордовскомъ, всегда въ открытомъ полѣ, близъ околицы, находится кладбище, могилки тѣснятся другъ къ другу, на каждой изъ нихъ по нѣскольку крестовъ разной величины, такъ что мордовское кладбище представляетъ изъ себя довольно своеобразный видъ какого-то сплошного частокола. Мордва, особенно мокшане, до сихъ поръ еще склонны смѣшивать христіанство со своимъ прежнимъ языческимъ культомъ: молясь на

Миколу, они мѣстами еще, кажется, не забываютъ и своихъ «пасовъ». Не знаемъ относительно лукояновской мордвы, по терюхане Нижегородскаго уѣзда, сказываютъ, еще недавно ходили, а можетъ-быть, старики и теперь еще ходятъ въ извѣстные дни въ лѣсъ на свои моленья. Впрочемъ, и въ Лукояновскомъ уѣздѣ есть одно мѣсто, которое у русскаго населенія называется «мордовскимъ моленьемъ».

Если ѣхать отъ Нижняго по арзамасскому тракту, пролегающему самой центральной частью когда-то сплошного мордовскаго населенія, на разстояніи 60 верстъ, теперь вы не встрѣтите и слѣдовъ мордвы, развѣ названія нѣкоторыхъ мѣстностей напомнятъ вамъ о прежнихъ обитателяхъ. Только проѣхавши село Дальнее Константиново, начинаютъ встрѣчаться мордовскія селенія, здѣсь живутъ терюхане, — отсюда дорога вступаетъ въ огромный лѣсъ. Лѣса нагорной стороны совершенно не похожи на угрюмые лѣса Заволжья: здѣсь по преимуществу чернолѣсье, хмурыхъ заволжскихъ елей здѣсь нѣтъ; изъ хвойныхъ сосна дружно сосѣдитъ съ березой, осиной, ольхой и дубомъ. Въ этой лѣсистой мѣстности, близъ деревни Сескина, въ густомъ лѣсу, находится и до сей поры не совсѣмъ, какъ говорятъ, забытое наполовину обрусѣвшей мордвой, памятное мѣсто—поляна на рѣчкѣ Рыхлейкѣ, гдѣ въ началѣ прошлаго столѣтія жилъ на своей пасѣкѣ знаменитый мордовскій прокъ Кузьма Алексѣевъ, котораго мордва считала богомъ первымъ въ небесной іерархіи послѣ «Салоха» (Саваоѳа) и «Христосика» и выше не только «Илюши-пророка», но и самаго «Миколы». Здѣсь на этой полянѣ когда-то совершался таинственный культъ поклоненія обоготворенному человѣку; здѣсь Кузьма, возсѣдая на высокомъ помостѣ въ особомъ облаченіи, принималъ моленья, совершалъ съ ума сводившія мордву чудеса, изрекалъ дивныя пророчества.

Личность самаго мордовскаго пророка и вызванное имъ движеніе среди мордвы—явленія до того необычайныя, что мы рѣшаемся не надолго остановиться на нихъ. Недолговременное проповѣдничество Кузьмы Алексѣева относится къ первымъ годамъ прошлаго столѣтія. Воспоминанія мѣстной мордвы о немъ очень смутны, отъ мордвы вы ничего не услышите; немного, но все-таки гораздо болѣе разскажутъ вамъ объ этомъ замѣчательномъ мордвинѣ «Кузькѣ-богѣ» въ ближайшихъ русскихъ селеніяхъ, однако всѣ сохранившіяся кой-какія преданія о немъ сильно отзываются небывальщиной и похожи на сказку. Въ 60-хъ годахъ,

сказываютъ, съ большимъ интересомъ читался разсказъ «Отечественныхъ Записокъ» неизвѣстнаго автора, скрывшаго свое имя подъ скромной литерой К., «Кузька—богъ мордовскій»; разсказъ этотъ написанъ живо, картинно, увлекательно. Мордовскій пророкъ изображенъ въ немъ, съ одной стороны, тонкимъ плутомъ, хитро умѣвшимъ морочить невѣжественную мордву, съ другой стороны, ловкимъ ловеласомъ и, наконецъ, безумно влюбленнымъ въ красавицу-мордовку Ефросинію, которую онъ обѣщаетъ, въ родѣ лермонтовскаго демона, сдѣлать царицей, если не цѣлаго міра, то, по крайней мѣрѣ, новаго мордовскаго царства. Словомъ, разсказъ «Отечественныхъ Записокъ» носитъ характеръ настоящаго романа и ничего общаго съ истиной не имѣетъ. Въ 1892 г. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» помѣщена была въ высшей степени интересная статья В. И. Снѣжневскаго «Кузьма, пророкъ мордвы-терюханъ». Изъ этой статьи, составленной авторомъ на основаніи подлиннаго слѣдственнаго дѣла о мордовскомъ лжепророкѣ (хранящагося въ архивѣ Ниж. Арх. Ком.), видно, что въ дѣйствительности Кузьма былъ далеко не шарлатанъ и не плутъ, а самъ, будучи глубоко убѣжденъ въ своемъ великомъ призваніи освобожденія народа мордовскаго, скорѣй подходилъ къ разряду восторженныхъ энтузіастовъ въ родѣ Іоанны д'Аркъ, съ которой довольно удачно сравниваетъ его авторъ, нежели къ типу шарлатановъ, на манеръ Каліостро, какимъ онъ выставленъ въ разсказѣ «Отеч. Зап.».

Кузьма живетъ въ лѣсу, въ полномъ уединеніи (онъ занимался жженіемъ угля). Сначала его начинаютъ тревожить странные сны: онъ видитъ то мордовскаго бога Мельцедѣя, то Божью Матерь и Архангела Гавріила. Впросоньи и затѣмъ наяву онъ начинаетъ слышать голоса, призывающіе его на великое поприще проповѣди «истинной вѣры», старой вѣры мордовской, призывающіе его поднять законъ, бывшій до Р. Х. законъ Авраама и Давида, который будто бы и былъ истинной вѣрой мордвы.

Сидитъ Кузьма на своей пасѣкѣ; тихо въ лѣсу, воздухъ дышитъ теплой апрѣльской влагой, не шелохнетъ, только птицы Божьи поютъ, да слышно, какъ трава прорастаетъ, шевеля мокрый, палый прошлогодній листъ, и сквозь этотъ тихій шорохъ слышится чей-то шопотъ, шепчетъ все тотъ же знакомый голосъ, призывающій его на великое поприще. Идетъ Кузьма по лѣсу, лѣсъ шумитъ кругомъ, гудитъ перекатными волнами, и сквозь

шумъ лѣсной опять тотъ же голосъ, какъ труба, гремитъ надъ нимъ, откуда-то съ высоты. Рисуется воображенію Кузьмы картина далекаго прошлаго, стародавнихъ лѣтъ,—картина сѣдой старины, когда на Дятловыхъ горахъ, гдѣ стоитъ теперь Нижній, шумѣлъ дремучій лѣсъ. Вотъ на высокомъ холмѣ надъ Окою, въ бѣлыхъ балахонахъ, вокругъ священныхъ бадей, полныхъ доверху сладимаго сусла, стоитъ съ завѣтными ковшами мордва, хоромъ молится, на закатъ солнца кланяется; далеко по лѣсу голоса ихъ

Видъ г. Арзамаса со стороны р. Теши (съ фотографіи М. П. Дмитріева).

раздаются, далеко слышенъ брякъ завѣтныхъ ковшей. Заря гаснетъ, ложится сизый туманъ по землѣ, загораются звѣзды на небѣ, златорогій мѣсяцъ, словно умытый серебристой росой, съ небесъ смотритъ въ чащу лѣсную. На священной полянѣ, на высокомъ холмѣ костры загораются, а мордва все Богу молится, на закатъ солнца кланяется. Ночь. Темная ночь. Возводитъ очи свои Кузьма къ небесамъ, и чудится ему, сквозь толпы мерцающихъ звѣздъ кто-то смотритъ любовно на землю—то самъ Салаохъ озираетъ творенья свои. И чудится Кузьмѣ: чей-то духъ рѣетъ надъ нимъ, чье-то теплое дыханіе обвѣваетъ его и снова

слышится голосъ, — цѣпенѣетъ Кузьма и трепещетъ. Среди звѣздъ небесныхъ кто-то во все небо стоитъ,—то святой Микола-угодникъ съ небесъ благословляетъ его... «Встань, Кузьма, приспѣло время: священные ковши ваши, что въ Нижнемъ подъ соборомъ лежать, вышли изъ земли. Наступило царство небесное, воротилась вѣра истинная». Бѣжитъ Кузьма изъ лѣсу, бѣжитъ въ село, но вотъ и тамъ среди бѣлаго дня, среди шумной толпы въ день весенняго Николы раздается надъ нимъ голосъ. Съ этого дня Кузьма увѣровалъ въ свое призванiе.

Вотъ какимъ нарисовать можно образъ мордовскаго пророка по статьѣ В. Снѣжневскаго, составленной, какъ мы уже сказали, на основанiи подлинныхъ о немъ документовъ. Недолго пришлось проповѣдывать Кузьмѣ: онъ скоро былъ схваченъ и съ вынутiемъ ноздрей сосланъ въ Сибирь. Замѣчательно, что тогдашнiй духъ мистицизма проникъ какимъ-то образомъ и въ такое дикое захолустье, какъ Терюшевская волость, сказался и въ такой полудикой средѣ, какъ тогдашняя полуязыческая мордва.

Въ чемъ, однако, состояло ученiе, проповѣданное Кузьмой, въ чемъ состояла эта проповѣданная имъ «истинная вѣра»,—сказать трудно, но важно было обаянiе, убѣжденiе въ томъ, что это-то и есть старая вѣра, которой, можетъ-быть, не зналъ или о которой имѣлъ очень смутное представленiе и самъ Кузьма.

П. И. Мельниковъ въ своихъ «Очеркахъ мордвы» высказываетъ предположенiе, что древнiй мордовскiй культъ, едва ли не былъ культомъ и славянъ. Впрочемъ, какъ о культѣ мордвы, такъ и славянъ мы одинаково мало знаемъ. Но то, что намъ извѣстно, даетъ право думать, что въ религiозныхъ воззрѣнiяхъ языческой мордвы было много возвышеннаго, съ одной стороны, съ другой—ихъ культъ, кажется, не чуждъ былъ восторженности и даже оргiазма. Особенно высокъ и поэтиченъ образъ ихъ главной богини Анге-Па̀тяй, воплощенiе мiровой любви, вѣчно творящей «расплодъ души живой». Главнымъ божествомъ мордвы былъ Чамъ-пасъ, но Чамъ-пасъ, этотъ первобогъ, мало имѣлъ отношенiя, не только къ человѣку, но даже и вообще къ мiру. Вначалѣ Чамъ-пасъ носился одинокiй среди пустоты небытiя; онъ искалъ и не находилъ ничего, кромѣ самого себя. И вотъ, разгнѣванный на свое одиночество, онъ плюнулъ, отъ его плевка выросла страшная безформенная глыба, которая все разрасталась и готова была наполнить всю безконечность. Чамъ-пасъ спѣшитъ уничтожить свое ужасное невольное созданiе.

но—увы!—онъ только творецъ, онъ можетъ вызывать къ существованію, уничтожать же и обращать въ небытіе не властенъ. Отъ удара его жезла изъ безформенной глыбы выходитъ шайтанъ,—зло, какъ результатъ родившаго его чувства гнѣва. Тогда Чамъ-пасъ спѣшитъ поправить свою невольную ошибку и создаетъ любовь и благо въ лицѣ непорочной дивной красоты дѣвы Анге-патяй, которая уже и создаетъ боговъ и весь міръ. Она вѣчно и всюду разсѣваетъ сѣмена жизни. Ея любимыя созданія—это пчелы и куры, самыя плодовитыя животныя, а потому яство изъ яицъ (яичница) и напитокъ изъ пчелинаго меда считаются священными и жертвенными. Небо и солнце мордва олицетворяла въ божествѣ свѣта Нишка-пасъ, впослѣдствіи отождествляемомъ, кажется, съ Христомъ. Богъ земли, отождествляемый съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ, назывался Веленъ-пасъ, Нозыръ-пасъ, отождествляемый съ Николой зимнимъ, былъ богомъ почи, зимы и въ то же время луны; Мастыръ-пасъ — богъ весны, одинъ изъ самыхъ большихъ боговъ, впослѣдствіи смѣшался съ Николой вешнимъ (9 мая) и сталъ называться Мастыръ-пасъ-Микола. Затѣмъ къ числу, повидимому, болѣе низшихъ божествъ принадлежали разные озисы: Тувсенъ-озисъ — богъ свиней, Ангарь-озисъ — богъ лошадей и пр. Озисовъ множество, они вѣчно потокомъ сверкающихъ искръ рождаются, возникая отъ ударовъ божественнаго огнива Анге-патяй. Жертвоприношенія свои мордва совершала въ лѣсу подъ деревьями, при чемъ варилась въ котлахъ священная брага (пуре), моленье оканчивалось «братчиной», пили брагу изъ завѣтныхъ ковшей; главный распорядитель моленья и братчины «Вязятяй», кажется, выбирался на каждый разъ особо, точно такъ же, какъ и его помощникъ «Пурендай».

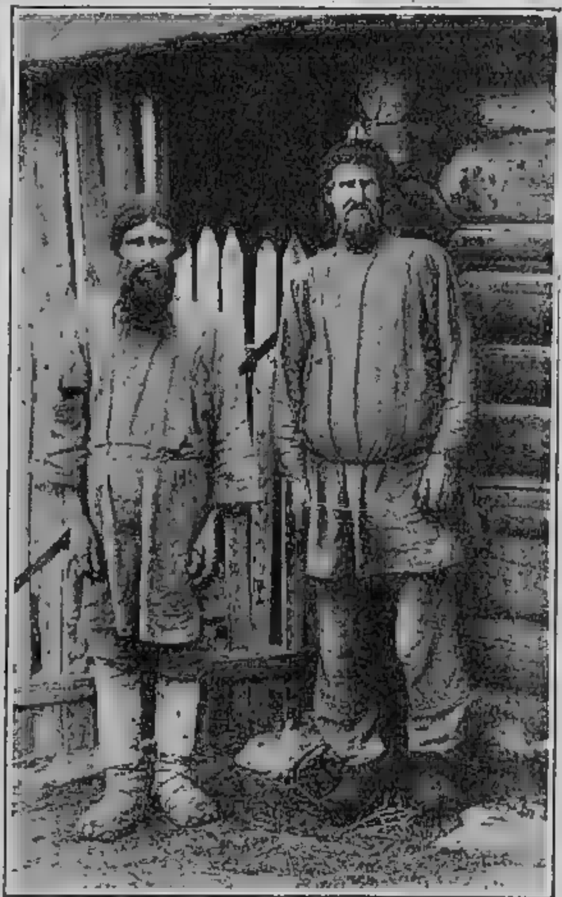
Несмотря на расположеніе къ лѣни, мордвинъ довольно хорошій хозяинъ и особенно любитъ огородничество. Во многихъ селеніяхъ Арзамасскаго уѣзда мордва занимается въ зимнее время выращиваніемъ зеленаго лука, который большею частью не продаютъ, а мѣняютъ на яйца. Яичный скопъ и торговля яйцами составляютъ любимыя занятія мордвы. Разведеніе куръ, яичный скопъ и пчеловодство являются переживами языческой старины, когда, какъ уже мы сказали, куры, яйца, пчелы и медъ считались священными символами. Мордва живетъ замкнуто; въ Лукояновскомъ уѣздѣ нѣтъ ни одной деревни, гдѣ бы населеніе было смѣшанное изъ русскихъ и мордвы. Мор-

двинъ вообще мало общителенъ даже и въ своей средѣ, а русскихъ онъ чуждается; русскіе тоже не особенно дружелюбно относятся къ мордвѣ. Назвать русскаго мордвиномъ— большое оскорбленіе; «опростоволосился, какъ мордвинъ», говорятъ здѣсь въ насмѣшку; по мнѣнію сосѣдняго русскаго населенія, мордвинъ — простофиля, дуракъ и въ то же время онъ знается съ чортомъ, онъ—и кудесникъ и знахарь. Самъ мордвинъ въ обществѣ русскихъ какъ будто стыдится своей національности, въ своемъ быту онъ старается во всемъ подражать русскому. Породниться съ русскимъ для мордвина великая честь, для русскаго же породниться съ мордвой, наоборотъ, зазорно. Вообще русскіе смотрятъ на мордву, такъ сказать, съ полунасмѣшливымъ презрѣніемъ, съ какой-то брезгливостью, какъ будто бы для русскаго мордва и до сихъ поръ еще «погани мордва».

Въ настоящее время у мордвы мало сохранилось своихъ національныхъ обычаевъ: такъ, напримѣръ, свадебные обряды мордовскіе немногимъ отличаются отъ русскихъ; своеобразная особенность мордовской свадьбы мѣстами, гдѣ еще сохранились остатки древнихъ обычаевъ, заключается въ томъ, что женихъ все время, по обычаю, какъ бы бѣгаетъ и постоянно скрывается отъ невѣсты, онъ отдѣльно пріѣзжаетъ въ церковь со своимъ урвадѣемъ-дружкой, послѣ вѣнца тотчасъ же во всю прыть удираетъ изъ церкви домой и забивается куда-нибудь въ овинъ подъ солому; онъ скрывается такимъ образомъ весь день до поздняго вечера, когда его, наконецъ, разыскиваютъ и запираютъ въ сараѣ вмѣстѣ съ молодой. Молодая изъ церкви пріѣзжаетъ въ домъ свекра отдѣльно со своимъ урвадѣемъ и «плакущей» свахой. Входъ ея въ домъ свекра сопровождается особымъ обрядомъ: около воротъ поѣздъ останавливается, урвадѣй зажигаетъ вѣнчальную свѣчу «штатолъ», при чемъ невѣста «вопитъ», говоря, что она хочетъ войти въ домъ свекрушки съ отцовской свѣчей, освѣтиться своимъ свѣтомъ, ее обводятъ со свѣчей три раза вокругъ всего поѣзда, послѣ чего ведутъ на крыльцо; на крыльцѣ ее встрѣчаетъ женщина въ полной мордовской срядѣ, съ мужской вывороченной бараньей шапкой на головѣ и осыпаетъ ее хмелемъ, затѣмъ выходятъ свекоръ и свекровь, благословляютъ молодую и вводятъ въ избу. Еще замѣчателенъ обрядъ, вѣроятно, оставшійся отъ времени язычества, это — питье браги: молодая вынимаетъ изъ печи ба-

дейку, беретъ ковшъ и съ особой церемоніей и поклонами въ поясъ, подноситъ свекру и свекрови по ковшу, выпиваетъ сама три ковша подъ рядъ и затѣмъ обноситъ всѣхъ гостей. Между тѣмъ мужъ новобрачной все продолжаетъ скрываться; свадебный пиръ начинается безъ него; въ противоположность русскому мѣстному обычаю, горный столъ начинается тотчасъ послѣ питья браги, такимъ образомъ болѣе почетные гости угощаются первыми, на слѣдующее утро входитъ въ избу молодой, и опять начинается обрядъ питья браги, которую на этотъ разъ подноситъ уже онъ [1]).

Другое инородческое племя, живущее въ предѣлахъ Нижегородской губерніи, черемисы, на первый взглядъ имѣютъ много общаго съ мордвой, но, въ сущности, имѣя дѣйствительно съ мордвой нѣкоторыя общія черты, въ то же время оно имѣетъ много и существенныхъ племенныхъ отличій. Черемисы Нижегородской губерніи раздѣляются такъ же, какъ и мордва, на два племени, горныхъ и луговыхъ, хотя, по мнѣнію Веске, такое дѣленіе не правильно, такъ какъ эти двѣ племенныхъ отрасли, отличающіяся другъ отъ друга особенностями нарѣчій, одинаково встрѣчаются въ нагорной сторонѣ Волги, такъ и въ луговой, такъ что правильнѣй ихъ было бы назвать—сѣверные и южные. Оба эти племени настолько же различаются между собою, какъ въ мордовскомъ населеніи эрзяне и мокшане, при чемъ горныхъ черемисъ вполнѣ можно сопоставить съ эрзянами: какъ эрзяне между мордвой, такъ горное племя между черемисами отличаются большимъ развитіемъ, умственнымъ и нравственнымъ; они и живутъ лучше—опрятнѣе и богаче. Совсѣмъ другое дѣло луговые: они во многомъ отстали отъ горныхъ,—еще до сихъ поръ попадаются въ Заветлужьѣ селенія, гдѣ

Черемисы горные.

---

[1]) См. «Религіозныя вѣрованья, домашній бытъ и обычаи мордвы Нижег. уѣзда», А. А. Титова (изъ бумагъ П. И. Мельникова). «Ниж. Губ. Вѣд.», 1887 годъ.

женщины-черемиски не только не говорятъ по-русски, но даже почти не понимаютъ русскаго языка. Отличительная черта характера черемисъ — это невозмутимое спокойствіе, черемисъ все дѣлаетъ не торопясь, всѣ его движенія медленны и лѣнивы, онъ рѣдко улыбается, рѣдко выходитъ изъ себя, никогда не бранится и даже почти никогда не возвышаетъ голоса. Если вы попадете въ черемисскую деревню, васъ невольно поражаетъ какая-то не совсѣмъ обычная мертвая тишина: улицы пусты, нигдѣ не слышно ни пѣсни, ни говора, ни даже лая собакъ. Въ самый большой праздникъ, когда по русскимъ деревнямъ раздаются пѣсни, смѣхъ и пьяная брань, въ черемисскихъ деревняхъ тишина, развѣ гдѣ-нибудь у завалинки соберется небольшая кучка парней и подъ звуки пискливой гармоники, говоркомъ, вполголоса затянетъ безконечно однообразную пѣсню — не пѣсню, а что-то въ родѣ протяжнаго нытья. Это «хара», любимая пѣсня черемисъ и, кажется, чуть ли не единственная національная. Среди шумной, веселящейся толпы въ праздничный день черемиса всегда можно отличить: онъ всегда молча, неподвижно стоитъ въ сторонѣ и невозмутимо покойно созерцаетъ чужое веселье, самъ же никогда не принимаетъ въ немъ участія; у черемисъ не бываетъ ни зимнихъ посидѣлокъ ни лѣтнихъ гулянокъ, гдѣ бы сходились парни и дѣвки; парни всегда держатся особнякомъ, въ праздникъ, принарядившись, ходятъ толпой, молча, медленно, переваливаясь съ боку на бокъ; дѣвки особо и тоже молча гдѣ-нибудь усаживаются у околицы, сидятъ подолгу на одномъ мѣстѣ, изрѣдка неохотно перебрасываясь словами. Точно такъ же, какъ и мордва, черемисы необыкновенно набожны, усердно посѣщаютъ церковныя службы, но еще болѣе, чѣмъ мордва, смѣшиваютъ христіанство съ язычествомъ. Если не до сихъ поръ ходятъ, то еще очень недавно ходили они на свои керемети — священныя поляны въ лѣсу. Почитая самымъ большимъ богомъ, какъ и мордва, Миколу, они усердно ему ставятъ свѣчи въ церквахъ, но, помолясь на Миколу, въ былыя времена они нерѣдко затѣмъ хаживали и на кереметь. Кереметь — мѣсто молянъ и въ то же время имя грознаго божества; это чернобогъ, котораго они старались умилостивить приношеніями. Если кто-нибудь заболѣлъ въ семьѣ, это считалось дѣло Кереметя или вообще темной силы. По мнѣнію черемисъ, весь міръ населенъ чертями, которые только и дѣло дѣлаютъ, что вредятъ людямъ. Заклятый врагъ этихъ чертей—Илья-пророкъ, кото-

рый гоняется за ними и побиваетъ ихъ на каждомъ шагу, гдѣ завидитъ. Кереметь иногда является въ лѣсу, въ видѣ волка. Впрочемъ, представленія самихъ черемисъ о своемъ Кереметп довольно сбивчивы, его также считаютъ чѣмъ-то въ родѣ домового Кереметь-Шитръ. Существуетъ легенда, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, по которой Кереметь, какъ и вообще всѣ черти, суть не что иное, какъ ангелы, которые прогнѣвали Бога и за то были сброшены съ неба на землю, кто упалъ въ лѣсъ —

Черемиска луговая въ національномъ костюмѣ.

Черемиска горная въ національномъ костюмѣ.

сдѣлался лѣшимъ, кто попалъ въ воду—водянымъ, а Кереметь упалъ въ черемисскую избу [1]). Кромѣ жертвоприношеній въ лѣсу, Керемето приносились мелкія жертвы дома. Въ случаѣ какой-нибудь невзгоды или болѣзни близкаго человѣка черемисъ шелъ, бывало, къ особому знахарю, тотъ опредѣлялъ степень гнѣва божества и указывалъ мѣры къ его умилостивленію, онъ говорилъ, напримѣръ, что требуется приношеніе на кереметы, коровы или лошади, или какой-нибудь домашней птицы; черемисъ долженъ былъ итти послѣ того на первый же базаръ въ бли-

[1]) См. «Черемисы Арбанской волости», П. Троицкій. «Извѣстія общ. Археол., Ист. и Этн. при Импер. Казанск. унив.», т. XI, вып. I, 1893 г.

жайшее село и купить эту корову, лошадь или птицу, не торговавшись, за ту цѣну, которую запроситъ продавецъ, иначе жертва не будетъ дѣйствительна. При моленьи на кереметяхъ черемисы пили, точно также же, какъ и мордва, особый напитокъ — брагу изъ ковшей [1]). Если никакіе молебны въ одной церкви не помогаютъ, черемисъ идетъ нерѣдко въ другую и въ третью, вполнѣ увѣренный въ томъ, что Богъ въ одной церкви помогаетъ больше, въ другой меньше. Если же всѣ моленья его оказываются тщетными, онъ нерѣдко, по указанію карта (знахаря), совершаетъ паломничество въ Чебоксары къ Миколѣ. Въ Чебоксарахъ (г. Казанской губ.) въ мужскомъ Троицкомъ монастырѣ находится рѣзная икона Николая Чудотворца, особенно почитаемая чувашами и черемисами. Другая чувашская святыня — икона Николая же Чудотворца, рѣзная изъ чернаго камня въ с. Ишакахъ, почитается также и черемисами, хотя мы достовѣрно не знаемъ, ходятъ ли въ Ишаки нижегородскіе черемисы. Все вышесказанное относится, главнымъ образомъ, къ луговымъ черемисамъ, которые, живя въ лѣсу въ одномъ изъ самыхъ захолустныхъ угловъ губерніи, удерживаютъ и до сихъ поръ нѣкоторыя черты, свойственныя почти дикому народу. Древне-языческій культъ, слѣды котораго еще такъ замѣтны въ міровоззрѣніяхъ черемисъ и чувашъ у этихъ обоихъ племенъ, былъ одинъ и тотъ же [2]): главный богъ, богъ добра и свѣта — Юма; Кереметь, Касхи-Виспанъ-Эрсель (чувашское названіе) и Ирихъ (чувашское названіе) — темныя силы, вотъ, кажется, чуть ли не весь олимпъ черемисско-чувашскій и затѣмъ весь міръ, населенный злыми духами. Главный богъ языческихъ черемисъ, такъ же, какъ и у мордвы, не имѣлъ никакого отношенія къ созданному имъ міру. Онъ создалъ міръ и, «почивъ отъ дѣлъ», предоставилъ его самому себѣ. Въ воззрѣніяхъ языческихъ черемисъ была и своя Анге-патяй, дочь Юмы, но если у мордвы ихъ Анге-патяй являлась важнѣйшимъ

---

[1]) Одна изъ черемисскихъ кереметей находилась еще недавно въ Макарьевскомъ уѣздѣ, въ лѣсу за Ветлугой, въ Воздвиженской волости, почти на границѣ Вятской губерніи.

[2]) «Въ отношеніяхъ къ вѣрѣ христіанской какъ черемисы, такъ и вотяки сходствуютъ съ чувашами... Въ языческихъ заблужденіяхъ и суевѣрныхъ обрядахъ, которые называютъ они старою вѣрою, почти ничѣмъ между собою не разнятся». Доношеніе Свят. Синоду преосв. Филарета, 3 ноября 1829 года. См. «Излож. хода Мисс. дѣла», А. Можарскаго.

божествомъ, у черемисъ, наоборотъ, она совершенно заслонялась шайтаномъ — Кереметемъ, который и составлялъ главный предметъ поклоненія. Черемисы называютъ себя марь, главный районъ поселенья ихъ принадлежитъ Казанской губерніи, Казанскому, Козьмодемьянскому, Чебоксарскому, Царевококшайскому и Мамадышскому уѣздамъ; въ Нижегородской губерніи они живутъ въ уѣздахъ Васильскомъ и Макарьевскомъ; коренное мѣсто поселенья ихъ—нагорная сторона Волги, въ луговую они переселились позднѣе. Костюмъ черемисъ состоитъ изъ рубахи, штановъ и такъ называемаго «шобора»—легкій полотняный бѣлый кафтанъ, обшитый у ворота, по поламъ и на рукавахъ красной каймой; шоборъ — это принадлежность лѣтняго костюма; зимой они носятъ, ничѣмъ не отличающійся отъ обыкновеннаго крестьянскаго, суконный кафтанъ, полушубокъ и тулупъ; обувь, какъ и у мордвы, состоитъ изъ суконныхъ онучъ и лаптей, которые у мужчинъ иногда въ праздники замѣняются сапогами. Рубашки мужчины носятъ длинныя, ниже колѣнъ, обшитыя у ворота и рукавовъ красной каймой; рубашки эти подпоясываются особымъ поясомъ (уше). Женскій костюмъ мало отличается отъ мужского. Женщины носятъ такія же, какъ и мужчины, рубашки, съ той разницей, что у мужской рубашки дѣлается разрѣзъ у ворота на правой сторонѣ, а у женской посрединѣ; кромѣ того, женская рубашка болѣе украшается шитьемъ; женщины носятъ такіе же онучи и лапти, какъ и мужчины. Шоборъ женскій отличается покроемъ: тогда какъ мужской имѣетъ совершенно видъ кафтана съ таліей и сборчатой юбкой, женскій шьется безъ таліи. Кромѣ того, женщины надѣваютъ шейныя и грудныя украшенія, какъ, напримѣръ, «шумякъ», нѣчто въ родѣ нагрудника изъ монетъ, раковинъ и пр., «шюиръ»—шейное украшеніе, серьги изъ монетъ, которыя соединяются

Черемисы луговые.

одна съ другой разукрашенной нитью, висящей подъ подбородкомъ.

У черемиса всегда въ карманѣ или на ремешкѣ у пояса трубка, съ которой онъ никогда не разстается, трубка нерѣдко составляетъ предметъ его щегольства; по обычаю, изъ одной и той же трубки черемисы курятъ только въ теченіе одного года, къ пасхѣ покупаютъ новыя, а старыя, какъ бы онѣ ни были щеголеваты, забрасываютъ.

Свадьбы у черемисъ, какъ и у мордвы, обставлены множествомъ всякихъ обрядовъ, преимущественно заимствованныхъ у русскихъ. Сватовство идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и у русскихъ: являются сватуны въ домъ невѣсты всегда вмѣстѣ съ самимъ женихомъ и непремѣнно съ короваемъ хлѣба, который тотчасъ же кладутъ на столъ передъ образами. Въ случаѣ отказа со стороны родителей невѣсты сватуны каравай этотъ берутъ обратно и уѣзжаютъ; невѣста, по принятому обычаю, на это время уходитъ изъ избы и куда-нибудь прячется: если ей женихъ приглянулся и она не прочь за него выйти, она прячется такъ, что ее легко отыскать; родители, кончивъ переговоры, говорятъ обыкновенно: «Ну, теперь ступайте, ищите дочь, найдете — будетъ ваша». Если невѣста запряталась такъ, что ее разыскать невозможно,—это знакъ отказа съ ея стороны [1]). Въ черемисской свадьбѣ любопытенъ также своеобразный обрядъ «прощанья» жениха съ родителями передъ отъѣздомъ за невѣстой въ день вѣнчанія, при чемъ онъ становится среди избы на колѣни рядомъ съ какой-нибудь дѣвушкой, которая, вѣроятно, изображаетъ на это время его невѣсту, родители дѣлаютъ ему наставленія и затѣмъ, благословивши его и стоящую съ нимъ дѣвушку иконой, велятъ встать, послѣ чего онъ ѣдетъ за невѣстой. Въ церкви послѣ вѣнца молодую бабятъ, такъ же, какъ и у русскихъ, надѣваютъ бабью кику—«сороку». Свадьбой распоряжается дружка жениха — «суянъ-вуй»; послѣ свадебнаго пира справляютъ обрядъ «благословенія на постель»: зажигаютъ свѣчу передъ иконами, молодые становятся на колѣни, родители ихъ благословляютъ, послѣ этого ихъ ведетъ суянъ-вуй въ холодный чуланъ, гдѣ приготовлена постель.

Обставлены особыми обрядностями также и похороны: черемисы при выносѣ покойника изъ дому, на порогѣ, если покой-

---

1) «Черемисы Арбанской волости», Троицкой.

никъ взрослый, рѣжутъ курицу, если же ребенокъ — разбиваютъ куриное яйцо, послѣ похоронъ идутъ въ баню и надѣваютъ чистую рубаху. Поминки по умершимъ справляютъ тоже съ нѣкоторыми своеобразными обрядностями: такъ, въ сороковой день поминокъ у божницы вѣшается кафтанъ покойнаго; передъ этимъ кафтаномъ, изображающимъ самаго умершаго, ставятъ кушанья, умершаго угощаютъ, затѣмъ кафтанъ дарится тому, кто обмывалъ покойника и обряжалъ въ гробъ [1]).

Въ Васильскомъ уѣздѣ и, главнымъ образомъ, въ Сергачскомъ, а также въ с. Камкинѣ, Княгининскаго уѣзда, живетъ особое племя, которое обыкновенно называютъ татарами, между тѣмъ, какъ настоящіе татары казанскіе не считаютъ ихъ за своихъ соплеменниковъ и называютъ мишарь. Мишари, или такъ называемые сергачскіе татары, вмѣстѣ съ татарами касимовскими, Рязанской губерніи, татарами тамбовскими, пензенскими, симбирскими, самарскими и саратовскими дѣйствительно имѣютъ много отличій отъ казанскихъ и родственныхъ имъ астраханскихъ — кундровскихъ и юртовскихъ татаръ. Одинъ изъ ученыхъ изслѣдователей этого племени — профессоръ казанской духовной академіи протоіерей Е. А. Маловъ въ своей брошюрѣ «Свѣдѣнія о мишаряхъ» склоняется къ тому, почти утвердившемуся за послѣднее время мнѣнію, что сергачскіе татары не татары, а особое племя, по своему происхожденію не имѣющее ничего общаго съ казанскими татарами. Между прочимъ, онъ указываетъ на нѣкоторыя рѣзкія отличія мишарей отъ казанскихъ татаръ и въ ихъ типѣ лица, и одеждѣ, и въ нѣкоторыхъ бытовыхъ чертахъ. Типъ мишарей болѣе близокъ къ русскому типу: въ то время, какъ казанскій татаринъ по большей части худощавъ, болѣзненно блѣденъ, безбородъ, а если имѣетъ бороду, то очень жидкую, —

Дѣти черемиса передъ школой.

[1]) «Черемисы Арбанской волости».

мишарь, наоборотъ, круглолицъ, большей частью обросъ бородой, на видъ дороднѣй и здоровѣй, глядитъ весело и привѣтливо, по-русски. Костюмъ у мишарей менѣе отличается отъ русскаго крестьянскаго, нежели костюмъ болѣе щеголеватаго казанскаго татарина. Женщина-мишарка не закрываетъ лица при встрѣчѣ съ мужчиной, какъ казанская татарка, всегда при выходѣ на улицу накидывающая себѣ на голову особый кафтанчикъ, полами котораго то и дѣло закрывается; мишарка носитъ на головѣ платокъ, связанный концами сзади, подъ затылокъ; татарка Казани носитъ платокъ въ роспускъ, завязывая его спереди подъ подбородкомъ. Мишари, какъ и казанскіе татары,—мусульмане, хотя среди мишарей болѣе встрѣчается христіанъ. Языкъ мишарей почти одинаковый съ языкомъ казанскихъ татаръ, хотя въ немъ гораздо больше примѣси русскихъ словъ; кромѣ того, у мишарей есть множество словъ своихъ, совершенно не сходныхъ съ татарскими. Г. Маловъ указываетъ также и на особенности выговора мишарей болѣе жесткаго. «О языкѣ мишарей,— говоритъ онъ, — татары-магометане (т.-е. казанскіе) говорятъ всегда съ презрѣніемъ: по ихъ мнѣнію, мишари не говорятъ, а картавятъ (скалу сюйлійляръ)». Казанскіе татары, по словамъ г. Малова, мишарей считаютъ «насилъ-мягипъ-кмиляръ»— невѣждами, вообще ниже себя и унизительно смѣются надъ ними. Казанскіе татары, по словамъ Малова, мишарей считаютъ потомками турокъ, призванныхъ будто бы ханомъ Шигъ-Алеемъ себѣ на помощь во время борьбы съ русскими. Турки эти оказались измѣнниками, были изгнаны изъ предѣловъ Казанскаго царства и, боясь вернуться на родину, принявъ русское подданство, поселились на русскихъ земляхъ. Въ доказательство турецкаго происхожденія мишарей ученые татары указываютъ на сходство произношенія ихъ съ турецкимъ и на нѣкоторыя слова ихъ нарѣчія, вполнѣ сходныя съ турецкими.

Поселившіеся на русскихъ земляхъ турки, съ особаго разрѣшенія русскаго правительства, не оставляя мусульманства, стали будто бы вступать въ бракъ съ русскими дѣвушками, такимъ образомъ произошло особое племя русско-турецкое. Сами мишари нижегородскіе считаютъ себя первыми выходцами изъ Касимова, остальное разселеніе мишарей, по ихъ мнѣнію, было уже изъ предѣловъ нижегородскихъ. Мишари Пензенской губ. себя считаютъ кореннымъ племенемъ. Г. Маловъ, не находя въ этомъ ничего невѣроятнаго, на основаніи другихъ источниковъ

и соображеній склоняется, повидимому, къ тому мнѣнію, что мишари не что иное, какъ потомки мещеряковъ.

Извѣстно, однако, что послѣ покоренія Казани Грозный надѣлялъ землями многихъ татарскихъ мурзъ, не говоря уже о многихъ казанскихъ выходцахъ, поселявшихся на земляхъ нижегородскихъ гораздо ранѣе того. Позднѣе въ актахъ XVII столѣтія упоминается о многочисленныхъ земельныхъ владѣніяхъ татарскихъ мурзъ въ предѣлахъ нижегородскихъ, въ нынѣшнихъ Арзамасскомъ, Лукояновскомъ, Княгининскомъ, Васильскомъ и особенно Сергачскомъ уѣздахъ, слѣды которыхъ сохранились въ названіяхъ нѣкоторыхъ селъ, какъ, напр.: Мангушово, Уразовка, Ендовище, Мансуровка, Сергачскаго уѣзда, Мансуриха, Княгининскаго уѣзда, Малеево, Лукояновскаго уѣзда, Мангуши, Нижегородскаго уѣзда, Нагаево, Ардатовскаго уѣзда, и пр. Въ одномъ Сергачскомъ уѣздѣ было до 30 огромныхъ помѣстій татарскихъ. Всѣ эти татарскіе выходцы, какъ, напр., кн. Акчурины, Мустафины, Тенишевы, Кайбулины и другіе, владѣвшіе землями въ нижегородскихъ предѣлахъ, являлись въ свое время сюда, конечно, не одиночками, а цѣлыми семьями, со всѣми чадами и домочадцами, многочисленными слугами, дворней и проч. Куда жъ дѣвалось многочисленное потомство этихъ переселенцевъ? Куда жъ дѣвались нижегородскіе татары? Быть-можетъ, не правильнѣй ли будетъ предположить, что теперешніе нижегородскіе татары—дѣйствительно потомки когда-то переселившихся сюда казанскихъ татаръ, слившихся съ жившими здѣсь до того мещеряками и образовавшихъ особое племя теперешнихъ мишарей?

Типъ женщинъ изъ племени мишарь.

Въ 1895 году въ «Нижегородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» напечатана была интересная статья И. Попова: «Свѣдѣнія о нижегородскихъ татарахъ» (изъ которой мы и почерпаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія). Статья эта прошла какъ-то

незамѣченной, а между тѣмъ въ сжатомъ очеркѣ въ ней сообщаются нѣкоторыя интересныя данныя о заселеніи нижегородскаго края татарскими выходцами. Авторъ въ ней обращаетъ вниманіе на то, что въ разныхъ историческихъ актахъ упоминается о нижегородскихъ «служилыхъ» татарахъ только до конца XVII вѣка. Адамъ Олеарій видѣлъ много татаръ въ предѣлахъ нижегородскихъ, между тѣмъ какъ другой путешественникъ начала XVIII вѣка, Корнелій де-Бруинъ, говоритъ: «Татаръ въ немъ (то-есть въ Нижнемъ) уже не видно» [1]). «И дѣйствительно,—пишетъ г. Поповъ,—съ этого времени о служилыхъ татарахъ Нижегородской губерніи болѣе уже нигдѣ не упоминается. Это исчезновеніе объясняется тѣмъ, что большинство изъ нихъ приняло христіанство и вошло впослѣдствіи въ составъ нижегородскаго дворянства, меньшинство же, не желая перемѣнять религію, лишилось, по волѣ правительства, своихъ помѣстій и смѣшалось съ простыми податными сословіями».

Далѣе онъ приводитъ извѣстіе нижегородскаго епископа Дамаскина (1785 г.), который, между прочимъ, говоритъ, что среди татаръ нижегородскихъ были также и мурзы, но въ это время уже никакими особыми преимуществами противъ обыкновенныхъ крестьянъ не пользовались: платили подать наравнѣ съ крестьянами-татарами и имѣли тѣ же крестьянскіе надѣлы.

Въ настоящее время татары-мишари населяютъ 25 селеній, изъ нихъ 18 Сергачскаго уѣзда, 6 Васильскаго и 1 Княгининскаго (Камкино), впрочемъ, камкинскіе татары не коренные мѣстные татары, а переселившіеся въ 50-хъ годахъ XIX ст. изъ Симбирской губерніи. Всѣхъ татаръ въ Нижегородской губерніи числится до 50.000. Татарская деревня съ внѣшней стороны ничѣмъ не отличается отъ русской. Только остроконечные шпицы мечетей съ лунными серпами даютъ издали знать, что вы приближаетесь не къ русской, а татарской деревнѣ. Избы татаръ отличаются тѣмъ, что всѣ окна, за исключеніемъ одного, выходящаго на улицу, обращены на дворъ; впрочемъ, это избы стараго типа, вновь построенныя,—такія же, какъ и у русскихъ. Живутъ татары бѣдно и неряшливо; хозяева они плохіе. Между татарами не мало такихъ, которые цѣлыми семьями ходятъ по міру, обративши нищенство въ ремесло; свои усадебныя земли они нерѣдко отдаютъ въ аренду, а сами ухо-

[1]) См. свѣдѣнія о нижегородскихъ татарахъ Н. Попова.

дятъ на заработки. Любимый промыселъ татаръ — это торговля «шурумъ-бурумъ»— перекупленными старыми вещами. Ихъ обычаи, за исключеніемъ связанныхъ съ ихъ магометанской религіей, мало отличаются отъ русскихъ: свадьбы сопровождаются пированіями, какъ и у русскихъ, только поскромнѣй и не такими продолжительными, при чемъ татары не брезгуютъ «Руси веселіемъ». Бракъ у татаръ-мишарей устраивается родителями. Ни женихъ ни невѣста не должны знать, съ кѣмъ имъ придется вступить въ брачныя узы. Сватовство идетъ черезъ свахъ; свахи ходятъ къ родителямъ невѣсты три дня. Все это время невѣсту не выпускаютъ изъ дому, такъ какъ женихъ даже случайно не долженъ видѣть въ это время ея лица. Затѣмъ приводятъ жениха, и здѣсь, на дому невѣсты, мулла обручаетъ молодыхъ людей, послѣ чего мужъ остается въ домѣ жены два дня, на третій день увозитъ ее къ себѣ; съ этого дня начинаются пированья, которыя продолжаются три дня. Точно такъ же, какъ у русскихъ, родители жениха даютъ «кладку», а невѣста послѣ обрученія передаетъ мужу приданое.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Историческій очеркъ Нижняго-Новгорода.

Стр.

Глава I. Съ древнѣйшихъ временъ до паденія Нижегородскаго княжества 3

» II. Отъ паденія Нижегородскаго княжества до покоренія Казани 29

» III. Отъ покоренія Казани до учрежденія нижегородской епархіи 58

» IV. Отъ учрежденія нижегородской епархіи до нашего времени. 80

Этнографическій очеркъ нижегородскаго края.

Глава I 128

» II 151

» III 158

Планъ Ниж.-Новгорода и Нижегородской ярмарки.

Ж Е Д Г В Б А

З I К Л М

Объясненіе знаковъ къ плану города.

1. Кафедральный Спасо-Преображенскій Соборъ. В. I.
2. Архангельскій Соборъ. В. I.
3. Успенскій Соборъ В. I.
4. Благовѣщенскій соборъ
5. Церковь Георгіевская В.
6. Церковь Рождественская. Г. I.
7. „ Алексѣя Митрополита. В. I.
8. Церковь Симеона Столпника. В. I.
9. Церковь Срѣтенская (Сухоновская) В. I.
10. Церковь Семинарская (Св. Іоанна Дамаскина). Б. I.
11. Церковь Крестовая (при Архіерейскомъ домѣ). Б. I.
12. Церковь Никольская (верхне-посадская). В.
13. „ Варваринская. Б. I.
14. „ Скорбященская (при губернской больницѣ). Б. I.
15. Церковь Троицкая (верхне-посадская) А. I.
16. „ Духовская (единовѣрческая). Б. К.
17. „ Петропавловская (кладбищенская) Б. К.
18. „ Трехсвятительская. В. Л.
19. Церковь Покровская. В. К.
20. „ Мироносицкая. В. I.
21. „ Вознесенская Г. К.
22. Церковь Ильинская. Г. I.
23. „ Казанская Г. I.
24. „ Предтеченская. В.
25. Церковь Никольская (нижне-посадск.) Г. I.
26. „ Живоносновская. В. З.
27. „ Троицкая (нижне-посадск.). Г. I.
28. Церковь Козьмодамiанская Г. I.
29. „ Успенская Г. I.
30. „ Сергіевская Г. I.
31. Церковь Похвалинская. Г. К.
32. „ Одигитріевская (на Гребнѣ) Д. К.
33. „ Предтеченская. Д. К.
34. „ Воскресенская. Г. Л.
35. „ Спасская. А. К.
36. „ Іоанна Богослова. В. Л.
37. Аракчеевскій Кадетскій Корпусъ. В. I.
38. Губернская гимназія. В. I.
39. Институтъ Императора Александра II. В. I.
40. Духовная Семинарія. В. I.
41. Семинарское общежитіе Б. З.
42. Кулибинское ремесленное училище. Б. I.
43. Маріинскій Пріютъ. В. I.
44. Маріинскій Институтъ. А. I.
45. Маріинская женская гимназія (1-я). Г. К.
46. Епархіальное женское училище. В. Г.
47. Реальное „Владимірское“ училище. В. К.
48. Женская гимназія Е. Т. Хрящевской. В. I.
49. 2-я женская гимназія В. I.
50. Коммерческое училище. В. I.
51. Ремесленная управа (и школа). В. I.
52. Рѣчное училище и Петровскій музей. Г. I.
53. Сергіевское Духовное училище. Г. I.
54. Александровскій пріютъ Г. К.
55. Мининская богадѣльня. Г. К.
56. Губернская Земская богадѣльня. Б. I.
57. Родовспомогательное завед. и Александровская богадѣльня. Б. К.
58. Кутаисовскій дѣтскій пріютъ. В. Л.
59. Общежитіе гимназистовъ братства Кирилла и Меѳодія. В. К.
60. Домъ Трудолюбія. Б. I.
61. Каратаевскій пріютъ для бѣдныхъ дѣтей Д. К.
62. Сиротопитательн. Отдѣленіе Маріинскаго Родовспомогательн. заведенія. Б
63. Губернская Земская Больница. Б. I.
64. Психіатрическое отдѣленіе Губернской Земской больницы. А. I.
65. Губернская Земская Управа. Б. I.
66. Уѣздная Земская Управа. А. I.
67. Ночлежный домъ имени А. Н. Бугр[ова] В. I.
68. Вдовій домъ Бугровыхъ и Блиновы[хъ] Г. Л.
69. Сухаревскій воспитательный домъ. В.
70. Убѣжище для призрѣнія бѣдныхъ дѣт[ей] Г. М.
71. Мукомольная мельница Башкировыхъ Д. К.
72. Мукомольная мельница Четверік[овыхъ] Д.
73. Механическій заводъ Товарищест[ва] Добровыхъ и Набгольцъ. Г. I.
74. Механическій заводъ Курбатова „Мазутъ“ А. З.
75. Лютеранская кирка. В. К.

Объясненіе знаковъ къ плану ярмарки и Кунавина.

1. Спасскій соборъ Ж. I.
2. Александро-Невскій соборъ. Е. I.
3. Армянская церковь. Ж. Г.
4. Мечеть Е. I.
5. Главный домъ. Е. I.
6. Больница. Ж. К.
7. Вокзалъ. Ж. К.
8. Театръ. Е. I.
9. Циркъ. Ж. I.
10. Китайскіе ряды. Ж. I.
11. Мельница Башкирова. Е. Л.
12. Заводъ Рукавишниковыхъ Е. Л.
13. Городскія бойни.
14. Гауптвахта. Е. К.
15. Пакгаузъ. Е. К.
16. Народная столовая и чайная Е. I.
17. Электрическая станція. Ж. Г.
89. Китайскій проѣздъ Ж. I.
19. Игнатьевскій ночлежный пріютъ. Е. З.

76. Лютеранское кладбище. Б. К.
77. Католическій костелъ. В. I.
78. Еврейская синагога. В. К.
79. Военный манежъ. В. I.
80. Водокачка Д. М.
81. Казенная палата. Б. I.
82. „Ромадановскій“ вокзалъ. Д. Л.
83. „Дмитровскій“ музей. В. I.
84. Почтово-телеграфная конт. № 2 (в Блиновскій пассажъ). Г. I.
85. Телефонная станція. В. I.
86. Биржа. Г. I.
87. Петропавловскій садъ. Б. К.
88. Памятникъ Александру II. В. I.
90. Ильинскій пер. Г. I.

I. Губернаторскій домъ. В. I.
II. Губернскія присутственныя мѣста В. I.
III. Арсеналъ В. I.
IV. Военныя Красныя казармы. В. З.
V. Почтово-телеграфная контора № 1. В. I.
VI. Новое зданіе Думы. В. I.
VII. Городская Публичная библіотека. В. I.
VIII. „Николаевскій“ театръ. В. I.
IX. Окружный судъ. В. I.
X. Отдѣленіе Государственнаго Банка. В. I.
XI. Первый тюремный замокъ. В. К.
XII. Народный домъ. Б. К.
XIII. Казенный винный складъ. А. К.
XIV. Второй тюремный замокъ. Г. Л.
XV. Удѣльная контора. А. I.
XVI. Домъ Дворянскаго Собранія. В. I.
XVII. Духовная Консисторія. В. I.
XVIII. Управленіе Государственными имуществами. Б. I.

КАРТА
НИЖЕГОРОДСКОЙ
ГУБЕРНІИ.
Масштабъ
Поясненіе знаковъ:
Нижній-Новгородъ
Семеновъ
Балахна
Горбатовъ
Макарьевъ
Княгининъ
Арзамасъ
Ардатовъ
Перевозъ
Сергачъ
Лукояновъ
Васильсурскъ
Починки
Вязники
Гороховецъ
Муромъ
Краснослободскъ
Пучежъ
Волга